II-10.
Ф-145.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ
И
ПАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ и И. ПЕСОЦКИМЪ.

7952.7004

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1845.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ГОСУДАРСТВ... АДЕМ.
Ленинград... Театраль...
БИБЛИОТЕ...
имени А. В. ЛУН... ...ОГО
ТЕАТР... ...АМЫ

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Крайя.
1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 30 Декабря 1844 года.

Цензоръ *Мехелинъ*.

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

1845.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

(16½ листовъ.)

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
I.	Посвященіе къ трагедіи «Фаустъ». (Изъ *Гете*). Стихотвореніе *А. Фета*	649
II.	Любовь и приличіе. Повѣсть XIX столѣтія, *Виктора Пескромнаго*. (Окончаніе.)	651
III.	Къ Лелли. Стихотвореніе *А. А. Григорьева*	704
IV.	Ермакъ Тимоѳеичъ или Волга и Сибирь. Драматическое представленіе въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе *П. А. Полеваго*	705
V.	[illegible]рости (Farewell). Изъ *Байрона*	835
VI.	Искусство и художники. Малибранъ	836
VII.	На зовъ друзей. (Изъ *А. Барбье*) А. Пл....ва	850
VIII.	Матеріалы для исторіи русскаго театра. О началѣ театра въ Россіи. Статья *П. Рындовскаго*	852
IX.	Одна глава изъ «Сказаній объ одной темной жизни». *А. А. Григорьева*	866
X.	Юмористика. Замѣтки Петербургскаго Зѣваки. § 4. Большой-Театръ. *Физіологическо-философическо-типическій очеркъ*	872
XI.	Смѣсь. Издали и вблизи. Разсказъ Г-жи Маріи Экаръ. — Ночные товарищи. — Литературный сеансъ въ Тюйльери. — Каламбуръ. — Забавная сцена въ парижской полиціи. — Какъ скоро въ Парижѣ получаютъ европейскую знаменитость. — Новая комедія Мольера. — Куплеты новобрачнымъ А. В. и А. В. З—мъ. — Нѣсколько словъ къ портрету пѣвицы Персіани. — Анекдоты и мелочи	889

Къ этой книжкѣ приложенъ:

Портретъ знаменитой пѣвицы Персіани, во весь ростъ, рисованный и литографированный въ Парижѣ.

Примѣчаніе. Обѣщанное ко 2-й книжкѣ приложеніе будетъ разослано Г-мъ подписавшимся при одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ «Театральной Лѣтописи». Содержаніе его:

Сцена изъ петербургской жизни: «Уличные музыканты.»

ПОСВЯЩЕНІЕ КЪ ТРАГЕДІИ «ФАУСТЪ».

(Изъ Гёте).

Вновь вижу васъ, воздушныя видѣнья!
Давно знакомъ печальный съ вами взоръ:
Иль сердце къ вамъ полнò опять влеченья?
Иль грудь хранитъ безуміе съ тѣхъ поръ?
Вы принеслись! Я, полонъ умиленья,
Въ туманной мглѣ привѣтствую вашъ хоръ.
Трепещетъ грудь младенческими снами,
Отъ волшебства, навѣяннаго вами.

* * *

Вы обновили свѣтлыхъ лѣтъ картину —
И много милыхъ òжило тѣней.
Подобно сагѣ, смолкшей вполовину,
Звучитъ любовь и дружба прежнихъ дней.
И больно мнѣ, — давнишнюю кручину
Несетъ мнѣ жизнь со всѣхъ своихъ путей,
И кличетъ тѣхъ, которыхъ въ мигъ участья
И унесло и обмануло счастье.

* * *

Имъ не слыхать послѣдующихъ пѣсенъ,
Всѣмъ тѣмъ, кому я первыя пѣвалъ;
Кружокъ привѣтныхъ, избранныхъ сталъ тѣсенъ,
И отголосокъ первый отзвучалъ.

Кому пою, тотъ кругъ мнѣ неизвѣстенъ,
Его привѣтъ мнѣ сердце запугалъ;
А тѣ, чей слухъ мою и любитъ лиру,
Хотя въ живыхъ, разсѣяны по міру.

* * *

И вновь во мнѣ могучее стремленье
Въ тотъ кроткій міръ, къ задумчивымъ духамъ;
Неясное подъемлю пѣснопѣнье,
Подобное эоловымъ струнамъ.
Проснулось въ строгомъ сердцѣ умиленье,
Невольно слезы слѣдуютъ слезамъ:
Все, чѣмъ владѣю, кажется мнѣ лживо;
А что̀ минуло — предо мною живо.

А. ФЕТЪ.

ЛЮБОВЬ И ПРИЛИЧІЕ.

ПОВѢСТЬ XIX-го СТОЛѢТІЯ. (*)

VIII.

Судьба однако не благопріятствовала Вельскому.

Графиня на другой день, сидя въ гостиной, получила по городской почтѣ письмо. Оно было отъ Сонина.

На четырехъ, мелко-исписанныхъ страницахъ почтоваго листа, поэтъ выражалъ страданія души своей.

Вотъ самое вѣрное извлеченіе изъ этого письма, которое я считаю излишнимъ помѣщать въ подлинникѣ.

По счастью оно было написано по-русски, и это избавляетъ меня отъ труда переводить его. Хотя вообще языкъ влюбленныхъ надобно непремѣнно еще разъ переводить на языкъ здраваго смысла, но я за это не берусь, по весьма-уважительной причинѣ, — что самъ не понимаю его.

Вотъ начало письма Сонина:

«Прочтите это письмо, графиня, не бросайте его на первыхъ строкахъ, прочтите его, если въ душѣ вашей есть хоть капля состраданія, если му́ки

(*) См. 2-ю книжку «Репертуара и Пантеона» 1845 года.

безнадежной любви хоть по слуху знакомы вамъ. Прочтите его — и потомъ наказывайте меня вашимъ гнѣвомъ, презрѣніемъ, но только не насмѣшками, ради Бога не насмѣшками: я достоинъ вашего сожалѣнія. Если-бъ вы знали, что происходило въ душѣ моей въ это послѣднее время — вы-бы сказали — этотъ человѣкъ герой, онъ перенесъ такія мученія, отъ которыхъ другой давно-бы раздробилъ себѣ черепъ. И я-бы сдѣлалъ это, графиня, но судьба, отравивши жизнь мою, приковала меня къ ней неразрывными, тяжолыми цѣпями. Я долженъ жить и страдать — то-есть дважды страдать.

Зачѣмъ я пишу къ вамъ? Чтобы разорвать послѣднее звено, привязывающее меня къ жизни — надежду, чтобы потомъ только страдать, но ужъ не жить болѣе.

Я люблю васъ. Кажется, не трудно написать эти три слова, но видитъ Богъ, что я не произнесъ-бы ихъ до могилы, за всѣ пытки, за всѣ радости жизни, если-бъ вы сами меня къ этому не принудили.

Будьте вы горды, холодны, я-бы любилъ и молчалъ; осыпьте меня своимъ презрѣніемъ и насмѣшками — я-бы любилъ и молчалъ; обращайтесь со мною, какъ съ другомъ, какъ съ братомъ — я-бы любилъ и молчалъ. Но вы, графиня, вы подали мнѣ надежду — и я не могъ любить — и молчать.

Вы видите, графиня, до какой степени я безуменъ. Я смѣю говорить, что вы подали мнѣ надежду, — я такъ увѣренъ въ этомъ!....

Молча сносилъ я муки и терзанія, молча перенесъ-бы презрѣніе и ненависть, но не могу молча сносить неизвѣстности.

Накажите-же графиня мою дерзость, мое ослѣпленіе, разорвите послѣднюю цѣпь, привязывающую меня къ этой жизни, убейте однимъ словомъ мою безумную надежду, и я буду благословлять васъ».

Далѣе продолжались различныя варіаціи на эту-же тему; описаніе его жизни, грустной и тягостной до того времени, какъ онъ ее увидѣлъ, мучительной, но сладкой съ-тѣхъ-поръ, какъ она его замѣтила. Далѣе слѣдовали разныя жалобы на судьбу, на людей, на самого-себя, разказъ его жизни, полной лишеній, неудовольствій и горькой необходимости продавать за деньги свой небесный даръ.

Прочитавъ письмо, графиня опустила голову на сильно-волнующуюся грудь; въ глазахъ ея блистали слезы.

— Это любовь, думала она: это истинная любовь. Она существуетъ — вотъ доказательство! Эти слова вырвались у него изъ глубины души и каждое стóило ему невыразимыхъ мукъ. И кáкъ онъ любитъ меня! Какое счастье быть любимой такъ сильно и пламенно! Стóятъ-ли всѣ наши свѣтскія условія и приличія одной слезы этой высокой любви? О! эта любовь создастъ для меня особый міръ, — она обѣщаетъ мнѣ столько счастья, — я буду жить новой, еще незнакомой мнѣ жизнью. И этой прекрасной, чистой

страсти я не пожертвую глупыми предразсудками свѣта? И я буду такъ малодушна? Нѣтъ! нѣтъ! такая любовь достойна награды!...

И въ порывѣ великодушія, она велѣла принести въ гостиную бумаги, перьевъ, и наскоро написала къ нему эти строки:

«Столько любви и чувства должны найти отголосокъ въ каждомъ сердцѣ. Я не сержусь на васъ. Не предавайтесь отчаянію. Вспомнитѣ, что у васъ есть и другія обязанности, что одинъ вашъ необдуманной поступокъ можетъ....»

Графиня остановилась на этомъ словѣ. Она не хотѣла подавать ему слишкомъ много надежды, не хотѣла и отнять ея. Аристократическая гордость все-таки твердила ей: ты дурно поступаешь, и она ни за что-бы не согласилась, чтобъ свѣтъ узналъ объ ея запискѣ. Волненіе ея немножко поуспокоилось, и она наскоро дописала:

«.... что одинъ вашъ необдуманный поступокъ можетъ меня окомпрометировать, тогда какъ я не хочу быть причиною погибели человѣка, котораго жизнь нужна для его семейства, для славы отечества. Разорвите эту записку».

И она послала ее съ человѣкомъ, строго приказавъ отдать самому Сонину.

Записка эта, какъ вы видите, была очень-темна; но Сонинъ, получивъ ее, былъ въ восторгѣ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, безъ-ума былъ влюбленъ въ графиню, и она сама была причиной этой страсти. Какъ безумный онъ бросился изъ дому, чтобы упасть предъ ней на колѣна, благодарить ее за ангельскую доброту души ея, излить передъ ней весь жаръ своего сердца. Взбѣгая на крыльцо графини, онъ столкнулся съ Вельскимъ.

— Какое несчастіе! подумалъ онъ.

Вельскій, увидѣвъ сіяющее удовольствіемъ лицо поэта, тотчасъ догадался, что случилось что-нибудь необыкновенное, и сжимая ему руку, сказалъ самымъ ласковымъ тономъ:

— Какъ я радъ, М-г Сонинъ, что случай опять доставилъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ. — Графиня принимаетъ?...

— Сейчасъ доложу-съ, отвѣчалъ рослый лакей.

— Постой, любезный, доложи объ одномъ Г-нѣ Сонинѣ, сказалъ Вельскій. Кажется, я забылъ одну вещь, которую обѣщалъ привезти графинѣ, продолжалъ онъ, роясь въ карманахъ, и долженъ буду опять ѣхать за нею домой.

— Какъ? Вы не войдете со мною къ графинѣ? спросилъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ Сонинъ.

— Черезъ полчаса я явлюсь къ ней, отвѣчалъ Вельскій, надѣвая шубу. Лакей отворилъ двери, вскрикнувъ: Пожалуйте!

Сонинъ, съ лицомъ пылающимъ отъ радости, вошелъ въ пріемныя комнаты; Вельскій между-тѣмъ думалъ:

— Кажется, я хорошо разсчиталъ. Сонинъ спѣшитъ, вѣрно, по приглашенію графини. Обоихъ насъ она не приняла-бы и велѣла-бы ему явиться послѣ. Теперь она ужъ не можетъ отказать мнѣ.

И сбрасывая шубу, онъ сказалъ лакею.

— Впрочемъ доложи и обо мнѣ, любезный! Графиня, вѣрно, извинитъ мою забывчивость!

Между-тѣмъ другой лакей, отворяя двери Сонину, говорилъ:

— Графиня въ диванной!

Сонинъ быстро перебѣжалъ рядъ комнатъ, и очутился передъ графиней. Она дернула колокольчикъ. Явился еще лакей, которому она хотѣла приказать отказывать всѣмъ, но въ это-же время въ дверяхъ диванной раздался голосъ:

— Г-нъ Вельскій! прикажите принять?

Графиня взглянула на Сонина съ какимъ-то нерѣшительнымъ видомъ; тотъ то-же съ удивленіемъ смотрѣлъ на дверь. Послѣ минутнаго молчанія, она съ видимой досадой сказала: Проси.

Вельскій явился.

Съ веселой улыбкой поклонился онъ графинѣ, которая точно также ласково улыбнулась ему.

— Они объяснились! подумалъ онъ.

— Онъ все знаетъ! подумала она.

И они усѣлись. Сонинъ молчалъ. Графиня не рѣшилась къ нему обратиться. Положеніе ихъ было довольно-затруднительно. Вельскій, по-видимому, ничего не примѣчалъ. Онъ очень-равнодушно началъ разговоръ о погодѣ, о петербургскихъ новостяхъ, говорилъ умно и долго. Графиня изрѣдка отвѣчала односложными фразами. Сонинъ молчалъ.

— Знаете-ли графиня, что я вчера уснулъ въ пять часовъ утра, сказалъ наконецъ Вельскій, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Что-жъ тутъ удивительнаго. Вчера вы танцовали у меня до трехъ.

— Да, но послѣ бала, возвратясь домой, я взялъ первую попавшуюся мнѣ книгу, чтобъ скорѣе уснуть и зачитался до того, что не могъ отъ нея оторваться.

— Что-же это за книга? разсѣянно спросила графиня.

— *Оборванныя Струны*, стихотворенія г-на Сонина.

Поэтъ сухо поклонился.

— И вы занимаетесь поэзіею?

— До-сихъ-поръ, признаюсь, я мало обращалъ на нее вниманія. Но стихотворенія г-на Сонина помирили меня и съ поэтами, и съ поэзіей. Я теперь постигаю, что можно проводить цѣлыя ночи, отыскивая рифмы, укладывая слова въ строчки, а строчки въ строфы, то коротенькія, то длинныя. Сколько чувства, сколько души, сколько богатыхъ мыслей!... Зная, что въ вашей библіотекѣ нѣтъ ни одной русской книги, я рѣшился привезти вамъ «Оборванныя Струны» и подѣлиться съ вами тѣмъ восторгомъ, который вдругъ запылалъ въ душѣ моей при чтеніи этихъ прекрасныхъ стихотвореній. Я увѣренъ, что они доставятъ вамъ большое удовольствіе, тѣмъ болѣе, что вы, вѣрно, не читали ихъ.

— Вы ошиблись, я нѣсколько разъ читала ихъ и восхищалась ими, отвѣчала графиня съ видимой досадой. Она точно читала ихъ, но это было давно, и есть-ли человѣческая возможность упомнить всѣ мелкія стихотворенія! Вельскій именно на это разсчитывалъ.

— Тѣмъ лучше, графиня. Я увижу, сходны-ли наши вкусы. Позвольте узнать, которыя изъ нихъ вамъ больше всего понравились?

— Ахъ! Боже мой, очень-многія, отвѣчала графиня смѣшавшись.... И какъ нарочно ни одно названіе не приходило ей въ голову.

— Можетъ-быть, это секретъ, сказалъ, улыбаясь, Вельскій.

Графиня вспыхнула и рѣшилась сказать на удачу самое обыкновенное названіе, которое чаще всего встрѣчается у поэтовъ.

— Не секретъ, но они всѣ такъ хороши, что трудно сказать рѣшительное мнѣніе.... Больше всѣхъ, впрочемъ, прибавила она, видя лукавую улыбку Вельскаго: — мнѣ нравится стихотвореніе *къ ней*.

— Извините, графиня, отвѣчалъ Сонинъ угрюмо: — я никогда не подражалъ пышнымъ поэтамъ, и ни разу не писалъ *къ ней*.

— Я хотѣла сказать, вообще въ тѣхъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ вы выразили чувства свои къ той, которую любите.

— Вѣрно вы говорите про *16-ти лѣтнюю дѣвушку?* Это стихотвореніе удивительно, прервалъ Вельскій. — Поэтъ такъ прекрасно описываетъ любовь свою къ дѣвушкѣ, которая еще не испытала обольщеній свѣта, къ чьимъ устамъ не прикасались *другія грѣшныя уста*, которая *и чиста и свята*, и недавно покинула *стѣны монастыря*, гдѣ она восхваляла *небесъ Царя*. Вѣр-

но, вы хотѣли сказать, что предметъ вашей страсти пѣлъ на клиросѣ въ Смольномъ-монастырѣ?

Сонинъ вспыхнулъ въ свою очередь. Эта дѣвушка была предметомъ первой любви его молодости.

— Это такъ, фантазія, первые опыты мои, пробормоталъ онъ.

— Однакожъ, фантазія эта у васъ продолжалась довольно-долгое время, продолжалъ Вельскій, перебирая книгу въ бумажной розовой обверткѣ. Я вижу тутъ цѣлый рядъ посланій, очевидно адрессованныхъ къ одной и той-же особѣ: *Свѣтѣ и Невинность*, *Монастырку*, *Моему Идеалу*, *Земной Ангелъ*, *Надинѣ С.* А! такъ вашу пассію зовутъ Надиной. Прекрасное имя. Гораздо-лучше Татьяны.

Графиня покраснѣла съ досады. Ее на нашемъ православномъ языкѣ звали Татьяной Андреевной, а по французски Madame la Comtesse Témire.

— Это имя сдѣлалось идеаломъ всѣхъ женскихъ совершенствъ, послѣ того, какъ его обезсмертилъ Пушкинъ, съ горячностью возразилъ Сонинъ.

— Не спорю; но вѣроятно, Надина вамъ нравилась еще больше, потому-что вы только ее и воспѣваете въ стихахъ вашихъ. Но вотъ, графиня, превосходнѣйшіе стихи, лучше которыхъ я ничего не читалъ на русскомъ языкѣ, не исключая даже и стиховъ Пушкина.

И онъ, не дожидаясь позволенія, началъ читать на-распѣвъ, самымъ классическимъ образомъ:

Не призывай, коварное созданье,
Меня на грудь преступную твою!
Ты мнѣ несешь не первое лобзанье,
Не первую любовь даришь свою.
Ты разъ была ужъ клятвою святою,
Съ *нимъ* связана предъ алтаремъ святымъ,
Ты падала на грудь его главою,
Томимая желаньемъ огневымъ.
Ты шепчешь мнѣ: «люблю», но ты шептала
Слова любви другому, какъ и мнѣ,
Другаго ты въ объятіяхъ сжимала,
Другаго ты лобзала и во снѣ.
Ты разъ клялась не измѣнять супругу—
И въ гробѣ онъ, быть-можетъ, слезы льетъ.

Нѣтъ! у пѣвца другая есть подруга —
Тебя-жъ одно презрѣнье въ мірѣ ждетъ!

Графиня горѣла отъ досады и негодованія; Сонинъ былъ разбитъ, уничтоженъ, опозоренъ.

Вельскій прехладнокровно закрылъ книгу и сказалъ:

— Не правда-ли, стихи удивительные? Я ихъ не такъ хорошо прочелъ, но мысли отъ этого ничего не потеряли. Стихотвореніе, какъ вы видите, небольшое—но сколько тутъ чувства. Оно безъ заглавія, и вопреки глупой русской пословицѣ: «безъ имени овца баранъ», ясно показываетъ, что поэтъ не смѣлъ написать прямо фамиліи той особы, къ которой оно адрессовано. Оно изъ самыхъ послѣднихъ....

— Это поэтическая фантазія, которая ни къ кому не относится! почти внѣ себя вскричалъ Сонинъ.

— Это и видно, хладнокровно отвѣчалъ Вельскій. — Оно было написано прежде, чѣмъ вамъ сказали *люблю*. Но вы ужъ ожидали этого, и въ пылу чистоты чувствъ и благородной гордости, написали это громовое посланіе, которое должно было образумить коварную. Жаль только, что она его прежде не прочитала.

Положеніе Сонина было ужасно. Онъ не дурно писалъ стихи. Вельскій, какъ нарочно, выбралъ самые плохіе. Бѣднаго поэта никогда никакое коварное созданіе и не думало призывать на свою преступную грудь. Это было написано имъ просто изъ поэтическаго хвастовства, для того, чтобъ сказать своей Надинѣ: «Я пожертвовалъ вамъ страстной любовью подобной женщины.» Графиня невольно чувствовала досаду при мысли, что поэтъ не близь ея одной почерпалъ вдохновеніе, и что не ей одной шептали эти гармоническіе звуки о любви и счастьи. Оба они желали прекратить эту непріятную сцену; но Вельскій, ничего не замѣчая, очень-хладнокровно разсуждалъ о красотахъ прочитаннаго произведанія.

— Возьмите, говорилъ онъ: — какой торжественный размѣръ! Пятистопный ямбъ, который профаны называютъ рубленой прозой! Онъ особенно хорошъ своимъ однообразіемъ, своимъ однозвучнымъ паденіемъ стиха. Въ особенности мнѣ нравится это выраженіе:

Ты мнѣ *несешь* не первое лобзанье!

Подносить лобзанія—это и ново, и оригинально, и очень-вѣрно выражено. И потомъ—*коварное созданье, съ преступной грудью,*

какое роскошное и новое выраженіе! Обыкновенный поэтъ сказалъ-бы—преступные уста, преступные взгляды; но, разумѣется, когда женщина дѣлаетъ преступленіе, то всего преступнѣе въ ней—ея грудь. Послѣ этого какъ удачно можно было-бы сказать про человѣка, который бѣжалъ съ поля сраженія: *И ты, злодѣй, съ преступными ногами!* Очевидно, что тутъ самая преступная часть — ноги, потому-что безъ нихъ онъ не совершилъ бы преступленія. И потомъ этотъ *ужъ* по срединѣ стиха

Ты разъ была *ужъ* клятвою святою...

Какъ удачно онъ связываетъ обѣ части стиха, который безъ него распался-бы на двѣ половинки. И это славянское: *главою*, и смѣлыя рѳмы: *супругу* и *подруга*, которыя нынѣче въ такой модѣ у всѣхъ поэтовъ,—однимъ словомъ, по моему, это образецъ изящнаго, который можно помѣстить даже въ риторику Кошанскаго.

Сонинъ, разумѣется, понималъ цѣль этихъ насмѣшекъ, которыя Вельскій не старался даже сдѣлать тонкими. Онъ готовилъ ему самый грубый отвѣтъ, но вдругъ на порогѣ диванной снова появился лакей.

— Господинъ Касовскій! Прикажете принять? прибавилъ онъ.

Вельскій сдѣлалъ очень-довольную мину.

Графиня была въ отчаяніи. Все шло не такъ, какъ ей хотѣлось

— Проси.

И она бросила украдкой взоръ на поэта. Онъ не одинъ однако поймалъ этотъ взоръ.

Вошелъ музыкантъ.

Разговоръ опять начался съ погоды, потому-что Касовскій долженъ-же былъ сообщить свои замѣчанія, приготовленныя на дорогѣ, касательно этого предмета, играющаго такую важную роль въ петербургскихъ разговорахъ.

И Сонинъ и графиня отдохнули немножко, покамѣстъ Касовскій очень-серьёзно разсказывалъ, что сѣверный вѣтеръ перемѣнился, и что, по всей вѣроятности, нужно ожидать оттепели.

Вельскій прервалъ эту глубокомысленную фразу вопросомъ:

— Скажите, М-г Касовскій! выгодна служба у васъ въ департаментѣ?

Касовскій покраснѣлъ; онъ вообще не любилъ, чтобы съ нимъ говорили объ его службѣ.

— Особеннаго нѣтъ ничего! отвѣчалъ онъ неохотно и запинаясь. Графиня, вы не ѣдете сегодня смотрѣть Тальйони?

— Нѣтъ, я сегодня на вечерѣ у Зерницыной.

Но Вельскій былъ безжалостенъ.

— Я удивляюсь, право, какъ вамъ достаетъ время писать ваши прекрасныя фантазіи, когда вы цѣлый день должны заниматься въ департаментѣ?

Касовскій сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ словъ его и продолжалъ разговаривать съ графиней.

— Но вы-бы, мнѣ кажется, поспѣли и вътеатръ, и на вечеръ?

— Это правда, но я ужъ видѣла Герту..

— А что вамъ больше приноситъ доходу — служба или музыка? продолжалъ неумолимый Вельскій.

Касовскій рѣшился лучше сдѣлать неучтивость и не отвѣчалъ ничего. Вельскій, подождавъ нѣсколько времени отвѣта, началъ снова.

— Тутъ, кажется, не можетъ быть никакого секрета; еще положимъ служба, но ужъ музыка, вѣрно, не можетъ давать никакихъ постороннихъ доходовъ.

Касовскій вспыхнулъ.

— М-г Вельскій, мнѣ кажется, что вы говорите вещи, которыя. ..

— Извините! вы мнѣ не отвѣчали ни слова на мой вопросъ и потому я сдѣлалъ свое предположеніе....

— М-г Касовскій, быстро подхватила графиня, не забудьте, что вы обѣщались мнѣ сыграть еще разъ вашу фантазію *Le diable pardonné*. Вчера на балу, въ большомъ кругу, я не могла хорошенько оцѣнить ваше прекрасное произведеніе.

Касовскій сухо поклонился, еще взволнованной словами Вельскаго.

— Ахъ кстати, прибавилъ тотъ. Вчера я вошелъ, когда ужъ вы кончали вашу новую фантазію и очень-бы радъ былъ прослушать ее. Всѣ ваши чертовскія идеи мнѣ удивительно какъ нравятся. И первый разъ, какъ я имѣлъ счастіе слушать васъ, вы играли что-то дьявольское.

Музыкантъ ничего не отвѣчалъ. Видно было, что онъ борется съ желаніемъ насказать грубостей Вельскому и уваженіемъ къ графинѣ.

Сонинъ поднялся съ кресель и поклонился.

— Куда-же вы, М-г Сонинъ? сказала графиня съ легкою краскою на щекахъ. Это была первая фраза, которую она адрессовала лично къ нему во все время ихъ свиданія.

Сонинъ также съ примѣтнымъ замѣшательствомъ отвѣчалъ:

— Я долженъ.... нѣкоторые визиты.... необходимость....

— Вы будете на вечерѣ у Зерницыной?

— Непремѣнно, графиня!

— Въ такомъ случаѣ мы съ вами увидимся.

Сонинъ поклонился и исчезъ.

— Одного выжилъ, подумалъ Вельскій, примемся за другаго.

IX.

Они перешли въ гостиную.

— Неужели этотъ человѣкъ не оставитъ меня сегодня въ покоѣ? думала графиня.

Вельскій въ это время нагнулся и поднялъ что-то съ полу.

— Что́ вы тамъ нашли? спросила графиня.

— Ничего! половину розовой облатки.

Графиня покраснѣла.

— Охота вамъ заниматься всякимъ вздоромъ! сказала она.

— Да они ужъ и непереписываются! подумалъ Вельскій.

Музыкантъ сѣлъ за фортепьяно.

Онъ игралъ долго и съ чувствомъ. Но ни графиня, ни Вельскій не слушали его. Первая думала о Сонинѣ, о любви его, о занимательности, о новости своего положенія. Второй обдумывалъ дальнѣйшій ходъ своихъ походовъ.

Оба однакоже вскричали: «Удивительно!» когда Касовскій кончилъиграть.

— Удивительно! повторилъ Вельскій. Но ваша первая ноктурна нравится мнѣ все таки больше. Въ ней видно столько грусти и непритворнаго отчаянія. Вашъ демонъ такъ мило вымаливаетъ прощеніе; каждая нота полна безнадежности: по всему видно, что вы тогда были влюблены и умоляли о взаимности.

Касовскій презрительно улыбнулся.

— А въ теперешней вашей фантазіи преобладающая идея восторгъ и радость. Вѣрно, вашъ *прощенный демонъ* досталъ уже того, о чемъ онъ *плакалъ* въ первой ноктурнѣ. Я держу пари, что оба эти произведенія посвящены одной и той-же особѣ.

онъ быстро отвернулъ первый листъ ноктурны, которую отыскалъ въ кучѣ нотъ еще прежде и прочелъ: ***Les larmes du diable.... dédié á....*** Позвольте, это имя что-то очень трудно разобрать... И онъ началъ читать почти по складамъ.

— Дше-шпи-ски-тшу-ша-лоффъ. Это должно-быть какая-нибудь китайская принцесса. Я у русскихъ не слыхалъ такой фамиліи.

— Это посвящено.... моей ученицѣ, съ какимъ-то замѣшательствомъ отвѣчалъ Касовскій. Фамилія ея Щехинская-Чухалова.

— Скажите! Я-бы никакъ не догадался. Впрочемъ ученицы всегда начинаютъ съ ихъ учителями съ adagio и идя crescendo доходятъ до самаго бѣшенаго fortissimo, если родители ихъ не прогонятъ учителя заранѣе, до окончанія финала. А вашъ дуэтъ съ госпожой Чухаловой на чемъ остановился? Прошли-ли вы постепенно съ ней всѣ гаммы, или прямо начали съ фантазій?

Касовскій взялъ шляпу.

— Позвольте однако взглянуть, кому посвященъ вашъ *утышенный дьяволъ*.

И онъ прочелъ:

LE DIABLE PARDONNÉ,

Fantaisie brillante

POUR LE PIANO-FORTE

DEDIÉE

á Son Excellence Madame la Comtesse

Témire de Ventzeslavsky

par

A. T. Kassovsky.

— А нѣтъ! такъ, значитъ, я ошибся.

Касовскій раскланивался графинѣ.

— Какъ, и вы тоже меня осавляете?

— Мнѣ необходимо нужно, графиня.

Графиня холодно поклонилась.

— Вы тоже уходите, М-г Вельскій, быстро сказала она, обратившись къ нему.

— Нѣтъ-съ, я остаюсь, если вы позволите, прибавилъ онъ съ улыбкой.

И потомъ снова повернулся къ Касовскому.

Позвольте также спросить, отъ-чего вы пишите на вашихъ нотахъ A. T. Kassovsky, когда васъ зовутъ Александромъ Федоровичемъ?

Но обиженный музыкантъ ужъ скрылся за дверью.

— Вы сегодня несносны и жестоки, сказала графиня, опускаясь въ кресла съ недовольнымъ видомъ.

— Врагъ развѣ можетъ поступать иначе, графиня?

— Но зачѣмъ-же вы преслѣдуете *ихъ*, а не *меня?* сказала она.

— Потому-что я въ одно время наношу удары *имъ* и *вамъ*, отвѣчалъ онъ.

Графиня замолчала.

— Что вамъ писалъ Сонинъ, въ письмѣ, которое вы сегодня отъ него получили? спросилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.

Графиня покраснѣла.

— Вы забываете, что враги не открываютъ другъ другу тайнъ своихъ.

— Ну такъ я вамъ скажу самъ: это было любовное признаніе.

— Можетъ-быть!

— Но вы, вѣрно, не отвѣчали ему письменно?

— Отъ-чего вы это думаете?

— Это-бы была величайшая неосторожность, сказалъ онъ серьёзнымъ тономъ. Развѣ вы не знаете, что записка вашей руки можетъ навсегда погубить и обезславить васъ? Я-бы скорѣе простилъ вамъ поцѣлуй, если-бы вы вздумали подарить его Сонину. Отъ него не остается никакихъ слѣдовъ, но записка! Ахъ, графиня, графиня, что вы сдѣлали?

— Неужели это такъ важно? спросила она, поблѣднѣвъ.

— До такой степени, что ее во что-бы-то ни стало надо получить обратно.

— Я просила разорвать ее.

— И вы думаете, что онъ это сдѣлаетъ? Помилуйте, графиня, вы вѣдь не институтка, не вчера явились въ свѣтъ, а говорите такія несообразности.

— Но въ ней ничего не было такого....

— Что вы понимаете подъ словомъ *такого?* Если тамъ ненаписано, что вы хотѣли-бы расцѣловать его, такъ вы думаете, что свѣтъ не пойметъ этого? Дайте мнѣ три слова, написанныя рукою самого благороднаго человѣка, и я составлю по нимъ уголовный доносъ!... Неужели, въ-самомъ-дѣлѣ, васъ ослѣпила любовь?

И при этихъ словахъ брови его сдвинулись, и какая-то грусть мелькнула въ чертахъ.

Графиня опустила голову и молчала.

— Я попрошу его возвратить мнѣ....

— Опять! Да развѣ онъ сумасшедшій, чтобъ ее отдать вамъ?...

— Но что-же мнѣ дѣлать?

— И самъ не знаю!... Надобно что-нибудь придумать, но теперь ничего не идетъ въ голову. Силой тутъ ничего не сдѣлаешь. Нужна хитрость. Но, графиня, прошу васъ, для васъ самихъ, не рѣшайтесь ни на что необдуманно, вдругъ; у васъ горячая голова, вы надѣлаете такихъ вещей, которыхъ вамъ свѣтъ не проститъ никогда и которыхъ вамъ ничѣмъ нельзя будетъ поправить. Посовѣтуйтесь съ людьми, къ которымъ вы имѣете довѣренность, которые принимаютъ въ васъ участіе, со мною...

— Съ врагомъ?

— Ахъ, графиня! пора перестать намъ играть комедію. Развѣ вы не видите, что когда дѣло коснется до вашей пользы, то я первый всѣхъ усерднѣе хлопочу объ ней. Я врагъ вашъ только тогда, когда поступки ваши одна забава, развлеченіе. Повѣрьте, что я первый буду помогать вамъ во-время, если увижу только, что это послужитъ къ вашему спокойствію. Я забочусь объ васъ же, стараясь поссорить васъ съ двумя новыми обожателями. Вижу, что это васъ не поведетъ ни къ чему, что это пустой капризъ съ вашей стороны, прихоть раздраженнаго самолюбія и больше ничего, поэтому-то....

— Позвольте мнѣ прервать васъ, сказала графиня, одумавшись и съ явной досадой. Удивляюсь, по какому праву приняли вы на себя роль моего Ментора. Я, по-крайней-мѣрѣ, васъ объ этомъ никогда не просила. Съ чего вы вздумали давать мнѣ совѣты и наставленія? Берегите ихъ пожалуста для другихъ. Я сама лучше всякаго съумѣю оцѣнить мои поступки, и не прошу ничьего вмѣшательства въ дѣла мои. Если я не ищу вашей вражды, то не прошу и дружбы вашей. Дѣйствуйте какъ вамъ угодно, но избавьте меня отъ вашихъ наставленій.

Вельскій хладнокровно всталъ и поклонился графинѣ.

— Я оставляю васъ, сказалъ онъ. Вы сегодня не въ духѣ. Въ васъ опять говоритъ самолюбіе. Не желаю, чтобы вамъ когда-нибудь понадобилась моя помощь; но предвижу, что она будетъ необходима.

И онъ ушелъ.

Графиня опустилась въ кресла и задумалась. Прошло минутъ десять.

— Г-нъ Сонинъ! Провозгласилъ лакей, отворяя снова поэту дверь въ гостиную.

Графиня вздрогнула. Она этого не ожидала.

Трепещущій и взволнованный Сонинъ стоялъ на порогѣ.

— Зачѣмъ вы вернулись, спросила она, кидая на него встревоженный взглядъ.

— И вы спрашиваете объ этомъ, графиня ?... вскричалъ онъ съ какою-то восторженностью. И вы хотите, чтобы я могъ скрыть въ душѣ моей порывы самой пламенной благодарности за вашу ангельскую доброту. Вы однимъ словомъ извлекли меня изъ бездны мученій, спасли отъ отчаянія, влили мнѣ въ сердце радость, заставили полюбить и людей, и жизнь, и природу. О! графиня! дайте мнѣ словъ выразить мою благодарность, дайте мнѣ случай доказать вамъ ее. Я не знаю свѣтскихъ приличій, я не умѣю вставлять мои чувства въ безжизненную рамку холодныхъ фразъ, но я говорю, что́ чувствую. — Не оскорбляйтесь моими словами, графиня; простите мнѣ ихъ, повѣрьте, что я не въ силахъ былъ удержать душевнаго волненія, я готовъ былъ при этомъ Вельскомъ броситься къ ногамъ вашимъ, облить ихъ слезами счастія и благодарности....

Сильно билось сердце графини, огнемъ пылали щеки ея. Съ наслажденіемъ слушала она исповѣдь этой поэтической души, потокъ этихъ словъ, безсвязныхъ но полныхъ чувства. А онъ, не-смотря на то́, что страсть тѣснила грудь его, что кровь горячимъ ключомъ била въ голову, что слова его были полны самого неистоваго восторга, стоялъ отъ нея въ почтительномъ разстояніи, дрожа и блѣднѣя, какъ преступникъ, какъ школьникъ, въ чемъ-нибудь провинившійся.

Тотъ, кто не любитъ — доказываетъ любовь свою колѣнопреклоненіями и поцѣлуями, тотъ, кто любитъ — доказываетъ ее тѣмъ, что удерживается отъ нихъ.

Прошло нѣсколько минутъ, равно пріятныхъ для обоихъ.

— Какимъ образомъ вы узнали, что я одна, спросила тихимъ голосомъ графиня, желая перемѣнить предметъ разговора.

— Я бродилъ около вашего дома, и выжидалъ, когда они уйдутъ. Мнѣ не первый разъ дѣлать это, прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Какъ, вы... вы иногда стоите подъ моими окнами?

— Очень-часто, графиня, если не имѣю другаго средства видѣть васъ.

— Но вы меня этимъ компрометируете?

— Я дѣлаю это тогда, когда меня никто не видитъ... По большей части ночью.

— Какая любовь! подумала графиня.

Они опять замолчали.

Разговоръ изобрѣтенъ людьми, непонимавшими другъ друга.

Молчатъ тогда, когда, понимая другъ друга, боятся дать замѣтить это въ разговорѣ.

— Однакоже Вельскій не видалъ васъ? спросила графиня съ невольнымъ страхомъ.

— Не думаю, я стоялъ за угломъ. Но графиня.... этотъ Вельскій... мнѣ кажется, что онъ всегда причиною вашего неудовольствія; скажите мнѣ одно слово, и я вмѣстѣ съ моею ненавистью брошу ему въ лицо мое презрѣніе.

— Сонинъ! вскричала графиня въ ужасѣ: — я запрещаю вамъ даже думать объ этомъ.

— Онъ дорогъ вамъ, графиня, мрачно отвѣчалъ поэтъ.

— Нѣтъ! Но вы сами... Я хочу сказать, что это ни къ-чему не поведетъ... ссоры.... дуель.... въ нашъ вѣкъ....

И она не знала въ замѣшательствѣ, какъ окончить начатую фразу. Глаза Сонина пылали огнемъ. Вы жалѣете обо мнѣ, графиня. О! ради Бога!... Я сойду съ ума!... Не обольщайте, не обманывайте меня.... скажите: вы лю....

И онъ остановился, испугавшись своей дерзости. Графиня видѣла сама, что она скоро будетъ не въ состояніи владѣть собою и поспѣшила прекратить этотъ опасный разговоръ....

— Успокойтесь! говорила она въ волненіи. Оставьте меня!... Я принимаю въ васъ большое участіе, но.... послѣ. Теперь я хочу остаться одна.

— Графиня! вы хотите меня....

— Нѣтъ! по вечеромъ, на балу, мы увидимся.... А теперь мнѣ нѣкогда, мнѣ нельзя....

И въ то время, когда Сонинъ скрывался за дверьми, и графиня надѣялась успокоиться отъ волненія, на порогѣ опять появился лакей, съ словами «Г-нъ Касовскій».

И прежде, чѣмъ графиня могла произнести одно слово, музыкантъ ужъ стоялъ въ гостиной.

X.

Но чтобы узнать, за чѣмъ музыкантъ такъ неожиданно вернулся, намъ необходимо обратиться назадъ.

Вельскій, сходя съ крыльца дома графини Венцеславской, увидѣлъ на противоположномъ концѣ улицы одного человѣка, который, по видимому, поджидалъ его, и тотчасъ-же пошелъ къ нему, какъ только его замѣтилъ.

— А! экспликація и сатисфакція! подумалъ Вельскій.

Въ это-же время изъ-за угла вышелъ другой человѣкъ, но увидя Вельскаго, снова тотчасъ же скрылся.

— А это возобновленіе прерваннаго свиданія.

И онъ остановился въ раздумьи, не зная помѣшать-ли ему Сонину, или идти объясниться съ Касовскимъ.

— Послѣднѣе выгоднѣе, сказалъ онъ. Сонинъ въ одно свиданіе не сдѣлаетъ рѣшительной побѣды, графиня не неопытная дѣвушка, а Касовскаго я въ полъ-часа собью съ толку.

И онъ смѣло пошелъ на встрѣчу противника.

— Я васъ ждалъ, сказалъ ему музыкантъ трагическимъ тономъ.

— Извините, если я долго заставилъ васъ дожидаться. Я-бы поторопился окончить разговоръ мой съ графиней, если-бы зналъ, что вы въ это время гуляете по морозу. Я никогда не прощу себѣ, если вы въ это время простудились или что-нибудь себѣ отморозили.

— Избавьте меня отъ вашихъ извиненій и насмѣшекъ, отвѣчалъ музыкантъ сухимъ тономъ. Мнѣ нужно съ вами объясниться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Къ чему такъ торопиться. Chi va piano va sano. Вы, вѣрно, знаете, по-итальянски? Ваши ноты всегда испещрены итальянскими терминами отъ con amore до più moderato включительно.

— Гдѣ я могу переговорить съ вами? перервалъ съ нетерпѣніемъ Касовскій.

— Гдѣ вамъ угодно, отвѣчалъ Вельскій. Да чего-жъ лучше? я живу въ двухъ шагахъ отсюда. Не угодно-ли вамъ будетъ сдѣлать мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ?...

— Но.... я думаю, не лучше-ли....

— Здѣсь на морозѣ?... Благодарю васъ покорно. Вы, можетъ-

быть, будете горячо объясняться, а отъ внезапной перемѣны температуры можно легко схватить простуду.

— Не отправиться-ли намъ въ кондитерскую.... или ко мнѣ.

— Чтобы въ кондитерской всякій мальчикъ принялъ участіе въ нашемъ разговорѣ. За предложеніе посѣтить васъ очень-благодаренъ и непремѣнно, при первомъ удобномъ случаѣ, воспользуюсь вашимъ приглашеніемъ; но не забудьте, что я ужъ приглашалъ васъ прежде, и потому учтивость требуетъ, чтобы вы сдѣлали мнѣ первый визитъ.

Касовскій холодно поклонился.

— Если вамъ это угодно.... сказалъ онъ.

Черезъ четверть часа они вошли въ богатой кабинетъ Вельскаго.

— Не прикажете-ли сигаръ, спросилъ хозяинъ небрежно развалившись въ гамбсовыхъ креслахъ.

— Благодарю васъ. Мнѣ нужно поговорить съ вами о весьма-серьёзномъ дѣлѣ. Вы такъ странно ведете себя....

— А вы еще страннѣе, сказалъ съ непоколебимымъ хладнокровіемъ Вельскій.

— Я? отвѣчалъ Касовскій въ изумленіи: — на чемъ вы это основываете?

— На вашихъ поступкахъ. Позвольте узнать, кого вы больше любите, графиню или вашего друга Сонина?

— Господинъ Вельскій, ваши шутки мнѣ надоѣли. Я долженъ сказать вамъ....

— Послушайте сперва, что я скажу вамъ. Неужели вы находите обыкновеннымъ то, что, влюбясь вмѣстѣ въ одну и туже женщину, вы не соперничаете съ вашимъ другомъ и на-противъ другъ-другу помогаете....

— Что за вздоръ говорите вы? почти съ досадою вскричалъ Касовскій.

— Я могу отвѣчать вамъ тою-же неучтивостью: что за вздоръ вы *дѣлаете*, и какъ-же вы хотите, чтобы послѣ этого не удивлялись вашимъ поступкамъ? Вмѣстѣ съ вашимъ другомъ выбираете вы одинъ и тотъ-же день и часъ, чтобы явиться къ графинѣ!... Только что вы уходите, является къ ней Сонинъ, крывшійся прежде васъ....

— Какъ? Сонинъ теперь у графини?

— Неужто вы не знали объ этомъ?... Съ друзьями такъ поступать не годится. Г-нъ Сонинъ нарушилъ условіе. Но, по-крайней-мѣрѣ, онъ сказалъ вамъ, что получилъ отъ графини записку?

— Записку?... Графиня писала къ Сонину!...

— Какъ, вы и этого не знали?... О! въ такомъ случаѣ извините меня, отвѣчалъ Вельскій съ удивленнымъ простодушіемъ. Теперь я точно вижу, что между вами и Сониным не было никакого условія.

— Неужели это правда! вскричалъ музыкантъ въ si-bemol.

Вельскій принялъ видъ человѣка, готовящагося говорить дѣло.

— Послушайте, М-г Касовскій! Не смѣшно-ли — если вы точно любите графиню — ревновать ее къ человѣку, не подавшему вамъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію, и не замѣчать, что вашъ искреннѣйшій пріятель старается вырвать ее у васъ, какъ говорится, изъ-подъ руки? Вмѣсто того, чтобы объясняться здѣсь со мною, вы-бы лучше пошли и спросили у Сонина, когда онъ выдетъ отъ графини: о чемъ это онъ съ нею переписывается? Если вы хотите знать мое настоящее мнѣніе, то я скажу вамъ, что графиня любитъ Сонина, а васъ хочетъ провести.

— Это невозможно!

— Для графини нѣтъ ничего невозможнаго. Это такая женщина, для которой не существуютъ геркулесовскіе столбы. Могу васъ увѣрить. Впрочемъ, вы сами можете легко въ этомъ убѣдиться. Сонинъ теперь признается въ любви. Явитесь тотчасъ-же за нимъ, потребуйте у нея, рѣшительнаго объясненія, и вы увидите, правъ-ли я?

Касовскій съ рѣшительнымъ видомъ всталъ съ кресель.

— Мг. Вельскій.... признаюсь вамъ, что вы для меня презагадочный человѣкъ. Хоть я и не пошлый дуракъ, но никакъ не могу понять, къ чему клонятся всѣ ваши слова и поступки; я хотѣлъ сегодня рѣшительно объясниться съ вами, и кончается тѣмъ, что я все-таки долженъ послѣдовать вашимъ совѣтамъ. Мало этого — я буду вамъ очень-благодаренъ, если все, что́ вы мнѣ сказали—правда; если-же и теперешнія ваши слова принадлежатъ къ числу вашихъ обыкновенныхъ шуточекъ, то послѣднее наше объясненіе будетъ немножко посерьёзнее нынѣшняго. — Онъ поклонился и вышелъ.

— Провести не совсѣмъ глупаго человѣка легче, нежели дурака, подумалъ Вельскій: послѣдній не пойметъ никакихъ намековъ, первый отыщетъ ихъ даже тамъ, гдѣ они не существуютъ.

Сказавши это, онъ велѣлъ подать сани и поѣхалъ — въ двѣнадцатую главу.

XI.

Графиня, поклонившись музыканту, опустилась въ кресла въ совершенномъ изнеможеніи.

— Вамъ можетъ показаться страннымъ мое вторичное появленіе, графиня, сказалъ онъ, садясь подлѣ нея: — но удостойте узнать причину, которая привела меня къ вамъ и потомъ рѣшите судьбу мою....

Графиня собрала свои послѣднія силы:

— М-г Касовскій.... Я такъ разстроена... мои первы....

— Сегодня или никогда, графиня. Я рѣшился высказать все, что́ чувствую, рѣшился не оставаться болѣе въ этой мучительной неизвѣстности, и умоляю васъ выслушать меня!

Графиня почти противъ воли опять опустилась въ кресла.

— Сегодня, продолжалъ музыкантъ, я перенесъ столько насмѣшекъ отъ г-на Вельскаго, что только одно ваше присутствіе удержало меня отъ какой нибудь сцены Не я одинъ былъ предметомъ его унизительныхъ сарказмовъ. Они падали и на васъ, графиня. Чего хочетъ отъ васъ этотъ человѣкъ? По какому праву онъ васъ преслѣдуетъ?— вотъ что́-бы я хотѣлъ узнать. Оскорблять женщину можно только тогда, когда она сама позволяетъ это. — Извините меня графиня, но или этотъ человѣкъ знаетъ какую-нибудь тайну вашей жизни, разглашеніе которой можетъ нанести вамъ вредъ и въ такомъ случаѣ обязанность каждаго благороднаго человѣка заставить его замолчать надолго, если не навсегда....

— Вотъ и еще защитникъ, подумала графиня.

— Или онъ любитъ васъ! рѣшительно произнесъ Касовскій, и въ такомъ случаѣ я долженъ знать, раздѣляете-ли вы любовь его.

— Ахъ, Боже мой! да это инквизиціонные допросы. Позвольте спросить, кто *вамъ* далъ право защищать меня отъ небывалыхъ оскорбленій, и допрашивать меня такимъ трагическимъ тономъ?

— Для того, чтобы имѣть это право, я рѣшился сегодня-же объясниться съ вами и зная, что черезъ-часъ не найду уже Вельскаго, снова явился къ вамъ.

— Ужасный день! подумала графиня. Второе объясненіе.

Музыкантъ продолжалъ съ постепенно-возрастающимъ жаромъ.

— Графиня! я люблю васъ. Вы это давно знали и признаніе мое не должно удивлять васъ.

— Правда! подумала графиня и удержала восклицаніе удивленія, готовое вырваться изъ груди ея.

— Я люблю васъ уже болѣе года....

— Что-же? Вы находите, что это много? спросила она съ улыбкой.

— *Мало*, чтобы любить васъ, но *много*, чтобы не знать, раздѣляете-ли вы любовь мою. Цѣлый годъ я старался доказать вамъ мою привязанность, и вы имѣли время увѣриться, что она сильна и истинна! Цѣлый годъ я ждалъ малѣйшаго доказательства любви съ вашей стороны, и не дождался его. Я могъ узнать изъ вашихъ поступковъ только то, что вы не отвергаете любви моей, и позволяете мнѣ надѣяться. Но я не могъ удостовѣриться въ томъ, раздѣляете-ли вы ее. Я думалъ, что вы не хотите показать мнѣ вашей любви покамѣстъ не узнаете меня, не испытаете. Я видѣлъ, что это необходимо. И потому ждалъ съ терпѣніемъ. Часто случалось мнѣ замѣчать, что вы оказываете равные знаки расположенія Сонину; но я всегда думалъ, что между вами и этимъ человѣкомъ разстояніе слишкомъ велико, что ни его званіе, ни состояніе, ни семейныя отношенія не могутъ позволить ему даже надѣяться, что вы одобрите его исканія. Я на этотъ счетъ былъ спокоенъ. Вельскаго тогда здѣсь не было, и я ждалъ, что вы наконецъ наградите любовь мою взаимностью. Вышло напротивъ; я обманывался, или, лучше сказать, вы обманывали меня.

— Послушайте, М-г Касовскій, если вы вернулись только для того, чтобы говорить мнѣ дерзости, то очень могли-бы и не возвращаться....

При этихъ словахъ, видя строгое выраженіе лица графини, музыкантъ вдругъ потерялъ эту наружную твердость, которую Вельскій почти насильно заставилъ его принять, и тономъ самаго страстнаго любовника вскричалъ:

— Простите меня, графиня!.. Я не помню самъ, что говорю! Я обезумѣлъ! Я такъ люблю васъ!... Но мое положеніе ужасно. Ревность гложетъ мое сердце. О, простите! простите меня—скажите только одно слово и я упаду къ вашимъ ногамъ .. вы не любите Сонина, вы не писали къ нему?...

Графиня не могла скрыть гнѣва своего и вскричала почти въ отчаяніи:

— Неужели Вельскій разсказалъ вамъ?...

Это слово возвратило Касовскому его твердость. Онъ опять принялъ прежнее холодное положеніе.

— Итакъ это правда? сказалъ онъ.

Графиня опомнилась.

— Это низко, это безчестно, думала она.

— Какая клевета, какая низость! сказала она.

— Такъ это не правда? вскричалъ снова обрадованный музыкантъ.

Графинѣ было совѣстно обманывать человѣка, который любилъ ее, но не-смотря на это, она отвѣчала хоть и не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Тотъ, кто вѣритъ подобной клеветѣ, не стóитъ того, чтобы передъ нимъ оправдывались.

— Графиня! графиня! Я не достоинъ прощенія!

И музыкантъ, какъ человѣкъ уже опытный и меньше любившій ее, чѣмъ поэтъ, упалъ къ ногамъ ея, и осыпáлъ руку ея поцѣлуями.

И рука графини дрожала — но не отъ волненія любви, и щеки ея пылали румянцемъ стыда, а не смущенія. —

Бѣдный Вельскій! Думалъ-ли ты, что одно слово кокетки уничтожитъ всѣ твои планы, такъ хорошо обдуманные?

Графиня чувствовала, что она сдѣлала дурно, что она не должна была-бы оправдываться передъ Касовскимъ, но съ видомъ оскорбленной гордости прервать разговоръ и уйти. Послѣ этого, если-бы онъ и навѣрное узналъ о запискѣ, то никакъ-бы не могъ обвинять ее въ обманѣ, потому-что она не отвѣчала ничего. Теперь-же, сказавши уже одинъ разъ ложь, графиня должна была ее поддерживать, краснѣя при каждой мысли, что обманъ ея когда-нибудь откроется. Музыкантъ между-тѣмъ все еще стоялъ на колѣняхъ, ожидая прощенія. Графиня видѣла необходимость кончить какъ можно поскорѣе эту сцену — но кáкъ? Отвергнуть музыканта и лишить его навсегда надежды, тогда къ чему было употреблять ложь? И къ тому-же лишиться одного обожателя, самаго вѣрнаго, страстнаго и покорнаго, лишиться славы видѣть имя свое распространеннымъ по всей Россіи, слышать, кáкъ оно неразлучно соединено съ именемъ великаго человѣка, отказаться отъ лести мужчинъ, отъ зависти женщинъ, отъ всеобщаго удивленія — это было сверхъ силъ ея, и она рѣшилась, не подавая ему большой надежды, не огорчать рѣшительнымъ отказомъ.

— Послушайте, М-г Касовскій! сказала она: я-бы должна была на васъ разсердиться не шутя послѣ всѣхъ вашихъ обидныхъ подозрѣній, - но не могу сдѣлать этого, потому-ли что я очень-

добра, или по другимъ причинамъ. Однакоже вы должны заслужить ваше прощеніе—повиновеніемъ и терпѣніемъ, двумя главными добродѣтелями. Старайтесь снова пріобрѣсти мою довѣренность и ждите!.. Съ этими словами она поднялась съ креселъ.

— Теперь я должна васъ оставить.

Музыкантъ былъ очарованъ обворожительной улыбкой, которую графиня подарила ему на прощанье.

— Вы ангелъ, а не женщина, сказалъ онъ еще разъ, остановившись на порогѣ гостиной.

— Развѣ это не одно и тоже? отвѣчала она, улыбаясь.

И музыкантъ непремѣнно-бы бросился къ ногамъ ея, если-бы она въ это время не скрылась въ противоположную дверь.

XII.

Теперь изъ салона графини мы должны спуститься въ другое общество, слоемъ пониже, и посмотрѣть мимоходомъ на житье петербургскихъ поэтовъ.

Вельскій не терялъ времени; благодаря своимъ огромнымъ связямъ и знакомству, онъ скоро узналъ квартиру Сонина и отправился къ нему въ этотъ-же день, тотчасъ послѣ обѣда, чтобы навѣрное застать его.

Есть гдѣ-то въ петербургѣ *мостъ-самопадъ*. Оффиціально онъ называется какимъ-то другимъ образомъ, но этимъ названіемъ окрестилъ его меткій юморъ русскаго народа, который такъ сильно и удачно выражается. Почему у этого моста такая странная фамилія,— мы не можемъ сказать навѣрное. Преданіе не совсѣмъ ясно разсказываетъ объ удивительномъ случаѣ, подавшемъ поводъ къ такому названію. Одни говорятъ, что когда открыли его, то строитель моста, первый проходя черезъ него, неизвѣстно въ-слѣдствіе какихъ причинъ, запнулся — и *самъ упалъ* по серединѣ моста. Другіе отвергаютъ это невѣроятное сказаніе, но приводятъ въ замѣнъ его другое, еще страннѣе. Мы, однако, вѣримъ болѣе первому, потому-что самъ мостъ не могъ-же упасть ни съ того, ни съ другаго. Самому ему падать было рѣшительно не зачѣмъ.

У этого-то страннаго моста-самопада былъ домъ еще страннѣе моста. Стоялъ онъ на самомъ углу и выходилъ разомъ на

двѣ улицы и на площадь. Поэтому-то, для того, чтобы сохранить регулярность двухъ улицъ и площади, дому этому, по закону русской архитектуры, данъ былъ самый фантастическій видъ. По одной улицѣ выгибался онъ выпуклой дугою, по площади вогнутою, по другой опять выпуклою, составляя такимъ образомъ очень-любопытный сферическій сегментъ, весьма-похожій на большое овальное яйцо, у котораго кто-нибудь откусилъ тупой конецъ. Домъ этотъ, красновато-грязнаго цвѣта, не штукатуренный снаружи, имѣлъ безчисленное множество оконъ, воротъ, подъѣздовъ, крылецъ, вывѣсокъ и лѣстницъ. Сверхъ того, много лавочекъ и разныхъ другихъ заведеній на пользу и удовольствіе человѣчеству. Онъ могъ-бы служить прекраснымъ мѣстомъ для разыгрыванія *петербургскихъ тайнъ*, если-бъ въ Петербургѣ могли существовать какія-нибудь *тайны*.

Когда карета Вельскаго остановилась у однихъ изъ воротъ этого дома, было уже довольно темно, и онъ, осматривая открывавшуюся передъ нимъ перспективу воротъ, крылецъ и подъѣздовъ, сказалъ:

— Есть люди, которые, назвавши вамъ домъ, гдѣ живутъ, думаютъ, что этимъ ужъ все сказали. Домъ найти въ Петербургѣ не мудрено: на это есть билеты на воротахъ и будочники на углахъ; но найдти того, кто живетъ въ домѣ, задача чрезвычайно-трудная. Конечно, для этого существуютъ дворники, только отыскать дворника еще труднѣе, чѣмъ жильца. — И потому, не отыскивая дворника, Вельскій рѣшился ввѣриться своей звѣздѣ, вошелъ въ первыя попавшіяся ему ворота, и расчитывая, что скромный поэтъ съ многочисленнымъ семействомъ не можетъ жить въ бель-этажѣ, окнами на улицу, отправился прямо во флигель, стоявшій отдѣльно на дворѣ. Поднявшись въ третій этажъ, онъ на-удачу позвонилъ у одной изъ дверей. Вышелъ господинъ въ брюкахъ неопредѣленнаго цвѣта, въ грязной рубашкѣ и вышитыхъ подтяжкахъ, безъ сюртука.

— Здѣсь-ли живетъ г-нъ Сопинъ? спросилъ Вельскій.

Жилецъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и отвѣчалъ дурнымъ русскимъ языкомъ:

— Зопне? Такова нѣтъ. Здѣсь я одинъ живу. Другаго нѣтъ. Ближе не найдете, какъ на Мѣщанской. Есть на Гороховой, но дурно дѣлаетъ. Liederlicher Mensch! Ей Богу! Säuft wie ein Thier!

Вельскій смотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Нѣмецъ схватилъ его за рукавъ и тащилъ въ комнату, говоря:

— Пожалюйте! Bitte Sie! Будете довольны! Люче никто не

дѣлаетъ. Нѣмецкая работа. Его превосходительство Земенъ Ивановичъ Ризенкофъ самоваръ заказалъ. Письменное благодаренье имѣю. На военный гошпиталь работалъ. Bitte Sie! Wahrhaftig...

Вельскій понялъ наконецъ, въ чемъ дѣло, освободился отъ Нѣмца и спустившись опять во второй этажъ, имѣлъ удовольствіе слышать, какъ Нѣмецъ, напрасно потревоженный, ругнулъ его чисто по-русски.

Во второмъ этажѣ какой-то жилецъ, на учтивый вопросъ Вельскаго о Сонинѣ, отвѣчалъ, захлопывая дверь, самымъ сердитымъ тономъ:

— А чортъ его знаетъ! Много здѣсь живетъ всякой швали. Просто, нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка.

— Этотъ господинъ, по-крайней-мѣрѣ, не ослѣпленъ собственными своими достоинствами, подумалъ Вельскій, спускаясь въ первый этажъ.

Позвонивъ у дверей на-право, онъ услышалъ лай, по-крайней-мѣрѣ, десяти собакъ, на разные тоны. Потомъ раздался рѣзкій голосъ, унимавшій ихъ, потомъ въ дверь просунулась чья-то голова въ чепчикѣ, и въ то-же время высыпала бездна маленькихъ собачонокъ, которые окружили Вельскаго съ пискомъ и лаемъ, и начали безъ пощады теребить за подолъ плаща и за ноги. Дама бросилась унимать ихъ и загонять въ комнату, крича:

— Цыцъ! шышъ! проклятые! Люшка! Амишка! Катюшка! Бобо! Домой! Я васъ! Султанъ! Вотъ я тебя! Молчать! Этакіе пострѣлята!

— Позвольте узнать, сударыня, не здѣсь-ли живетъ Сонинъ? спросилъ Вельскій, почти оглушенный этимъ содомомъ.

Дама отвѣчала:

— Кого вамъ?—съ!—Соню-съ?—Цыцъ, Амишка! а розги! забыла розги? Бобо!—Это напротивъ-съ. Султанушка! Иси! я дамъ сахару! Хочешь сахару? Молчать! Люшка, высѣку! ей-богу, высѣку!

И дама скрылась за дверьми съ своимъ семействомъ.

Вельскій постоялъ съ минуту въ недоумѣніи, и рѣшился позвонить у дверей на-противъ.

Толстая растрепанная дѣвка, съ таліей поперегъ груди и сальной свѣчкой въ жестяномъ подсвѣчникѣ, вышла изъ дверей, и на вопросъ Вельскаго о Сонинѣ, разсмѣялась ему прямо въ лицо. Вельскій, удивленный такимъ пріемомъ, отступилъ, но дѣвка, продолжая хохотать, говорила, пропуская его въ двери:

— Ничего-съ! Извольте войти-съ! Что-же вы-съ? Пожалуйте!

Изъ растворенныхъ дверей несся какой-то сильный спиртуозный запахъ, пискливый женскій смѣхъ, чей-то грубый голосъ и аккорды разстроеннаго фортепіано, на которомъ кто-то наигрывалъ:

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ тебя!

Вельскій опрометью бросился изъ дверей и выбѣжалъ на дворъ.

На дворѣ остановился онъ въ раздумьи.

— Однако, это цѣлая Одиссея, подумалъ онъ. — Бродя по этимъ дворамъ, того и гляди, самъ превратишься, какъ спутники Улисса, въ животныхъ, неупотребляющихъ гребня.

Онъ началъ осматриваться. Во многихъ окнахъ блестѣли огоньки, изъ отворенныхъ форточекъ неслись разнаго рода запахи, которыми такъ богаты комнаты, выходящія на дворъ.

— Придется, видно, сначала отыскивать дворника, сказалъ Вельскій, и отправился въ самый дальній уголъ двора.

На встрѣчу ему попался мужикъ.

— Не знаешь-ли ты, любезный, гдѣ-бы мнѣ найти здѣсь дворника? Спросилъ Вельскій.

Мужикъ остановился, почесалъ, не снимая шапки, затылокъ, это главное мѣсто въ головѣ русскаго человѣка, куда онъ всегда отправляется за справками въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и сказалъ протяжнымъ голосомъ.

— Дворникъ? А на что вамъ дворника?

— Да нужно узнать, гдѣ стоитъ одинъ жилецъ.

— А какой-такой?

— Сонинъ!... Живетъ съ матерью и сестрами.

— А что онъ, чиновникъ что-ль?

— Нѣтъ не чиновникъ, а просто *такъ*, сочинитель, отвѣчалъ Вельскій, затрудняясь, какъ объяснить мужику, очевидно знавшему только однихъ чиновниковъ, общественное положеніе Сонина.

— Сочинитель! ишь ты! произнесъ въ раздумьи мужикъ. А какъ зовутъ-то его?

— Сонинъ!

— Изоневъ? Эко дѣло! пробормоталъ мужикъ, на другой тонъ.

Вельскій, выведенный изъ терпѣнія, вскричалъ:

— Да что ты, дворникъ, что-ли?

— Нѣтъ не дворникъ!

— Такъ здѣшній?

— Нѣтъ и не здѣшній.

— Такъ что́-жъ ты наконецъ за человѣкъ?

— А я, ишь ты енаральши Хсюпиковой.

— Что-жъ твоя генеральша живетъ въ этомъ домѣ, что-ли?

— На! сказалъ мужикъ съ удивленіемъ! Енаральша-то наша живетъ въ Костромѣ.

— Такъ на кой-же чортъ ты меня тутъ съ полчаса распрашиваешь, коли никого не знаешь въ домѣ?

На этотъ вопросъ мужикъ почесалъ опять затылокъ и сказавъ: «Ишь-ты!» пошелъ дальше, куда ему было нужно. Не-смотря на свою досаду Вельскій не могъ не расхохотаться. «И видно, что русскій человѣкъ», сказалъ онъ.

Наконецъ, послѣ многихъ трудовъ и поисковъ, Вельскій нашелъ маленькую грязную дверь, обитую дранками; на верху, на кускѣ клеенки, видиѣлась замысловатая надпись, написанная мѣломъ, разведеннымъ съ водою. *Дъ ворникъ*. Долго стоялъ онъ передъ этой надписью, раздумывая, какую цѣль имѣлъ сочинитель ея, отставивши не существующій предлогъ *дъ* на такое огромное разстояніе отъ небывалаго слова *ворникъ*.

— Рѣшительно, такой орѳографіи нѣтъ ни въ одномъ петербургскомъ журналѣ, сколько мнѣ помнится, сказалъ Вельскій, отворяя дверь.

Но онъ принужденъ былъ тотчасъ отступить, ошеломленный густымъ, теплымъ паромъ, бросившимся ему прямо въ носъ. Сквозь непроницаемый туманъ, разостлавшійся передъ нимъ, онъ увидѣлъ тусклый блескъ какого-то огня, и въ то-же время изъ комнаты раздался визгливый голосъ: «Ильюшка! Ты что-ль? Подь скорѣй! Гдѣ ты тамъ застрялъ?»

Вельскій, зажимая носъ, закричалъ самымъ неестественнымъ голосомъ:

— Эй! Кто тамъ! Гдѣ дворникъ? Мнѣ надо дворника!

— Кого еще тамъ принесло? отвѣчалъ тотъ-же голосъ. Сейчасъ иду!

И черезъ минуту изъ тумана вышла страшная русская баба, въ сальной душегрѣйкѣ, съ кострюлей въ рукѣ.

Вельскій, нѣсколько удивленный тѣмъ, что баба эта была тоже и *дъ ворникъ*, повторилъ ей однако, чуть не въ сотый разъ, вопросъ о Сопинѣ.

Баба подумала съ минуту, водя рукою подъ носомъ, потомъ сказала:

— Сонинъ! Вотъ что! Нѣтъ, Сонина нѣтъ здѣсь, а есть поручикъ Щекоталовъ!

Вельскій, совершенно растерявшійся, смотрѣлъ съ удивленіемъ на бабу, не постигая, къ чему она тутъ разсказала ему о поручикѣ и какое отношеніе могло существовать между вопросомъ его о Сонинѣ и отвѣтомъ о поручикѣ Щекоталовѣ. Баба между тѣмъ продолжала:

— Эко дѣло. Гаврилыча-то нѣтъ дома. Вишь ты, батюшка, пошелъ, говоритъ, въ мелочную, масла купить, да съ добрый часъ будетъ. Видно завернулъ опять въ какую ни-на-есть харчевню. Разбойникъ! сущій разбойникъ! Мнѣ отъ него, просто, житья нѣтъ! Да и Ильюшка куда-то запропастился. Говорила ему, не слоняйся. И то объ Николѣ ему портные совсѣмъ глазъ расшибли. Да ты погодь маленько, голубчикъ. Вернется Гаврилычъ. Може онъ и знаетъ, какого-тебѣ тамъ Езорина нужно.

— Какъ? А можетъ, быть, еще и не знаетъ? спросилъ удивленный Вельскій. Это рѣшительно ни на что не похоже. Мнѣ кажется, кончится тѣмъ, что я на этомъ дворѣ сойду съ ума.

И онъ ужъ былъ готовъ бѣжать изъ этого заколдованнаго дома, когда судьба, сжалившись надъ его страданіями, послала ему наконецъ дворника, въ образѣ толстаго, грязнаго мужика, который, послѣ долгихъ переминаній и почесываній, повелъ его въ маленькій флигель на дворѣ, въ третій этажъ, въ квартиру Сонина.

XIII.

Всходя по крутой и неопрятной лѣстницѣ, Вельскій долженъ былъ поминутно лавировать между кадками, ушатами и ведрами, живописно разставленными у дверей и издававшими весьма-непріятный тяжолый запахъ. Путешествіе это было тѣмъ затруднительнѣе, что на лѣстницѣ царствовала совершенная темнота, хотя на дворѣ мигали еще вечернія сумерки.

— Пора-бы, кажется, зажечь и фонари, сказалъ Вельскій, зацѣпившись за какой-то ушатъ. Рѣшительно ничего не видно.

Дворникъ, услыша это почти невольное восклицаніе, остановился на минуту, издалъ многозначащее междометіе удивленія: *на!* и, пошелъ далѣе.

У дверей Сонина качалась на тонкой проволокѣ засаленная ручка колокольчика. Вельскій съ какимъ-то непріятнымъ чувствомъ дотронулся до нея блѣднопалевой перчаткой. На дребезжащій звонъ колокольчика, въ отворенныя двери выставилась чья-то голова, едва освѣщаемая извнутри дрожащимъ блескомъ далекой свѣчки.

— Дома-ли господинъ Сонинъ? спросилъ Вельскій.

Вмѣсто отвѣта, голова долго смотрѣла на него, какъ-будто желая разглядѣть въ темнотѣ его черты, потомъ скрылась опять, пробормотавъ: «Сейчасъ посвѣчу!» По звуку голоса Вельскій угадалъ, что голова эта была женскаго пола.

Черезъ нѣсколько минутъ она явилась опять, въ этотъ разъ ужъ съ сальною свѣчою въ рукѣ.

— Кого вамъ? спросила голова.

— Сонина! Писателя Сонина!

— Иванъ Иваныча, что-ли?

— Вѣроятно, Иванъ Иваныча, если его такъ зовутъ, сказалъ Вельскій, понявшій теперь, почему поэтъ не любилъ, чтобы его называли такимъ прозаическимъ именемъ.

— Да вы-то кто? продолжала упрямая голова, рѣшительно загораживая ему доступъ въ комнату.

— Фамилія моя Вельскій. Мнѣ очень-нужно видѣть господина Сонина по одному чрезвычайно-важному дѣлу. Сдѣлай одолженіе, доложи ему обо мнѣ, да пожалуйта поскорѣе, и не держи меня такъ долго на этой лѣстницѣ, которая такъ ужасно пахнетъ.

Голова подумала съ минуту, поднесла свѣчку почти къ носу Вельскаго и опять спросила его.

— Да что́ вы, за деньгами что-ли?

— Нѣтъ! нѣтъ! Мое дѣло совсѣмъ другаго рода. Скажи только Сонину, что его хочетъ видѣть Вельскій, и онъ тотчасъ велитъ принять меня, отвѣчалъ онъ, понявъ, что Сонинъ запирается подобнымъ образомъ отъ кредиторовъ.

Голова наконецъ сжалилась, отворила дверь, пропустила Вельскаго въ переднюю, и поставивъ свѣчку на столъ, исчезла въ противоположную дверь.

Вельскій осмотрѣлся. Передняя была заставлена старыми шкафами, изъ которыхъ выглядывали нечищенные сапоги и накрахмаленныя юбки. На шкафахъ стояло множество картонокъ, корзинокъ, футляровъ странной формы; единственное окно комнаты было завалено сапожными щетками, сальными огарками, старыми книгами въ пахучемъ переплетѣ; изъ ларя, стоявшаго подлѣ

окна, висѣли тесемки и шнурки грязнаго бѣлья; изъ одной корзинки выглядывала голова кошки, съ неудовольствіемъ смотрѣвшей на гостя. Изъ однихъ дверей пахло кухней; сквозь другія Вельскій услышалъ смѣшанный звукъ голосовъ, и различилъ между ними голосъ Сонина, допрашившаго довольно-громко дѣвку о посѣтителѣ. Потомъ послышался шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, хлопанье дверей, устанавливанье какой-то мебели. Наконецъ въ эти-же двери вышла та-же дѣвка, и отворивъ ихъ, сказала: «Пожалуйте!» Вельскій вошелъ, и первый предметъ, попавшійся ему на глаза, былъ самъ поэтъ, стоявшій передъ нимъ въ довольно-поношенномъ халатѣ, съ обтертыми обшлагами.

Удивленный такимъ неожиданнымъ переходомъ изъ передней прямо въ кабинетъ, который въ тоже время, вѣроятно, служилъ и гостиной, судя по старомодной люстрѣ и мебели въ чахлѣ, Вельскій поклонился молча, не найдя въ головѣ ни одного привѣтствія.

Поэтъ хозяинъ отвѣчалъ на поклонъ учтивою, но сухою фразою:

— Какому пріятному случаю обязанъ я удовольствіемъ видѣть васъ въ моемъ скромномъ уголкѣ?

— Мнѣ нужно поговорить съ вами объ очень-важномъ дѣлѣ, и я рѣшился безъ приглашенія проникнуть въ святилище музъ и поэзіи, откуда льется на нашъ прозаическій міръ рѣка гармоническихъ звуковъ.

Не-смотря на восторженный тонъ Вельскаго, въ голосѣ его былъ небольшой оттѣнокъ иронія, которую онъ никогда не могъ скрыть. И потому Сонинъ, видимо недовольный этимъ посѣщеніемъ, остановилъ всѣ дальнѣйшіе комплименты, вообще весьма-похожіе на насмѣшки, неожиданнымъ вопросомъ:

— Прежде всего позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Вельскій закусилъ нижнюю губу. Вопросъ былъ жестокъ. Противникъ его получилъ надъ нимъ видимое преимущество.

— Поэтамъ позволительно забывать имена простыхъ смертныхъ, сказалъ онъ съ тою-же восторженностью. Они обитаютъ въ недоступныхъ для насъ высотахъ, и если на минуту спускаются съ небесъ на какой-нибудь балъ, то нельзя и требовать, чтобы они помнили людей, съ которыми тамъ встрѣчались и на которыхъ они нисколько не похожи.

— Правда, что поэты не на своемъ мѣстѣ на балу, отвѣчалъ Сонинъ тѣмъ-же ироническимъ тономъ: — и болѣе потому, что они

нисколько не походятъ на свѣтскихъ людей, которые всѣ такъ похожи другъ на друга. Помню, что я нѣсколько разъ имѣлъ удовольствіе видѣть васъ на вечерахъ. Вѣроятно, что не одинъ разъ слышалъ и вашу фамилію въ массѣ другихъ именъ. Но еще разъ прошу васъ извинить меня — я теперь никакъ не могу прибрать къ вашей физіономіи ни одной извѣстной мнѣ фамиліи.

Вельскій, съ худо-скрываемой улыбкой досады, назвалъ себя по имени. Сонинъ еще разъ извинился и попросилъ его сѣсть.

Садясь, Вельскій придумывалъ чѣмъ-бы въ свою очередь сконфузить Сонина, и вдругъ увидѣлъ на письменномъ столѣ поэта между разными бумагами и книгами — щипцы. Они были спасеніемъ для него. Усаживаясь въ кресла, онъ, будто нечаянно, уронилъ ихъ на полъ, началъ извиняться, нагнулся поднялъ ихъ и положилъ съ шумомъ и звономъ подлѣ двухъ сальныхъ свѣчей въ подсвѣчникахъ изъ жолтой мѣди. Сонинъ покраснѣлъ и позвонилъ очень-сильно въ колокольчикъ. Явилась таже дѣвка.

— Подай *другихъ* свѣчей! закричалъ онъ, дѣлая особенное удареніе на словѣ *другихъ*.

Но дѣвка, вѣроятно, непривыкшая къ подобнымъ требованіямъ, стояла въ вопросительномъ положеніи и отвѣчала съ недоумѣніемъ:

— Другихъ! да какихъ-же другихъ?

— Дура! продолжалъ Сонинъ съ возрастающимъ жаромъ: принеси стеариновыхъ! Спроси тамъ у мамень.... у Марьи Семеновны! Слышишь-ли, скорѣе!

— Помилуйте! какъ вамъ не стыдно для меня безпокоиться!... Къ чему это? говорилъ Вельскій, улыбаясь и посматривая на дверь, изъ которой, во-время переговоровъ Сонина съ дѣвкой, выглядывали въ два яруса чьи-то двѣ головы.

Вообще по шуму и шопоту, раздававшемуся за этой дверью, было ясно видно, что скрывавшіяся за нею лица принимаютъ живое участіе въ разговорѣ. Поэтому-то Вельскій, обратясь къ хозяину, сказалъ, понизя голосъ:

— То, что я буду говорить вамъ, довольно-важно. Я-бы не хотѣлъ, чтобы другіе насъ слышали. Для васъ самихъ будетъ пріятнѣе, если это останется въ тайнѣ, прибавилъ онъ, смотря пристально на дверь, сильно качавшуюся, хотя въ комнатѣ небыло сквознаго вѣтра.

Сонинъ молча, но съ видимой досадой, всталъ съ креселъ, заперъ на ключъ любопытную дверь и возвратился на прежнее мѣсто.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Вы получили записку отъ графини Вѣнцеславской! сказалъ наконецъ Вельскій очень-хладнокровно, играя часовымъ ключикомъ.

Сонинъ остолбенѣлъ отъ удивленія. Вся кровь прилила ему въ голову.

Неожиданный вопросъ до того поразилъ его, что онъ не могъ отвѣчать ни одного слова и сидѣлъ какъ Пиѳія, которой за разрѣшеніе трудной задачи принесли мало даровъ.

— Что́-же вы намѣрены дѣлать послѣ этой записки? продолжалъ также спокойно Вельскій.

Сонинъ наконецъ опомнился:

— Я-бы желалъ знать, какимъ образомъ вы узнали?... сказалъ онъ прерывистымъ голосомъ.

— Очень-простымъ! прервалъ Вельскій: — она сама сказала мнѣ объ этомъ.

Сонинъ остолбенѣлъ еще болѣе. Сама!... Она сама! твердилъ онъ машинально.

— Что́-жъ тутъ удивительнаго? Графиня, какъ и всякая другая женщина, могла сдѣлать неосторожный поступокъ, но точно также какъ и другая, могла въ немъ раскаяться. Скажу вамъ болѣе, она просила меня поправить это дѣло, и я явился къ вамъ собственно за тѣмъ, чтобы попросить васъ возвратить это письмо. Въ немъ, конечно, нѣтъ ничего предосудительнаго, но оно можетъ быть перетолковано въ дурную сторону злыми языками и компрометировать графиню!

— Но я самъ видѣлся послѣ того съ графиней. Она сказала мнѣ.... она позволила.... пробормоталъ Сонинъ, затрудняясь въ выборѣ выраженій.

— Она позволила вамъ надѣяться? Зная наизусть всѣ уловки кокетства, она сказала вамъ нѣсколько темныхъ словъ, въ которыхъ не было вовсе никакого смысла и въ которыхъ вы увидѣли Богъ знаетъ какіе тайные намеки. Простите меня—но господа поэты такіе дѣти, хоть и увѣряютъ насъ въ своихъ стихотвореніяхъ, что́ перегорѣли въ горнилѣ страстей и отцвѣли душою. Не только свѣтская женщина, но и послѣдняя субретка ея можетъ провести ихъ на славу.

— Такъ вы думаете, что графиня?...

— Точно такая-же свѣтская женщина, какъ и другія. Она считаетъ забавою, простымъ препровожденіемъ времени, помучить бѣднаго молодаго человѣка, который сдѣлаетъ глупость и повѣ-

ритъ ея взглядамъ, вздохамъ и полупризнаніемъ. Ей очень-пріятно увеличить толпу своихъ обожателей, и она, какъ дикарь Океаніи, заботится о томъ, чтобы имѣть побольше плѣнныхъ; разумѣется не для того, чтобы съѣсть ихъ, но чтобы принести въ жертву своему идолу—самолюбію. Этотъ родъ моральнаго людоѣдства въ свѣтѣ не считается преступленіемъ. Число несчастныхъ жертвъ не ставится въ вину красавицѣ, также какъ число убитыхъ полководцу, увѣнчанному побѣдой. Она нисколько не цѣнитъ ихъ — лишь-бы была достигнута цѣль. Повѣрьте, что всякая изъ свѣтскихъ женщинъ во сто разъ безжалостнѣе Наполеона, и если это правда, что онъ называлъ солдатъ la chair á canon, то для женщинъ всѣ мужчины вообще не болѣе какъ la chaire á valser.

— Стало-быть, графиня обманывала меня!

— Нисколько. Она играла съ вами въ обыкновенную игру, которая называется свѣтскою любезностью. Скорѣе вы сами обманывали самого себя. Ей было очень-лестно видѣть въ ряду своихъ поклонниковъ поэтическіе и музыкальные таланты первой величины — нынче вообще мода на знаменитости во всѣхъ родахъ. Виновата-ли она, что изъ нихъ одинъ, у котораго была погорячѣе голова и потеплѣе сердце, принялъ ея комплименты за наличныя деньги? Видя съ его стороны полную готовность быть одураченнымъ, она принялась съ нимъ кокетничать на славу и бѣдняжка вообразилъ себѣ, что свѣтская женщина и въ-самомъ-дѣлѣ можетъ любить и чувствовать.

— Но развѣ въ ней нѣтъ сердца, развѣ въ ней не таже кровь, какъ у другихъ женщинъ?

— Кровь и сердце у нея точно такія-же, съ тою только разницею, что первая льется у нея въ жилахъ гораздо-медленнѣе, а второе бьется гораздо-тише, и это потому, что кромѣ крови и сердца, въ составъ свѣтской женщины входитъ еще третій необходимый, главнѣйшій элементъ, называемый *приличіемъ*. Я уже имѣлъ удовольствіе недавно на балу объяснять вамъ могущественную и таинственную силу этого страннаго слова, и повѣрьте, что совершенно правъ въ этомъ отношеніи. Свѣтская женщина если и полюбитъ человѣка, неравнаго ей по положенію въ обществѣ — что̀ можетъ случиться разъ въ тысячу лѣтъ — то̀ никогда не покажетъ этого. Та-же, которая дѣлаетъ видъ, что любитъ — не любила во всю жизнь свою ничего, кромѣ сплетней на своихъ искреннихъ подругъ и вальса въ два танца.

— Графиня однако-же свободна, и....

— Свободна? повторилъ Вельскій почти съ удивленіемъ. Я

скорѣе назову свободнымъ галернаго невольника, потому-что во время прекращенія работъ онъ можетъ дѣлать, что́ ему вздумается, тогда какъ свѣтская женщина, связанная цѣлый день условіями, предразсудками большаго свѣта, неумолимымъ *приличіемъ*, обязанностями своего званія и положенія въ обществѣ — свободна только когда спитъ. Что́ я говорю? Она и спать должна сообразно съ принятыми условіями, положенные часы и въ аристократическомъ положеніи. Я говорю правду! Въ наше время правда почти совсѣмъ вышла изъ употребленія, и вотъ почему она гораздо невѣроятнѣе лжи. Словомъ *свободна* вы хотѣли сказать, что отъ нея зависитъ соединить свою судьбу съ вашею. Надобно совершенно не знать большаго свѣта, чтобы представить себѣ возможность подобнаго союза. Гдѣ вы видѣли этому примѣры? Нынче и въ московскихъ романахъ не встрѣтите подобной исторіи. И тамъ графини выходятъ, по-крайней-мѣрѣ, за разбойниковъ, а не за людей, принадлежащихъ къ среднему классу общества. Въ любовники она васъ также не возметъ, потому-что если и были примѣры, что женщины продавали свою *репутацію*, то за такую цѣну, которая могла достаточно вознаградить ихъ за потерю уваженія свѣта. А слава и поэзія идутъ теперь по одному курсу съ акціями заведенія петербургскихъ минеральныхъ водъ.

— Я не могу повѣрить, чтобы графиня принадлежала къ числу тѣхъ бездушныхъ женщинъ, которыхъ мы тысячами встрѣчаемъ въ свѣтѣ, вскричалъ Сонинъ съ особенною восторженностью: она составляетъ между ними самое блестящее исключеніе. Въ ея словахъ столько души и теплоты, въ глазахъ столько огня и чувства..

— Все это въ нѣкоторомъ отношеніи справедливо. Она скорѣе другихъ аристократокъ можетъ увлечься минутнымъ чувствомъ, стеченіемъ обстоятельствъ, или, какъ говорится у насъ по-русски, déroger à sa position; но никогда не позволитъ себѣ сдѣлать невозвратнаго шага. Я вѣрю даже, что она чувствуетъ къ вамъ больше влеченія и расположенія, чѣмъ къ другимъ ея обожателямъ. Но къ чему все это поведетъ? Рано или поздно вы наскучите ей, и она васъ броситъ. Не лучше-ли вамъ самимъ сдѣлать это заранѣе? Чѣмъ больше вы къ ней привыкнете, тѣмъ тяжелѣе вамъ будетъ съ нею разстаться. Любовь эта можетъ быть для васъ пагубна. Вы человѣкъ небогатый, даже менѣе чѣмъ и богатый, но, не-смотря на это, человѣкъ благородный что́ не на всякомъ шагу встрѣчается. Отъ нея вы, вѣроятно, не станете принимать пособій, а между-тѣмъ эти ежедневные визи-

ты, сопровожденіе ея въ театры и на прогулки,эти балы и рауты, не говоря уже о сопряженныхъ съ ними матеріальныхъ издержкахъ, отнимаютъ у васъ то́, что́ вамъ должно быть дороже всего, *время*, которымъ вы содержите себя и ваше многочисленное семейство. Влюбленный, какъ больной, рѣшительно ничего не можетъ дѣлать. Я увѣренъ, что даже и теперь ваши литературныя занятія страждутъ отъ знакомства съ графинею. Что́-же будетъ, когда она совсѣмъ сведетъ васъ съ ума?...

— О! вы правы! Эта страсть погубитъ меня и тѣхъ, чья участь тѣсно связана съ моею! Я и теперь не могу приняться ни за какой серьёзной трудъ. Боюсь и подумать о томъ, что́ она можетъ сдѣлать со мною! Но отказаться отъ нея, отъ счастія видѣть ее, отъ блаженства слышать ея голосъ — это невозможно, это выше силъ моихъ!

— Вы клевещете на самого себя, г нъ Сонинъ. У васъ есть много характера. Это доказываетъ то́, что вы въ самое жалкое состояніе нашей литературы и книжной торговли умѣли найдти средство содержать себя и свое семейство. У васъ есть то́, что выше твердости характера — прямое и возвышенное благородство. Вы не принесете въ жертву пустой страсти покой вашего семейства. Вы не позволите, чтобы свѣтъ упрекалъ васъ въ томъ, что вы изъ любви къ свѣтской женщинѣ лишили мать и сестеръ — послѣдняго куска хлѣба!...

— О! благодарю васъ! вскричалъ Сонинъ, вскочивъ съ своего мѣста и крѣпко сжимая руку Вельскаго. Вы открыли мнѣ глаза, вы показали мнѣ ужасную бездну, въ которую я готовъ былъ упасть. Да! вы правы! во всемъ и всегда! Не знаю, какая цѣль заставляетъ васъ принимать участіе въ моемъ положеніи, — но знаю то́, что я и все мое семейство будутъ вамъ обязаны своимъ спасеніемъ. Тяжолую обязанность наложили на меня узы родства. *Одинъ* я, можетъ-быть, гордо-бы помѣрялся силами съ судьбою, безстрашно вышелъ-бы на борьбу съ обстоятельствами, а теперь, имѣя на рукахъ своихъ девять существъ, самая жизнь которыхъ зависитъ отъ меня, я долженъ молча покоряться и кланяться тѣмъ, которыхъ-бы съ удовольствіемъ ударилъ въ лицо. Но чѣмъ тяжелѣе крестъ мой, тѣмъ я съ бо́льшей гордостью несу его, потому-что внутренній голосъ говоритъ мнѣ: ты поступаешь, ка́къ должно благородному человѣку.

— И повѣрьте, что всякій, кто только знаетъ васъ, повторитъ тоже самое! съ чувствомъ сказалъ Вельскій, пожимая ему руку.

Послѣ этого поэтъ отперъ письменный столикъ, вынулъ оттуда записку графини и отдалъ ее Вельскому, который, положивъ ее въ карманъ, продолжалъ:

— Чѣмъ больше я узнаю васъ, тѣмъ болѣе открываю въ васъ прекрасныхъ качествъ. Признаюсь, что я не надѣялся такъ скоро убѣдить васъ. Я даже не приписываю себѣ этого. Мои доводы, старые какъ все то, что истинно, разбудили только въ вашемъ сердцѣ чувства, которыя вы до-сихъ-поръ боялись развить. Я не хочу однако, чтобы вы когда-нибудь могли упрекнуть себя или меня въ томъ, что отказались отъ счастія, не испытавши послѣднихъ средствъ удержать его за собою. Можетъ быть, и въ-самомъ-дѣлѣ, графиня исключеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Для успокоенія совѣсти, сего-дня, на балу, на который мы поѣдемъ прямо отсюда, вы попросите ее дать вамъ рѣшительный отвѣтъ — и если я ошибусь въ своемъ мнѣніи, то готовъ при всѣхъ, на колѣнахъ, тогда-же просить у нея прощенія.

— Я сдѣлаю и это послѣднее испытаніе! равнодушно отвѣчалъ Сонинъ.

— Если я заслужилъ довѣренность вашу, то попросилъ-бы васъ разсказать мнѣ, въ какихъ вы отношеніяхъ съ графинею и на чемъ остановилась ваша любовь!

Сонинъ разсказалъ ему все, что мы уже знаемъ изъ предъидущихъ главъ, и окончилъ словами:

— Теперь, когда вы все знаете, позвольте и мнѣ въ свою очередь сдѣлать вамъ одинъ вопросъ: вы любите графиню?

Вельскій подумалъ нѣсколько секундъ и отвѣчалъ:

— Не знаю! Я разскажу вамъ исторію моего знакомства съ графинею. Изъ нея вы лучше всего увидите, къ какому роду принадлежитъ то чувство, которое я къ ней питаю. Разсказъ этотъ объяснитъ вамъ также характеръ графини и мои отношенія къ предмету вашей страсти.

Я воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Изо всѣхъ моихъ товарищей по заведенію, болѣе прочихъ я сошелся съ графомъ Вѣнцеславскимъ. Онъ былъ настоящій лицеистъ, въ полномъ смыслѣ этого слова: веселъ, шалокъ, добръ и благороденъ. Я полюбилъ его отъ всей души, но, проведя вмѣстѣ шесть лѣтъ, долженъ былъ съ нимъ разстаться. Въ то время изъ Лицея выпускали въ военную службу, а Вѣнцеславскій только и бредилъ о томъ, какъ-бы ему поскорѣе надѣть эполеты. Я-же съ молодости не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія ни убивать другихъ людей, которые мнѣ ничего не сдѣлали, ни самому быть

убитымъ безъ всякой причины людьми, которые, можетъ быть, гораздо-хуже меня. Поэтому я опредѣлился въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, и при прощаньи съ Вѣнцеславскимъ, обмѣнялся съ нимъ клятвами въ вѣчной дружбѣ и вѣчной ненависти къ женщинамъ. Я забылъ вамъ сказать, что это направленіе было общее въ нашемъ курсѣ. Мы всѣ *презирали* слабый и вѣтренный полъ и поклялись никогда не жениться. Разумѣется, что это было очень-глупо, но въ то время мы серьёзно давали эти клятвы. Каково-же было мое удивленіе, когда послѣ пятилѣтней разлуки съ Вѣнцеславскимъ, я нашелъ его въ Петербургѣ женатымъ! Было-ли это слѣдствіе воспоминанія о юношескихъ годахъ, или, просто, безотчетная досада, но я не шутя разсердился на Вѣнцеславскаго и еще болѣе на его жену, осыпалъ его насмѣшками, сказалъ ей нѣсколько сарказмовъ, худо прикрытыхъ комплиментами, и во все время моего пребыванія въ Петербургѣ старался избѣгать даже встрѣчи съ ними. Впрочемъ, меня вскорѣ услали опять за-границу къ миссіи, гдѣ я состоялъ на* службѣ. Прослуживъ еще три года въ посольствѣ при разныхъ дворахъ я наконецъ вышелъ въ отставку, и когда снова пріѣхалъ въ Петербургъ, то не нашелъ въ немъ Вѣнцеславскаго. Его уже не было на свѣтѣ. Онъ не могъ побѣдить своей страсти къ войнѣ, поѣхалъ на Кавказъ, гдѣ въ то время отправлялась въ горы сильная экспедиція, и въ то время, когда войска наши уже возвратились съ побѣдой и славою на свои квартиры, онъ, осыпанный наградами и орденами за свою храбрость, былъ убитъ на-повалъ, Богъ знаетъ кѣмъ, въ лѣсу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тифлиса. Я встрѣтилъ неутѣшную вдову на одномъ балу. Со смерти мужа ея прошло больше года. Приличіе позволяло уже ей танцовать и она танцовала съ самой обворожительной грустью. Мнѣ любопытно было видѣть, какъ тосковала по мужѣ, который обожалъ ея безъ памяти, эта 22-хъ-лѣтняя вдова. Я возобновилъ съ нею знакомство и узналъ ее короче. Она и до замужства была тою-же графинею и выйдя за Вѣнцеславскаго перемѣнила только фамилію. Избалованная и изнѣженная домашнимъ воспитаніемъ, она сдѣлалась чрезвычайно воспріимчива, т. е. impressionable, легко привязывалась къ людямъ и предметамъ, но также легко и забывала ихъ. Вотъ почему она такъ скоро позабыла мужа, хотя и искренно любила его. Такихъ характеровъ много въ свѣтѣ и они, по большей части, бываютъ очень-счастливы и довольны своимъ положеніемъ; но человѣку съ душою грустно и

досадно смотрѣть на нихъ. Чаще видясь съ графинею, я всякій разъ испытывалъ странное, непріятное ощущеніе, съ которымъ однако мнѣ жаль было разставаться. Я внутренно бѣсился на ея непостоянство и вѣтренность, и въ то-же время былъ радъ, что она не въ-состояніи никого полюбить искренно и пламенно. Зная ее очень-хорошо, я предостерегалъ многихъ молодыхъ людей, которые влюблялись въ нее, и спасъ такимъ образомъ двухъ изъ моихъ свѣтскихъ пріятелей, — вы третій! Признаюсь, что не знавши графини, я не вѣрилъ въ существованіе кокетки, и недавно только увѣрился, что подобныя женщины также нужны для полноты картины большаго свѣта, какъ комары и ядовитые грибы для лѣта. А между-тѣмъ онѣ разливаютъ вокругъ себя такое очарованіе, дышатъ такою обаятельною прелестью, что трудно противиться ихъ словамъ и взглядамъ, особливо если онѣ употребляютъ ихъ въ дѣло не безсознательно, а по всѣмъ правиламъ тактики, имѣя въ виду какую-нибудь цѣль. Мнѣ кажется, что я самъ никогда не рѣшился-бы жениться на графинѣ, но признаюсь вамъ, что были минуты, въ которыя я готовъ былъ упасть къ ногамъ ея, какъ пылкій юноша, убѣжавшій изъ первыхъ страницъ какого-нибудь раздирательнаго романа. Вотъ вамъ мои истинныя мысли, которыя я высказываю не всякому; скажите теперь ваши: люблю-ли я ее?

— Если вы и не любите ея, то, по-крайней-мѣрѣ, близки къ этому, сказалъ Сонинъ, послѣ нѣкотораго молчанія. Сколько я могъ узнать изъ вашего разсказа, графиня еще не отъявленная кокетка. Она еще можетъ перемѣнить свой характеръ и привязаться сильно и искренно. Надобенъ только человѣкъ съ твердыми правилами и волею, который могъ-бы внушить ей другія идеи и чувства, искоренить ея дурныя наклонности, развить въ сердцѣ ея зародыши всего высокаго и прекраснаго. На это способенъ не такой вздорный, романическій кропатель стиховъ, какъ я, но холодный, опытный и твердый умъ, какъ у васъ. Вы одни можете покорить себѣ эту чистую, но непокорную душу, которая, упрямяся, хочетъ покорить законы, наложенныя на человѣчество самою природою. Вы одни достойны ея, можете сдѣлать ее счастливою, и я увѣренъ, что въ скоромъ времени госпожа Вельская заставитъ позабыть все то, въ чемъ нѣкогда обвиняли графиню Вѣнцеславскую.

Вельскій съ холодной улыбкою пожалъ еще разъ руку Сонину и они отправились вмѣстѣ на балъ къ Зерницыной.

XIV.

Зерницына жила въ Караванной улицѣ, отличавшейся въ то время необыкновенно-дурною деревянною мостовою и ежедневными балами, которые давались по-очереди въ каждомъ изъ домовъ ея.

Сама Зерницына была вдова одного дѣятельнаго чиновника, который въ теченіе своей тридцатилѣтней усердной службы, благопріобрѣлъ три дома въ Петербургѣ и сорокъ тысячь дохода, кромѣ разныхъ другихъ выгодъ, доставленныхъ ему отечествомъ, на пользу котораго онъ не щадилъ ни трудовъ, ни жизни. Зерницына имѣла двухъ дочекъ, давала въ годъ пять баловъ и играла по цѣлковому въ преферансъ. Больше ничего не зналъ объ ней свѣтъ, да больше ничего и не нужно было знать объ ней свѣту.

Когда Вельскій и Сонинъ вошли въ залу, танцовали первый кадриль. Графиня стояла въ первой парѣ съ музыкантомъ, лицо котораго сіяло румянцемъ гордости и удовольствія. Кромѣ нихъ на балу были всѣ старые знакомцы: дѣвица Ястребова, вѣчный юнкеръ Лупинъ, и князь Ц., и графъ З., и каммеръ-юнкеръ А. Изъ новыхъ лицъ была только сама хозяйка и двѣ дочери ея похожія другъ-на-друга, какъ уксусъ на колесо.

По окончаніи кадрили Сонинъ ангажировалъ графиню на одну изъ слѣдующихъ. Вельскій подошелъ къ Касовскому.

— Вѣроятно, вы въ продолженіе этой кадрили ссорились съ графинею, сказалъ онъ: — въ-слѣдствіе нашего разговора по утру. Вы такъ жарко размахивали руками....

— Милостивый государь, сказалъ ему музыкантъ трагическимъ тономъ: я еще буду имѣть честь объявиться съ вами на-счетъ той безстыдной клеветы, которую вы распространили о графинѣ Вѣнцеславской. Здѣсь не время и не мѣсто.

— Напротивъ, здѣсь и время и мѣсто, хладнокровно отвѣчалъ Вельскій. Балъ въ жизни свѣтскаго человѣка — самая важная эпоха дня. На немъ онъ завязываетъ и развязываетъ главнѣйшіе узлы своихъ связей и отношеній. Человѣкъ, умѣющій жить въ свѣтѣ, никогда не уклоняется отъ объясненій. Я прошу васъ не откладывать до болѣе удобнаго случая того, что вамъ было угодно мнѣ объявить.

— Если вы непремѣнно хотите это знать, то я долженъ ска-

зать вамъ, что считаю низкимъ человѣкомъ того, кто обманываетъ другаго, благородно повѣрившаго ему на слово, и постыдною ложью отдѣлывается отъ предложеннаго ему объясненія.

— Вы совершенно справедливы! сказалъ Вельскій своимъ обыкновеннымъ спокойнымъ тономъ:— Я еще даже строже васъ въ подобныхъ случаяхъ, и прерываю съ такими людьми всѣ сношенія. Скажите сами, можно-ли повѣрить въ какомъ-нибудь серьёзномъ дѣлѣ человѣку, обманувшему васъ въ маловажномъ случаѣ?

— О! разумѣется нѣтъ, тѣмъ болѣе....

— Позвольте! еще одинъ вопросъ: Графиня увѣрила васъ, что не писала къ Сонину, не такъ-ли?

— Я удивляюсь, какъ могъ повѣрить *вамъ*, когда вы мнѣ объ этомъ сказали.

Вельскій вынулъ изъ кармана записку графини и отдавая ее Касовскому, прибавилъ:

— Потрудитесь прочесть это и припомнить все то, что вы сказали объ людяхъ, отдѣлывающихся постыдною ложью отъ предложеннаго имъ объясненія.

Музыкантъ совершенно сталъ въ тупикъ, прочтя записку.

— И она меня обманывала! вскричалъ онъ наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

— Больше, чѣмъ обманывала! хладнокровно отвѣчалъ Вельскій. По-русски это называется: *водить за носъ!* Русскій человѣкъ объясняется немножко жостко, но чрезвычайно-вѣрно.

Касовскій схватилъ его за руку.

— Вы мнѣ позволите бросить ей эту записку въ лицо?

— Эта каинбская грубость допускается только въ романахъ самаго дурнаго тона. Вы не имѣете никакого права сдѣлать этого. Она не жена ваша и не любовница. Я позволяю вамъ самимъ отдать ей эту записку съ двумя условіями: во-первыхъ, вы скажете ей только одинъ періодъ, не болѣе, и то безъ мѣщанскихъ восклицаній и жестовъ.... свѣтскій человѣкъ, даже изъявляя свое презрѣніе другому, не долженъ забывать приличій; во-вторыхъ, вы сдѣлаете это только тогда, когда я самъ подамъ вамъ знакъ, а до-тѣхъ-поръ не подойдете къ ней ни разу во весь вечеръ.

— Я буду во всемъ повиноваться вамъ, вскричалъ музыкантъ, сжимая ему руку въ своихъ красныхъ и широкихъ тискахъ. Вы спасли меня отъ посмѣянія!

Онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: Vous m'avez sauvé du ridicule, но я имѣлъ уже честь докладывать почтеннѣйшимъ читателямъ,

что нашъ грубый языкъ не имѣетъ и сотой доли тѣхъ прекрасныхъ и тонкихъ оттѣнковъ фразъ, которыми такъ богатъ языкъ французскихъ салоновъ. По-этому не должно сѣтовать на неясность и странность многихъ выраженій, встрѣчающихся въ этой повѣсти. Не легко писать на томъ языкѣ, которымъ никто не говоритъ, точно также, какъ трудно и говорить на такомъ языкѣ, на которомъ никто не пишетъ.

Послѣ разговора съ Вельскимъ, Касовскій тотчасъ-же скрылся изъ залы.

Въ одномъ изъ антрактовъ, между двумя кадрилями, графиня, напрасно отыскивавшая въ залѣ музыканта, подойдя къ Вельскому, спросила его мимоходомъ: Что это за бумага, которую вы отдали Касовскому.

— Это либретто новой оперы, которую мы пишемъ вмѣстѣ съ нимъ, отвѣчалъ онъ очень-спокойно.

— Для либретто бумага была очень-невелика.

— Это только начало перваго дѣйствія, открывающагося нѣжной запиской любовника, которая попадается въ руки ревниваго мужа.

— Онъ былъ однако-же очень-пораженъ этой запиской.

— И не мудрено. Онъ, какъ истинный артистъ, вошелъ въ положеніе главнаго лица, то есть, обманутаго мужа, и представилъ себѣ тотчасъ, какой эффектъ можетъ произвести эта записка. Я еще не знаю, какую сцену сдѣлать изъ этого — энергическій дуэтъ между мужемъ и женою, или заставить его прочесть записку въ-слухъ, въ финалѣ, при почтенномъ собраніи благородныхъ дамъ и кавалеровъ.

Графиня закусила съ досады свои розовенькія губки. Никакъ не воображая, чтобъ записка, писанная ею къ Сонину, могла перейти къ Касовскому черезъ Вельскаго, она догадывалась однако, что противъ нея собирается какая-то гроза. Насмѣшливый тонъ Вельскаго разсердилъ ее еще болѣе, и она почти съ гнѣвомъ сказала:

— Съ которыхъ поръ, г-нъ Вельскій, позволяете вы себѣ говорить мнѣ такіе неприличныя шутки?

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ вы позволяете себѣ дѣлать ихъ, графиня, хладнокровно отвѣчалъ Вельскій.

Графиня вспыхнула, но прежде, чѣмъ могла что-нибудь сказать, Вельскій былъ уже далеко отъ нея, и пресерьёзно распрашивалъ его высокопревосходительство о томъ, что оно вчера сдѣлало въ преферансъ.

Графиня еще разъ осмотрѣла всю залу, ища Касовскаго, но музыкантъ давно уже скрылся въ самую отдаленную комнату, гдѣ въ таинственномъ молчаніи, нарушаемомъ кабалистическими возгласами, жрецы преферанса приносили обычную жертву этому всесильному божеству. Сонинъ то-же куда-то пропалъ.

Графиня, съ отчаянія, пустилась на-пропалую любезничать съ Лунинымъ, который съ подобающимъ жаромъ разсказывалъ ей о томъ, какъ въ этомъ году онъ непремѣнно долженъ былъ выдти въ офицеры, но на смотру велѣли его оставить еще на годъ юнкеромъ, за то, будто-бы, какъ увѣрялъ онъ, что у лошади его хвостъ былъ немножко короче, чѣмъ у другихъ лошадей. Графиня съ терпѣніемъ слушала эти кавалерійскія любезности, изрѣдка прижимая рѣзнымъ вѣеромъ свой маленькій ротикъ, неизвѣстно для какой причины. Звуки новой кадрили избавили ее наконецъ отъ этого удовольствія. Къ ней подошелъ Сонинъ съ безмолвнымъ поклономъ. Бѣдный поэтъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ жалокъ. На лицѣ его была видна тихая, но глубокая грусть. Тяжело ему было разставаться съ этой страстью, которая свѣтлымъ огонькомъ блеснула въ его пустынной, тяжолой жизни, согрѣла его обаятельной теплотой женской ласки, освѣтила передъ нимъ на мгновенье чудный, неизвѣданный міръ любви и счастія, и снова, потухнувъ, погрузила его еще въ бо́льшую темноту.

Оставалась, правда, въ сердцѣ его одна искра надежды, но эта искра была слабѣе фосфорическаго огонька, блеснувшаго на болотѣ, блѣднѣе невѣрнаго отблеска луны, скрывшейся за темную тучу.

Онъ однако довольно-твердымъ голосомъ началъ съ ней разговоръ во-время кадрили.

— Графиня! Я просилъ васъ танцовать для того, чтобы рѣшить важный вопросъ въ моей жизни. Конечно, странно, что подъ звуки плясовой музыки, подъ заученое шарканье ногами, я хочу говорить съ вами о чувствахъ, о любви, о счастіи. Но я не виноватъ въ томъ, что люди, изобрѣтая кадрили, не подумали о томъ, что иногда ихъ долженъ выплясывать человѣкъ, у котораго на сердцѣ огонь и смерть. Другаго, болѣе приличнаго времени мнѣ, можетъ быть, не скоро удалось-бы найти, а откладывать я не могу, не въ силахъ. Въ танцахъ даже гораздо-удобнѣе объясняться. Теперь всѣ заняты самими-собою и тѣми, съ кѣмъ танцуютъ. На балѣ всего легче найти уединеніе.

— Какой великолѣпный приступъ! говорила небрежно графи-

ня, поправляя что-то на груди, что не требовало совершенно никакой поправки. Къ чему только онъ поведетъ?

— Къ тому, чтобы добиться у васъ рѣшительнаго отвѣта, графиня. Могу-ли я надѣяться, что любовь моя нашла отголосокъ въ вашемъ сердцѣ?

— Сердце мое всегда сочувствуетъ всякому благородному и сильному чувству, хотя и не всегда можетъ тотчасъ-же раздѣлять его.

— Графиня! къ чему играть словами? Истина никогда не говоритъ темными прорицаніями оракуловъ. Отвѣты ея ясны и просты. Сегодня утромъ вы позволили мнѣ надѣяться, — мнѣ было довольно этого, и я ушелъ отъ васъ счастливый, довѣрчивый и влюбленный. Но когда въ тиши моего кабинета, не находясь подъ вліяніемъ вашего магическаго взора, обдумалъ я вашъ отвѣтъ, — простите меня графиня — онъ показался слишкомъ не ясенъ и уклончивъ, чтобы для него я могъ жертвовать судьбою всей моей жизни, спокойствіемъ моего семейства и моимъ собственнымъ. Поэтому-то я рѣшился снова умолять васъ, чтобы сказали мнѣ ясно и положительно: чего я долженъ надѣяться, графиня.

Графиня бросила на него самый гордый взглядъ, который только могла найти въ своемъ арсеналѣ, приняла самый насмѣшливый тонъ, какой только могла придать своему серебряному голосу.

— Мнѣ очень-пріятно видѣть, что нынче и господа поэты не отстаютъ отъ вѣка и также, какъ всѣ смертные, слѣдуютъ его промышленному и матеріальному направленію. Имъ мало мечты, любви и вздоховъ. Они требуютъ еще чего-нибудь *положительнаго*. А какъ нынче на поэтической биржѣ курсъ на безкорыстную любовь, упалъ или возвысился?

— Графиня, гдѣ говоритъ насмѣшка, тамъ молчитъ сердце. Еще разъ прошу васъ прямо сказать мнѣ: любите-ли вы меня?

— Послушайте, г-нъ Сонинъ, сказала графиня, съ явнымъ оттѣнкомъ досады: вы забываете, что ваши слова могутъ меня компрометировать, что ихъ могутъ услышать.

— Понимаю, графиня! Я нарушилъ законы *приличія*. Простите меня! Я очень-хорошо понялъ отвѣтъ вашъ. Вы находите *неприличною* любовь мою!... И только! Никакого другаго чувства не возбудила она въ вашемъ сердцѣ. Мой Богъ, ты спасъ меня въ-пору! Благодарю Тебя! Графиня! кадриль кончилась. По петербургскому обычаю, намъ неприлично остаться разговаривать. Позвольте мнѣ

пожелать вамъ всевозможнаго счастья. Я не надѣюсь больше встрѣчаться съ вами въ большомъ свѣтѣ. Не зачѣмъ мнѣ было и втираться въ него. Просторно и вольно въ немъ прыгающему полотеру, а мнѣ было душно и тѣсно. Немудрено. Надѣвая маску свѣтскаго человѣка, я забылъ вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнить мои мысли и чувства. Я забылъ законъ *приличія* и внесъ въ общество любовь, болѣзнь страшную и опасную, но, по счастью, не заразительную. Ни къ кому не привилась она и скоро вылечили меня. Сильное лекарство принялъ я, не всякая натура могла-бы перенести его. О! если-бы вмѣстѣ съ болѣзнью оно уничтожило во мнѣ и сердце, которое истомила эта ужасная болѣзнь!...

Грустно, жаль было смотрѣть на Сонина въ эту минуту. Истинное чувство всегда увлекаетъ, потому-что оно рѣдко. Графиня очень-хорошо поняла, что Сонинъ говоритъ правду. Она вскочила съ своего мѣста, и проходя мимо его быстро, сказала: «Здѣсь намъ нельзя говорить; черезъ пять минутъ будьте въ диванной»!

Сонинъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ. Голосъ надежды снова раздался на его сердцѣ, но разсудокъ твердилъ ему: не вѣрь и не ввѣряйся. Онъ хотѣлъ даже уклониться отъ дальнѣйшаго объясненія, хотѣлъ оставить навсегда и графиню, и эту залу, и большой свѣтъ, и черезъ пять минутъ сидѣлъ подлѣ графини въ диванной, освѣщенной слабымъ свѣтомъ матоваго стекла карселевской лампы и четырьмя свѣчами, стоявшими по угламъ ломбернаго стола, за которымъ бились въ преферансъ его высокопревосходительство, глухой В., камеръ-юнкеръ А. и князь Ц. Они, разумѣется, не обращали никакого вниманія на то, что происходило вокругъ нихъ, и были погружены душою и сердцемъ въ таинства великаго преферанса.

— Что-же вамъ угодно было сказать мнѣ, графиня, говорилъ Сонинъ, вооружаясь всею своею твердостью.

— То, что вы ребенокъ, самый вздорный и капризный, который не понимаетъ поступковъ людей, принимающихъ въ немъ истинное участіе, отвѣчала графиня, вооружась всѣмъ своимъ кокетствомъ.

— Что я не ребенокъ, въ этомъ васъ могло убѣдить мое требованіе рѣшить однажды навсегда мною участь, на которое вы отвѣчали мнѣ очень-ясно и скоро.

— Что-же я отвѣчала вамъ? Нельзя-ли узнать?

— То, что любовь моя неприлична!

— Я не виновата, если вамъ было угодно видѣть этотъ отвѣтъ въ простомъ предостереженіи. Вамъ, пожалуй, захотѣлось-бы, чтобъ я при всѣхъ сказала: я люблю васъ!

И говоря это, графиня взглянула на него съ такимъ страстнолукавымъ выраженіемъ, что Сонинъ готовъ былъ броситься передъ нею на колѣни. Еще мгновеніе—и повѣсть наша могла-бы продолжиться до безконечности, какъ вдругъ, взявшись рукою за сердце и поднимая глаза къ небу, въ припадкѣ восторга, поэтъ встрѣтилъ, по дорогѣ отъ земли къ небу, въ дверяхъ, противъ дивана, насмѣшливую улыбку Вельскаго, взглянувшаго на него съ презрительною улыбкою и тотчасъ-же скрывшагося.

Сонинъ опомнился въ ту-же минуту. Очарованіе исчезло; холодный потъ выступилъ на лицѣ его. Графиня ничего не видѣла, потому-что сочла нужнымъ, въ это время, опустить свои глазки съ видомъ наивной скромности. Каково-же было ея удивленіе, когда въ отвѣтъ на ея обворожительную фразу, она услышала холодныя слова поэта.

— Когда-же вы отдадите мнѣ вашу руку, графиня?

Графиня съ удивленіемъ подняла на него свои взоры, и гордо спросила его:

— Вамъ мало любви моей?

— Мнѣ мало словъ. Я хочу доказательствъ. Что̀ можетъ препятствовать нашему союзу? Вы свободны, я также. Правда, вы богаты, я бѣденъ. Но что-нибудь изъ двухъ, графиня. Если вы считаете меня способнымъ жениться на васъ только потому, что вы богаты, то не должны были-бы полюбить меня. Если-же вы увѣрены въ благородствѣ чувствъ моихъ, то должны видѣть новое доказательство моей любви въ томъ, что я предлагаю вамъ руку мою, не-смотря на ваше богатство. Конечно, союзъ со мною, можетъ-быть, *неприличенъ* по законамъ большаго свѣта, но потрудитесь объяснить мнѣ, что̀ выше для общества: приличіе или любовь?

Сонинъ на минуту остановился. Графиня молчала, не зная, что отвѣчать ему. Она никогда не представляла себѣ даже возможности выдти за Сонина. При одной мысли о замужствѣ — она тотчасъ поняла, что никогда не любила его. Въ первую минуту ей было даже стыдно самой-себя. Сонинъ, между-тѣмъ, говорилъ:

— Вы сказали, что любите меня. Признайтесь, что этими словами вы надѣялись отдѣлаться отъ меня. Вы думали, что послѣ этого я оставлю васъ въ покоѣ, и буду всю жизнь мою вашимъ покорнѣйшимъ угодникомъ и обожателемъ, считая себя совер-

ственно-счастливымъ, если вы, отъ-времени-до-времени, будете награждать меня ласковыми улыбками, взорами и словами. Васъ удивило то́, что я осмѣлился требовать бо́льшаго. Что́ дѣлать, графиня! Вы сами сказали, что теперь вѣкъ матеріальный, положительный. Люди не хотятъ питаться однимъ воздухомъ и толстѣть отъ обѣщаній, какъ говоритъ Шекспиръ. Странные люди! Они увѣряютъ, что слова ничего не значатъ, и просятъ дѣла и фактовъ. Мнѣ кажется, графиня, что отвѣтъ вашъ не можетъ быть сомнителенъ. Я избавилъ васъ отъ труда произносить его.

И онъ поднялся съ дивана.

Непонятное чувство, смѣшанное изъ жалости и досады, заставило графиню также подняться съ дивана и вскричать умоляющимъ голосомъ:

— Сонинъ!

Сонинъ остановился. Въ глазахъ его было глубокое чувство грусти, голосъ его дрожалъ отъ волненія.

— Благодарю васъ за это послѣднее слово, графиня. Я его никогда не забуду. Не хочу даже думать о томъ, что́ заставило васъ произнести его — состраданіе, или досада обманутаго самолюбія. Позвольте мнѣ, на прощанье, пожать вашу руку; забудьте на минуту, что это неприлично!

Съ пылающими щеками, подала ему графиня свою маленькую, полную ручку. Крѣпко сжалъ ее Сонинъ и въ молчаніи опустилъ голову на грудь. Онъ-бы, можетъ-быть, долго простоялъ въ этомъ положеніи, если-бы одинъ изъ преферанцистовъ не заревѣлъ во все горло:

— Пасъ!

Сонинъ вздрогнулъ и машинально повторилъ: «Пасъ!»

Потомъ опустилъ руку графини и сказалъ:

— По-крайней-мѣрѣ, мы разстаемся не врагами. Мнѣ пріятно думать, что въ исторіи жизни вашей, безумная любовь моя не принесетъ вамъ горькихъ воспоминаній. Я не обвиняю васъ, графиня. Не ваша вина, что приличіе въ васъ сильнѣе любви. Вы сроднились съ этой мыслью, укоренившеюся въ вашемъ сердцѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ вы начали понимать вещи. Вы поступили немножко вѣтрено, играя любовью и привязанностью, но и въ этомъ виноваты болѣе мнѣнія и обычаи общества, въ которомъ вы живете. Но разставаясь съ вами, можетъ-быть, на-всегда, прошу, молю васъ, графиня: не шутите такъ жестоко и необдуманно. Не у всякаго безумца найдется добрый ангелъ, который-бы остановилъ его во́-время, на краю темной, ужасной

бездны. Любовь—святое чувство, графиня, можно не чувствовать ея, но отвергать въ другихъ нельзя. Кто знаетъ, чѣмъ попла-чусь и я за нѣсколько дней надежды.

И бросивъ на графиню еще одинъ, послѣдній, долгій взглядъ, въ которомъ было много грусти, отчаянія и любви, онъ скрылся за дверью.

Графиня опустилась на диванъ. Нѣсколько минутъ смотрѣла она на дверь, потомъ опустила въ задумчивости голову и сказала:

— Нѣтъ! я не люблю его!

Графиня, впрочемъ, могла-бы сказать, что любила Сонина, такъ, какъ любятъ въ свѣтѣ всѣ женщины: спокойно, холодно, благоразумно, ставя, разумѣется, выше любви обязанности свои къ обществу. Въ правѣ-ли мы и требовать другой любви отъ свѣтской женщины?

Сказавши твердо и рѣшительно эту великолѣпную фразу, графиня, сверхъ того, для совершеннаго успокоенія своей совѣсти, начала думать о томъ, что-бы съ нею было, если-бы она согласилась на предложеніе Сонина. Взвѣсивши съ математическою точностью всѣ несообразности и невыгоды подобнаго брака, она скоро пришла къ тому заключенію, что была совершенно права въ отношеніи къ Сонину, и что онъ, сдѣлавши ей предложеніе, поступилъ съ нею очень-*неприлично*, qu'il a tout bonnement manqué! Вдругъ слухъ ея поразили новыя, странныя слова. Она подняла голову. Передъ нею стоялъ музыкантъ.

— Вотъ и другой! и вѣрно также съ объясненіями, подумала она, улыбаясь очень-пріятно новому гостю.

Но гость стоялъ въ эффектной позиціи, выставивъ правую ногу впередъ, лѣвую руку заложивши за спину, и держа въ правой, граціозно опущенной на колѣно, какую-то записку.

— Извините, что я помѣшалъ вашимъ размышленіямъ, графиня. Я не на долго прерву ихъ. Мнѣ нужно было только отдать вамъ эту записку.

Графиня машинально взяла отъ него трагически протянутую записку, развернула ее, и краска досады и негодованія разлилась по лицу ея.

Касовскій, между-тѣмъ, говорилъ.

— Я встрѣтилъ сейчасъ Сонина. Онъ шелъ отъ васъ и, какъ кажется, былъ не очень-доволенъ разговоромъ съ вами. Если вы были съ нимъ жестоки, то поступили весьма-необдуманно. Его гораздо легче провести, чѣмъ меня. Любя его, вы можете писать кому угодно подобныя записки и увѣрять его, что никогда не

писали ихъ. Онъ повѣритъ вамъ, потому-что не смѣетъ и думать, чтобы образованная, свѣтская женщина могла обманывать. Признаюсь вамъ, что и я былъ немножко удивленъ, увидѣвъ явное доказательство *обмана*. Извините, что я такъ грубо выражаюсь. Нашъ русской языкъ довольно-неучтивъ. По французски подобный поступокъ называется, какъ кажется, *espiéglerie*.

— Вамъ отдалъ эту записку Вельскій? вскричала графиня такъ громко, что даже одинъ изъ игроковъ въ преферансъ оглянулся, думая, не пришла-ли кому-нибудь удивительная игра.

— Кто-бы ни отдалъ, но я всю жизнь буду благодаренъ ему за то, что онъ открылъ мнѣ глаза и избавилъ отъ довольно-смѣшной роли. Вы позволите мнѣ откланяться вамъ, графиня, и возвратите мнѣ назадъ признаніе въ любви къ вамъ. Какой-бы отвѣтъ ни получилъ я, согласитесь, что послѣ того, что случилось со мною, я не могу ему *повѣрить!*

И Касовскій, холодно поклонившись ей, отправился къ тѣмъ-же дверямъ, за которыми скрылся Сонинъ. Графиня, внѣ себя отъ негодованія, готова была броситься за нимъ, какъ вдругъ въ дверяхъ показался Вельскій. Онъ спокойно пожалъ руку Касовскому, сказавъ: «Хорошо! очень-хорошо!» Потомъ тѣмъ-же ровнымъ и мѣрнымъ шагомъ подошелъ къ дивану, сѣлъ подлѣ графини, поправилъ галстукъ и сказалъ:

— Теперь моя очередь! и... —

XV.

Графиня, приподнявшись съ дивана, обратилась къ Вельскому, съ пылающими взорами, раскраснѣвшимися щеками и сильно волнующеюся грудью. Потокъ упрековъ и колкостей готовъ былъ вылиться изъ устъ ея, но Вельскій остановилъ его твердыми и быстрыми словами:

— Графиня! вы взволнованы! Здѣсь, кромѣ насъ, еще четыре человѣка; вы можете себя окомпрометировать.

Графиня, пораженная этой всемогущей фразой, опустилась опять на диванъ, вскричавъ въ полъ-голоса: «Оставьте меня!»

— Сію минуту, графиня! Мнѣ еще нужно сказать вамъ нѣсколько словъ.

— Я знаю все: вы уговорили Сонина требовать отъ меня рѣшительнаго объясненія, вы обманомъ выманили у него мою

записку и отдали Касовскому; вы научили Касовскаго разъиграть со мною эту дерзкую сцену!

— Точно такъ, отвѣчалъ Вельскій, гладя свой бархатный жилетъ. Все совершенно-справедливо, кромѣ одного пункта. Чтобы взять у Сонина вашу записку, не нужно было никакого *обмана*, напротивъ, нужна была одна *правда*. Голоса ея не слушается только тотъ, въ комъ страсти ослѣпили разсудокъ.

— И вы пришли хвастать тѣмъ, что успѣли поссорить меня съ двумя любившими меня людьми?

— Я пришелъ поздравить васъ съ тѣмъ, что вы прервали всѣ сношенія съ людьми, которые начинали ужъ васъ компрометировать.

— Кто далъ вамъ право вмѣшиваться въ мои дѣла и заботиться о моей репутаціи?

— Имя, которое вы носите и которое нѣкогда принадлежало моему единственному и искреннему другу, давнишнее мое знакомство съ вами, интересъ того круга, къ которому я принадлежу, и въ который одинъ изъ этихъ господъ хотѣлъ втереться законнымъ образомъ.

— И вы для этой цѣли употребляли такія низкія средства?..

— Къ чему такія грозныя слова! Люди, подобные мнѣ, не дѣлаютъ низкихъ поступковъ, а употребляютъ для достиженія цѣли поступки политическіе, оправдываемые людьми благомыслящими.

— Если Сонинъ и отдалъ вамъ записку, то, вѣрно, не съ тѣмъ, чтобы вы передали ее Касовскому?

— Конечно!

— И вы скажете, что это хорошій поступокъ?

— Онъ ни чуть не хуже того, который вы сдѣлали съ Касовскимъ.

Графиня закусила губы и молчала. Вельскій продолжалъ.

— Когда вы совершенно успокоитесь, то будете благодарить меня за то, что я скоро и безъ малѣйшей огласки окончилъ дѣло, которое могло подать поводъ вашимъ добрымъ пріятельницамъ уронить васъ въ глазахъ общества. И такъ ужъ Зерницына перешептывалась объ этомъ съ княгинею В.

Графиня въ ту-же минуту сдѣлалась настоящей свѣтской женщиной; забыты были гнѣвъ, досада и любовь, осталось одно опасеніе потерять уваженіе свѣта.

— Вы не знаете, что говорили онѣ? быстро спросила она.

— Онѣ *сожалѣли* о васъ, графиня, и даже *боялись* за васъ, а

вы знаете, что это вторая и третья степень клеветы, которая сначала *не вѣритъ* скандалёзному слуху, потомъ *сожалѣетъ* о той, которая стала жертвой сплетней, потомъ *боится*, чтобы слухъ не оказался справедливъ, и наконецъ явно *негодуетъ* на нарушеніе общественныхъ законовъ. Вы очень-хорошо знаете, какова пятая степень клеветы, начинающей наконецъ *гнать* безнравственность и неприличіе. Вашъ ветряный характеръ могъ далеко увлечь васъ — и тогда, кто знаетъ, чѣмъ-бы окончилась эта сантиментальная исторія. Вы, наконецъ, сами увидѣли смѣшную и неприличную сторону ея и не согласились на предложеніе Сонина выдти за него. Но повѣрьте, что для свѣта мало и этого. Найдутся люди, которые станутъ увѣрять, что вы *жертва законовъ общества*, и отказавши Сонину въ рукѣ своей, отдали ему свое сердце.

— Но что́-же мнѣ дѣлать? вскричала почти съ отчаяніемъ графиня.

— Есть одно средство, чтобы прекратить всѣ толки и поправить все дѣло. Въ вашемъ положеніи вамъ даже необходимо къ нему прибѣгнуть!

— Какое-же это средство? спросила графиня съ любопытствомъ.

— Очень-простое— выдти за мужъ!

Графиня не ждала такого рѣшительнаго отвѣта и не на-шутку удивилась, услыша предложеніе Вельскаго. Ей вообще рѣдко приходила мысль о возможности и необходимости перемѣнить свое положеніе. Оно было такъ ново и занимательно. И вдругъ, въ самое короткое время, она во второй разъ услыхала это слово, которое ей казалось такъ странно. Вельскій продолжалъ.

— Вамъ даже непремѣнно надо выдти за мужъ. Въ ваши лѣта и съ вашимъ характеромъ свобода — вещь самая опасная. Вамъ нуженъ менторъ и руководитель. Давно-ли вы имѣете удовольствіе быть вдовой — и ужъ чуть не вышли за мужъ за поэзію или музыку! Будь они немножко посмѣлѣе и поумнѣе, и не принимай я въ васъ участія — вы-бы не такъ скоро и удачно отъ нихъ отдѣлались. Что́-же будетъ дальше? Повѣрьте мнѣ — какъ другу — графиня! Я искренно желаю вамъ счастія.

— Съ которыхъ поръ вы стали моимъ другомъ? сказала графиня, въ тихомъ раздумьи, занятая въ тоже время другою мыслью.

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ узналъ васъ. Въ моихъ поступкахъ вы могли видѣть мою привязанность къ вамъ. Только одинъ искренній другъ вашъ могъ помѣшать вамъ выдти за мужъ за голоднаго

поэта, котораго зовутъ также какъ Бобчинскаго, или за мѣщанскаго музыканта, который крадетъ казенный овесъ и фантазируетъ въ отчетахъ по департаменту лучше, чѣмъ на фортепьянахъ. Нѣдругъ вашъ очень-бы радъ былъ такому браку, а человѣкъ равнодушный къ вамъ не обратилъ-бы на это никакого вниманія.

— И вы, досаждая мнѣ на каждомъ шагу, мѣшая мнѣ во всѣхъ моихъ намѣреніяхъ, хотите увѣрить, что дѣлали все это единственно для меня.

— И для себя! прибавилъ Вельской съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ.

Графиня съ самодовольной улыбкой наклонила голову и спросила полушуточнымъ тономъ.

— За кого-же вы посовѣтуете мнѣ выдти за мужъ?

— За человѣка, который такъ давно любитъ васъ и чью любовь вы не хотите до-сихъ-поръ замѣтить, хотя она яснѣе — русской грамматики.

— Кто-же сказалъ вамъ, что я не замѣтила этой любви? отвѣчала графиня въ-полголоса, какъ-бы стыдясь своихъ словъ.

— Тѣмъ хуже, если вы замѣтили ее и не дали этого замѣтить: это избавило-бы васъ отъ многихъ непріятныхъ сценъ и объясненій.

— Но могла-ли я повѣрить ей?

— Конечно, *онъ* никогда не говорилъ вамъ объ этомъ, но за то поступалъ такъ, что вы изъ дѣлъ могли узнать страсть его скорѣе, чѣмъ изъ словъ.

— И вы совѣтуете мнѣ принять его предложеніе?

— Отъ всей души. Меня интересуетъ это больше, чѣмъ вы можете себѣ представить.

— Вы принимаете въ *немъ* такое участіе!

— Онъ лучшій другъ мой, принадлежитъ къ тому-же кругу, гдѣ и вы блистаете, молодъ, богатъ, какъ говорятъ, не глупъ и любитъ васъ до безумія. Впрочемъ вы сами очень-хорошо знаете его свойства, качества и достоинства, и однимъ вашимъ словомъ можете составить его счастіе.

Графиня отвѣчала послѣ минутнаго молчанія:

— Я буду съ вами откровенна. Тотъ, кто, какъ вы увѣряете, любитъ меня до безумія, сдѣлалъ мнѣ много непріятностей въ самое короткое время, хотя и съ доброй цѣлью. Когдя я говорю съ нимъ, во мнѣ пробуждается какое-то особенное чувство, не похожее ни на любовь, ни на ненависть, но которое можетъ об-

ратиться въ ту или другую. Признаюсь вамъ однако, что *онъ* производитъ на меня непонятное вліяніе, имѣетъ надо мной какую-то магическую власть. Мнѣ очень хочется и вмѣстѣ съ тѣмъ я боюсь вѣрить любви его. И потому, чтобы не отвергнуть человѣка прекраснаго и замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ, и съ другой стороны, чтобы не связать неразрывнымъ обѣтомъ судьбу двухъ лицъ, изъ которыхъ одно не вполнѣ еще убѣдилось ни въ своей, ни въ чужой привязанности, я назначаю еще годъ испытанія, по прошествіи котораго соглашаюсь отдать *ему* мою руку, если не перемѣнятся взаимныя наши чувства и отношенія.

Лицо Вельскаго приняло при этихъ словахъ какое-то радостно-язвительное выраженіе.

— И никакія просьбы не могутъ заставить васъ уничтожить эту отсрочку?

— Никакія! Я хочу обезпеченія въ будущемъ моемъ спокойствіи. Впрочемъ во все продолженіе испытанія даю обѣщаніе слѣдовать во всемъ совѣтамъ того, кто любитъ меня.

И графиня протянула руку Вельскому.

Онъ спокойно взялъ ее, поцѣловалъ и сказалъ.

— Покорно васъ благодарю. Лунинъ будетъ въ восторгѣ.

— Лунинъ? Какой Лунинъ?

— Будущій супругъ вашъ, по окончаніи испытанія, — тотъ, кто любитъ васъ до безумія, къ кому вы питаете какое-то *странное* чувство, за кого я хлопоталъ сейчасъ съ такимъ жаромъ и краснорѣчіемъ....

Графиня сидѣла на диванѣ, блѣдная, дрожащая, какъ пораженная громомъ. Ударъ былъ слишкомъ жестокъ и неожиданъ. Вельскій игралъ хладнокровно часовымъ шнуркомъ. Въ двухъ шагахъ отъ этой ужасной сцены происходила другая, не менѣе ужасная. Его высокопревосходительство остался безъ трехъ въ семи!!!

Видя, что графиня почти готова упасть въ обморокъ отъ досады и волненія, Вельскій вдругъ перемѣнилъ тонъ и сказалъ самымъ серьёзнымъ и важнымъ голосомъ:

— Выслушайте меня, графиня, можетъ-быть, въ послѣдній разъ. Я нанесъ вамъ такое оскорбленіе, котораго никогда не прощаютъ женщины. Я поступилъ жестоко, — но вамъ нуженъ былъ урокъ. Съ-этихъ-поръ ваше *странное*, непонятное чувство ко мнѣ сдѣлается простою, ясною ненавистью. Оно иначе и быть не можетъ. Вы думали, что я любилъ васъ; но если-бы это была и правда, сегодняшній поступокъ вашъ могъ убить самую пылкую

любовь. Женщина, которая спокойно отвергаетъ благородную страсть, не можетъ полюбить сильно и искренно. Вы ужъ слишкомъ ревностно покланяетесь *приличію*. Вы любили разомъ двоихъ, слѣдовательно, не можете любить одного. Вы обманули обожателя— мужа можете обмануть и подавно. Вы очень-скоро забыли вашего перваго мужа и еще скорѣе двухъ недавнихъ обожателей, — это очень-утѣшительно для третьяго. Признаюсь вамъ, что я ошибался въ васъ, что я не ожидалъ найти въ васъ столько холоднаго разсчета въ головѣ, столько безчувственности въ сердцѣ. Судьба помогла мнѣ открыть настоящій вашъ характеръ. Я не покидалъ васъ, не-смотря на наши ссоры, покамѣстъ надѣялся. Теперь, когда я хорошо узналъ васъ, вы можете быть увѣрены, что преслѣдованія мои окончились, что я не стану вмѣшиваться ни въ ваши дурные, ни въ хорошіе поступки. До нынѣшняго дня въ головѣ моей было много романическихъ идей, о которыхъ, разумѣется, никто и не догадывался, но которыя все-таки, противъ моей воли, тревожили меня въ минуты тоски и бездѣйствія. Вы излечили меня отъ всякаго романтизма. Сегодня только узналъ я, что̀-такое *свѣтская женщина*. — А вы еще лучшая изъ нихъ! Больно было мнѣ разочароваться въ васъ — но боль эта полезна и спасительна. Мы не разъ, быть-можетъ, встрѣтимся съ вами на жизненной дорогѣ въ блистательномъ обществѣ большаго свѣта; но повѣрьте, что̀ будьте вы ангеломъ добра или демономъ всѣхъ возможныхъ пороковъ, ни слова̀ ваши, ни поступки не возбудятъ во мнѣ ничего, кромѣ равнодушія. Прошедшее умерло безвозвратно, и о томъ, что̀ схоронено у меня на сердцѣ, не узнаетъ ни одинъ изъ моихъ *добрыхъ* друзей, родныхъ и пріятелей. Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи, графиня, и искренній совѣтъ: выходите поскорѣе за дурака Лунина или за какого-нибудь другаго дурака — въ нихъ нѣтъ недостатка. Чѣмъ онъ будетъ глупѣе, тѣмъ лучше. Чужое имя прикрываетъ грѣхи своего собственнаго, и его не такъ жаль замарать, какъ свое.....

И Вельскій скрылся въ тѣ-же двери, за которыми исчезли Сонинъ и Касовскій.

Графиня осталась на диванѣ. Что̀ думала, что̀ чувствовала она? Знаетъ только тотъ, кто знаетъ все. Мы не имѣемъ этой претензіи и спѣшимъ заключить нашъ неутѣшительный разсказъ, утомившій насъ самихъ, вѣроятно, больше читателей.

— Вы думаете этимъ и окончить? спросило насъ то́ лицо, для котораго мы разсказывали эту повѣсть.

— Какъ-же иначе? Что́-же можно еще къ ней прибавить? Послѣдующую судьбу дѣйствовавшихъ въ ней лицъ? Но повѣсть не біографія, а тѣмъ менѣе не некрологія, что должна оканчиваться только съ похоронами ея героевъ. Она беретъ одинъ, почему-нибудь замѣчательный эпизодъ изъ жизни цѣлаго человѣчества, одного народа, отдѣльнаго класса общества, и наконецъ, отдѣльнаго лица. Если въ то-же время она согрѣта какой-нибудь идеей и заставитъ хоть минуту подумать объ ней читателя, то авторъ достигъ своей цѣли.

— И вы думаете, что, прочтя вашъ разсказъ, никто не спроситъ у мертвой книги: къ чему это все написано?

— Тогда я буду сожалѣть о томъ, что книга сама не въ состояніи была дать отвѣта, какъ-бы должна была это сдѣлать.

— Но мнѣ кажется, что найдутся многіе, которые станутъ упрекать васъ въ неоконченности и неясности.

— Неоконченныя повѣсти нынче въ модѣ. Ихъ печатаютъ и живые авторы. Моя повѣсть началась и кончилась на балѣ. Этого довольно. Что́-же касается до неясности, то она иногда не зависитъ ни отъ читателя, ни отъ автора. Часто случается, что читатель не *можетъ* понять мысли автора, но еще чаще то́, что писатель не *долженъ* ясно высказывать ея.

ВИКТОРЪ НЕСКРОМНЫЙ.

КЪ ЛЕЛІИ.

Я вѣрю, мы равны... Неутолимой жаждой
Страдаешь ты, какъ я, о гордый ангелъ мой! —
И ропотъ на небо мятежный — помыслъ каждой,
Молитва каждая души твоей больной.
За-чѣмъ-же, полные страданья и невѣрья
Въ кумиры палшіе, въ разбитыя мечты,
Личину глупую пустаго лицемѣрья
Одинъ передъ другимъ не сбросимъ я и ты?
Къ чему служеніе преданіямъ попраннымъ,
И робость передъ тѣмъ, что̀ намъ смѣшно давно,
Когда въ грядущемъ мы живемъ обѣтованно,
Когда прошедшее отвергли мы равно?
Хотѣла-бъ тщетно ты мольбою и слезами
Душѣ смиреніе и вѣру возвратить....
Молитва не дружна съ безумными мечтами,
Страданьемъ гордости смиренья не купить...
И если-бъ даже ты нашла покой обмана,
То вѣрь, твоя душа, о гордый ангелъ мой,
Отринетъ вновь его... И поздно, или рано...
Но мы пойдемъ опять страдать рука съ рукой.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ЕРМАКЪ ТИМОѲЕИЧЪ,

или

ВОЛГА И СИБИРЬ.

Драматическое представленіе въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Сочиненіе Н. А. ПОЛЕВАГО.

ПОСВЯЩЕНО

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ РИКОРДУ,

на память неизмѣннаго почтенія и преданности.

января 31, 1845 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Ермакъ Тимоѳеичъ, атаманъ Волжскихъ разбойниковъ, а потомъ начальникъ дружинъ казацкихъ.

Иванъ Кольцо, Терентій Мещерякъ } есаулы его.

Кузьма, старый разбойникъ.

Андрей, сагайдашный Ермака.

Митька, кашеваръ.

1, 2, 3 } разбойники.

Григорій Аникѣичъ Строгановъ, именитый человѣкъ.

Пантелей, староста деревенскій.

Иванъ, батракъ его.

Невзгода Обдиралко, сыщикъ.

Тарасьевна, крестьянка.

Марія, сиротка.

Махметъ-кулъ, Сибирскій царевичъ.

Мурза Алей.

Шаманъ.

Посланный Строганова.

Князь Болховской, Иванъ Тоболинъ } царскіе воеводы.

1, 2, 3 } казаки.

Разбойники, казаки, крестьяне, крестьянки, Сибирскіе воины, шаманы, свита царскихъ воеводъ. Два первыя дѣйствія на Волгѣ, а три остальныя въ Сибири.

Событіе происходитъ въ концѣ XVI вѣка, въ царствованіе царя Іоанна Васильевича Грознаго.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЛГА-МАТУШКА.

До поднятія занавѣсы, окончаніе увертюры сливается съ русскою пѣснею: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.» Занавѣсъ поднимается. Высокій, лѣсистый берегъ Волги, который съ обѣихъ сторонъ сходитъ къ срединѣ, гдѣ видны волны рѣки. Въ сторонѣ разложенъ огонь, и на немъ виситъ котелъ на треногѣ. Кругомъ разбросаны оружіе, одежды, ѳляги. Разбойники сидятъ, лежатъ, пьютъ. Пѣсня понемногу стихаетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КОЛЬЦО, КУЗЬМА, МИТЬКА, РАЗБОЙНИКИ.

КУЗЬМА.

Эхъ! Волга-матушка, кормилица родная,
Раздольный путь съ полночной стороны!

Не по тебѣ-ли воля удалая,
Во дни привольной старины,
На челнокѣ ушкуйника Прокопа,
Да на ладьѣ донскаго казака,
Водила русскихъ молодцовъ далеко,
Въ Ширвань, и въ Шемаханскій край, и въ Астрабатъ?
Прошло ты, времячко! На матушку на Волгу,
Царь Грозный руку наложилъ —
Загородилъ рѣку — Казань поставилъ тамъ,
Тутъ Астрахань.... Эхъ! вспомнишь, да и охнешь!

МИТЬКА.

И то́ сказать вѣдь, дѣдушка Кузьма:
Народъ сталъ хилый! Вотъ теперь у каши
Храбрится всякій, а какъ надо постоять,
Да, кистенемъ махнуть, да на потѣху
Пустить по Волгѣ селезня, либо въ село
Забраться съ краснымъ пѣтухомъ....

КОЛЬЦО.

Пугнуть бабье?
Тутъ Митька кашеваръ куда удалъ,
А особливо, если чарка зеленова
Его башку поразогрѣетъ!

(*Всѣ смѣются.*)

МИТЬКА.

Да, да, толкуй! Что́, двуголовый что-ли я?
Сорвутъ голубушку — другой не прикленишь!

КОЛЬЦО.

Ну, о твоей башкѣ что́ толковать?
Сорвутъ — бѣда не велика — а вотъ....

МИТЬКА.

Что́ вотъ? Нѣтъ, есаулъ — я головы моей
Ни на какую промѣнять не захочу!

КОЛЬЦО.

А отъ-чего-бы такъ?

МИТЬКА.

Да, отъ того,
Что такъ она тутъ плотно приросла....

КОЛЬЦО.

Ну, да на мѣстѣ ли тутъ приросла она —
Задача! (*Смѣются.*)

КУЗЬМА.

Да, и какъ его на Волгу занесло!

МИТЬКА.

Вотъ: какъ на Волгу занесло! Да, такъ — хмѣлина
Кабацкая, да удаль молодецкая! Молва
Ходила, что на Волгѣ удальцы
Живутъ разгульно — тамъ, дескать, вина
Пей не хочу, а ѣства стерляди, да лебедь,
А золота и куры не клюютъ — одежа
Атласъ, да соболь, бархатъ, да парча....

КУЗЬМА.

Такъ и бывало въ старину, когда по Волгѣ,
Ни Армянинъ носастый, ни Татаринъ бритый,
Ни Русской борода-аршинникъ проѣзжать
Не смѣли: — заплати — не то *сарынь на кичку!* —
Дѣлись виномъ, и золотомъ и узорочьемъ!
Аль молодца на вѣничкахъ поджаримъ,
Въ холодной банѣ искупаемъ — будь
Семи пядей во лбу, бояринъ, воевода,
Мурза — хоть чортъ съ рогами.... Съ горя
Налей-ка! (*Пьетъ.*)

КОЛЬЦО.

Да, теперь плоха расплата!

Ни взадъ и ни впередъ — загналъ и насъ въ трущобу
Иванъ Степановичъ Мурашкинъ, царскій воевода....
Оно и правда — распорядокъ царскій
Къ добру ведетъ....

КУЗЬМА.

Ну, а ужъ подъ распорядокъ
Кузьма Ѳедотовъ не пойдетъ.... Двадцатый годъ,
Какъ я ушелъ на Волгу, и въ раздольи
Вѣкъ прожилъ, такъ въ неволю не хочу!
Мурашкину задáлъ-бы я такихъ мурашекъ....
Вишь вздумалъ астраханскій воевода,
Наслалъ указы — вольницѣ не быть!
Что́ мы, другимъ мѣшаемъ что́-ли?
Вольно-же Бѣлому Царю — сперва насъ съ Дону
Согналъ, потомъ и съ Волги гонитъ....

КОЛЬЦО.

Ты, Кузьма, что́ хочешь говори,
А о Царѣ ни слова говорить не смѣй —
Услышитъ атаманъ, и грѣхъ великой!...

КУЗЬМА.

Я не о Царѣ,
О воеводѣ говорю. Съ чего онъ взялъ —
Иди съ повинной головой! Нѣтъ! Ермаку,
Кузьмѣ Ѳедотову, Кольцу Ивану поздно
Съ повинной головой ходить,
Когда за головы ихъ цѣну положили,
Какъ-будто за горохъ! Налей-ка съ горя!
Живется, пьется, а на висилецѣ будешь,
Тогда хоть подчивай — не надо!

КОЛЬЦО.

А что́, бра́тцы, кто сегодня видѣлъ атамана?
Что́ съ нимъ доспѣлось—я ума не приложу!
Съ тѣхъ поръ, какъ воеводской принесли указъ,
Онъ словно туча мрачная.... Ни слова!

КУЗЬМА.

Я давича къ нему ходилъ....

КОЛЬЦО.

Ну, что?

КУЗЬМА.

Молчитъ!

КОЛЬЦО.

Молчитъ?

КУЗЬМА.

И домолчится,
Что́ бабы коромысломъ станутъ бить!
Что́ мы сидимъ тутъ? Досидимся до́-черта! Ажно досадно!

МИТЬКА.

Ужь досидимся ли, Богъ вѣсть, а знаешь,
Дѣдъ Кузьма, наврядъ удастся,
Не только бабѣ съ Ермакомъ поладить,
Да, и почище... не проглотитъ! Вишь, костлявъ!

КУЗЬМА.

Молчи ты — голова съ затылкомъ!
Чо́рта знаешь ты — туда же съ рѣчью!

КОЛЬЦО.

Ну, дѣдъ Кузьма, я хоть не Митька кашеваръ,
А за атама́на постоять готовъ.
Намъ думу разгадать его ума не станетъ,
А что́ объ удали его, мы знаемъ!
Такого молодца, ни Донъ, ни Волга,
И ни Яикъ не видывалъ!

КУЗЬМА.

Удалъ!

КОЛЬЦО.

Нѣтъ, не удалъ, а богатырь Добрыня,
Аль Муромецъ Илья—подковы гнетъ рукой,
Бьетъ на лету въ копѣйку, а умомъ бояринъ....
Царской думы онъ не обезчеститъ,
А рѣчью — златоустъ.... Гдѣ не былъ? Какъ начнетъ
О Шамахѣ, Царьградѣ, о Москвѣ золотоглавой....

КУЗЬМА.

Ну, что́ жъ! Богатырю прижали хвостъ!

КОЛЬЦО.

Они бы рать еще побольше навели!
И тутъ, когда бъ не Филька Живодёръ, —
Измѣнщикъ — ну, за то сидитъ онъ въ Волгѣ!
Охъ! хоть бы такъ кого привелъ Господь
За дѣло доброе стоять.... Царь-Государь!
Повинны передъ тобой — твоихъ стрѣльцовъ
Легло въ бою, какъ лѣсу въ бурю....

КУЗЬМА.

Нашъ волжскій удалецъ въ бою
Передъ стрѣльцомъ не пятится — ну, а коли пришло
За удаль поплатиться — на себя пѣняй:
По Сенькѣ шапка — вору мука по дѣламъ!
Жилъ весело... Оно не то́, что весело, а вотъ,
Какъ чарка зеленова — горько, а давай еще!
Эхъ! помню, былъ у насъ Сидорка Усъ....
Ну, вотъ, что сказку-то сложилъ намъ объ усахъ!

МИТЬКА.

Какую сказку, дѣдушка Кузьма?

КУЗЬМА.

Ужь ты — все сказки бы тебѣ!

ВСѢ.

Ну, разскажи, Кузьма!

КУЗЬМА.

Да, разсказать не диво — дай-те выпить
Сперва, и слушайте потомъ! — Ну! въ круговую!
(*Встаетъ, и всѣ окружаютъ его*).
Пришлось на старости хоть сказкой потѣшаться!
Хорошъ былъ сивка-бурка, да умыкали коня
Крутыя горы, и пошелъ конь подъ гору шажкомъ!
Житье на свѣтѣ, словно, вотъ безъ хмѣля кислы щи —
Шипитъ, кипитъ, пузырится, а толку и кума не разберетъ,
Что въ рѣшетѣ плыла къ кумѣ по Волгѣ!

=

Речитативъ.

А, бывали встарь Усы, да удалы молодцы!
А дотолева Усовъ, и видомъ не видать,
И видомъ не видать, и слыхомъ не слыхать!
Проявилися Усы, на святой на Руси!
Они щепетко по городу похаживаютъ,
Они усики умильно разглаживаютъ;
На нихъ смурые кафтаны, шапки бархатныя,
Еще красныя рубахи, косой воротокъ.
Собиралися Усы, на царевъ на кабакъ,
А главный Усъ, атаманской Усъ,
Да, Гришка Мурышка, дворянской сынъ!
Чепаруху пустили, кругомъ пошла;
Отъ первой ли Усамъ стало весело,
Отъ второй ли чепарухи....
Нѣтъ, ребята!
Не говорится сказка, не поется пѣсня — право слово!
Ужъ что-то чуетъ ретивое — не къ добру!
Не даромъ атаманъ задумался — трохъ
Повѣсилъ Астраханскій воевода, и грозится,
Что и другимъ того не миновать....
Оно не то-что.... а цыганскій потъ по кожѣ ходитъ!
(*Всѣ задумываются*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и МЕЩЕРЯКЪ.

МЕЩЕРЯКЪ (*поетъ*).

Ужъ какъ тёща ли къ зятю спѣшитъ,
На мутовкѣ рубашки сушитъ;
Она къ зятю собирается,
По подлавечью валяется!

Что́ вы задумались, товарищи? Ты, дѣдъ Кузьма,
Что̀ бороду-то закусилъ?

КУЗЬМА.

Что́! Ничего.

МЕЩЕРЯКЪ.

Аль зеленова недостало? Аль кручина
Заѣла добру молодцу сердечко?
Давай-ка, братъ, на радости полнѣй!

КОЛЬЦО.

На радости? Какой?

МЕЩЕРЯКЪ.

Да, на такой,
Что если я скажу, такъ есаулъ,
Всѣ жилки, такъ вотъ у тебя заговорятъ,
Вотъ такъ заговорятъ, — что разлюли малина!

КОЛЬЦО.

Ну, говори!

МЕЩЕСЯКЪ.

Добыча, братцы, да такая,
Что и на свѣтлый праздникъ не дождаться!

ВСѢ.

Добыча?

МЕЩЕРЯКЪ.

Приготовьте кистени, готовьте
Пищали и ножи — дыбычи и работы будетъ много!

ВСѢ.

Добыча! Подавай!

КОЛЬЦО.

Да, говори: что́ за добыча?

МЕЩЕРЯКЪ.

Григорій Строгановъ....

КОЛЬЦО.

Ну!

МЕЩЕРЯКЪ.

Тотъ богачъ,
Который всѣмъ Усольемъ и Чердынью завладѣлъ,
Жемчугъ пудами вѣситъ....

КОЛЬЦО.

Ну, да, мы Григорья знаемъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Онъ нашъ!

КУЗЬМА.

Какъ — нашъ?

МЕЩЕРЯКЪ.

На двухъ стругахъ
Изъ Астрахани онъ плыветъ въ Казань,
Везетъ съ собой казну!

КУЗЬМА.

Гдѣ-жъ онъ?

МЕЩЕРЯКЪ.

Да, вонъ,
Взойди и посмотри — далеко, тамъ
За Чортовой-Разстанеи!

КУЗЬМА.

Эй! за мной, ребята!

(*Разбойники и Кузьма бѣгутъ на прибрежный холмъ.*)

1-Й РАЗБОЙНИКЪ.

Вонъ видишь-ли — плывутъ! Чуть видно!

2-Й РАЗБОЙНИКЪ.

Красный парусъ! Видишь, дѣдъ Кузьма?

КУЗЬМА.

Еще-бы не видать!

ВСѢ.

Гайда! Сарынъ на кичку!

КУЗЬМА.

За кистени, за дротики, пищали! Готовь ладьи!
Ухъ! распотѣшься, удалой народъ!

(*Всѣ хватаются за оружіе.*)

КОЛЬЦО.

Ну, братцы, тутъ легко не дастся кладъ.
Такой богачъ, какъ Строгановъ Григорій,
Спустивши рукава не поплыветъ, —
Чай у него есть молодцы съ собой!

МЕЩЕРЯКЪ.

Не безъ того,

И шесть пищалей семипядныхъ.... Что́-жъ, Кольцо,
Аль кошки на сердцѣ скребутъ?

КОЛЬЦО (*осматривая ружье*).

Да, отъ-чего-же имъ скрести? Пусть атаманъ
Велитъ идти — пойдемъ.... Да, какъ-же ты,
Все такъ успѣлъ узнать? А?

МЕЩЕРЯКЪ (*смущаясь*).

Я давно слѣдилъ —
Изъ Астрахани вѣсть давно мнѣ перепала...
Ну, что́ ты морщишься?

КОЛЬЦО.

Я? Что́ мнѣ морщиться? Почто́?
А видишь, Мещерякъ: вотъ тутъ сидитъ
Свинцовая горошина, и будь я не Кольцо,
Коли замѣчу — посажу ее тебѣ въ животъ,
И ужъ ее до Страшнаго Суда
Самъ дѣдушка изъ живота не вынетъ — разумѣешь?

МЕЩЕРЯКЪ.

Что́-жъ ты, грозишь мнѣ что́-ли?

КОЛЬЦО.

Не грожу,
А такъ, чтобъ послѣ не было азатковъ!

МЕЩЕРЯКЪ (*наступая*).

Я заверну тебя, Кольцо, онтой,
Коли ты смѣешь мнѣ....

КОЛЬЦО.

Не подходи!
Ка́къ чорта въ ступѣ изломаю — слышишь!

КУЗЬМА.

Что́ вы? Съ ума сбрели? Теперь-ли спорить,
Когда работа на рукахъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Все онъ затѣялъ!

КУЗЬМА.

Нелегкая васъ побери! Присловье говоритъ,
Что два мѣдвѣдя никогда не уживутся
Въ одной берлогѣ!

КОЛЬЦО.

Не медвѣди, а медвѣдь съ лисицой.

МЕЩЕРЯКЪ.

Да, развѣ я одинъ? Андрей, любимецъ твой
И атаманскій, самъ видѣлъ, знаетъ все;
Онъ къ Ермаку пошелъ, а я къ товарищамъ скорѣй,
Вѣсть передать....

КОЛЬЦО.

Андрей! Иное дѣло!

МЕЩЕРЯКЪ.

Такъ, за что́-жъ
Ты обезчествовать меня хотѣлъ?

КУЗЬМА.

Ну, что́ ты лѣзешь!
Коли ты хочешь на расплату — выходи!

МЕЩЕРЯКЪ.

Изволь! Я такъ тебѣ почищу
Кусательный снарядъ!

КУЗЬМА.

Да, что за бѣсъ на васъ поѣхалъ?
Господь даетъ добычу, а вы драться!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, АНДРЕЙ, потомъ ЕРМАКЪ.

АНДРЕЙ.

Тише! Атаманъ!

ВСѢ.

Ребята! смирно! Атаманъ!

МЕЩЕРЯКЪ (*въ-сторону*).

Недолго вамъ поатаманить, да поесаулить,
И съ вами счетъ коротокъ будетъ скоро!
Мнѣ только-бы Кольца, да Ермака....

(*Ермакъ появляется на вершинѣ прибрежнаго холма. Онъ стоитъ, осматриваетъ рѣку, и тихо сходитъ*).

КОЛЬЦО.

Товарищи! потише — атаманъ не веселъ,
А знаете, когда не веселъ онъ — не попадайся!

ЕРМАКЪ.

Богъ на-помочь!

ВСѢ.

Дай Богъ здоровья атаману!

ЕРМАКЪ.

Всѣ-ли въ сборѣ? Много-ль насъ, Кольцо?

КОЛЬЦО.

Безъ двухъ двѣ сотни.

КУЗЬМА (*ворча*).

Эвось! Посчитали насъ порядкомъ!
Пять-сотъ насъ было, а теперь двухъ сотенъ нѣтъ!

ЕРМАКЪ (*грозно*).

Что? (*Молчаніе*).
Строгановъ, почетный гость, Григорій Аникѣичъ,
Къ намъ жаловать изволитъ. Что-жъ? Отказывать ли намъ?
За чѣмъ! Не будь запаслнвъ съ гостемъ, будь привѣтливъ.
Мы встрѣтимъ, угостимъ, чѣмъ Богъ послалъ,
Такъ угостимъ, что будетъ помнить нашу хлѣбъ-соль.
Распорядить почетъ! Кольцо! ты сядешь тамъ, въ засадѣ,
За Чортовымъ ущельемъ. Мещерякъ! ты будешь здѣсь,
Подомовничать я тебя оставлю, а со мной
Семь лодокъ станутъ за Орлиный островъ —
Я самъ пойду встрѣчать гостей съ поклономъ....

КОЛЬЦО.

Позволь мнѣ слово, атаманъ.... Такой добычи
Наврядъ дождешься скоро, да....

ЕРМАКЪ.

Что?

КОЛЬЦО.

Да, не зачесался-бы затылокъ!

ЕРМАКЪ (*сурово*).

Ты можешь оставаться дома. Кстати,
У Митьки кашевара заболѣлъ чумичка —
Такъ пособи ему!

КОЛЬЦО (*горестно*).

Эхъ, атаманъ!

МЕЩЕРЯКЪ (*сердито*).

Меня
За чѣмъ ты не берешь съ собой?

ЕРМАКЪ (*смотря на него*).

Такъ! Не беру!
Старуха мнѣ, колдунья, говорила: *не бери*!
А ты, Кузьма? Ты что? И ты съ совѣтомъ?

КУЗЬМА.

Нѣтъ! не наше дѣло,
А будетъ жарко!

ЕРМАКЪ.

Ну, тѣмъ лучше — не озябнешь.
Всѣ по мѣстамъ!

ВСѢ.

Гайда!

(*Бѣгутъ въ разныя стороны. Кольцо стоитъ задумчиво*).

ЕРМАКЪ.

Кольцо! что-жъ ты стоишь?

КОЛЬЦО.

Такъ мнѣ остаться съ Митькой кашеваромъ?

ЕРМАКЪ.

Аль ты обидился, совѣтчикъ?

КОЛЬЦО.

Не въ обиду
Молвить — ну, а что ты скажешь....

ЕРМАКЪ.

Вотъ что я скажу —
Давайка руку! (*Бьетъ его въ руку*).
Такъ-ли?

КОЛЬЦО.

Атаманъ! какъ у кольца,
Нѣтъ ни начала, ни конца — такъ — чортъ возьми!

Не только́ въ Чортово ущелье — и въ огонь, и въ воду!
Но повѣрь, что отъ усердья.... Между нами
Не всѣ соколики — есть коршуны, и Филькѣ
Товарищи найдутся....

ЕРМАКЪ.

Пусть найдутся!
Два раза коршуну орла не провести;
Дремалъ онъ, а теперь проснулся,
Широкимъ въ поднебесьи размахнетъ крыломъ,
И зашибетъ имъ стаи коршуновъ и галокъ!
Ступай, товарищъ! Послѣ — а теперь за дѣло!

КОЛЬЦО.

Атаманъ! чортъ побери — ужели ты не знаешь, что Кольцо
Въ рѣчахъ не ладитъ, а на дѣлѣ молодецъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕРМАКЪ И АНДРЕЙ.

ЕРМАКЪ.

Какъ будто я не знаю! Молодецъ! На дѣлѣ! Господи помилуй!
Дѣло! Какъ змѣя сосетъ у сердца — Полно! Стихни!
Я накормлю тебя — до сыти накормлю!
Чего ты хочешь? — Мяса, крови,
Змѣя моя, жилецъ проклятый?
Впередъ, впередъ — назадъ не озираться! Нѣтъ!
Окаменѣешь, превратишься въ сланый столбъ,
Какъ грѣшница, которая дерзнула
На казнь Содома и Гоморра оглянуться!
Впередъ! Тамъ свѣтитъ, грѣетъ адскій огонекъ —
Тепло тамъ будетъ — въ чемъ не разсчитался — разочтешься,
О! разочтешься вѣчной, адской мукой!

АНДРЕЙ (*приближаясь*).

Что́ мнѣ прикажешь, атаманъ?

ЕРМАКЪ.

Что́ прикажу?
Ты все подслушалъ, что́ я говорилъ?

АНДРЕЙ.

Я не подслушалъ — слышалъ!

ЕРМАКЪ.

Слышалъ? Что́ жъ ты слышалъ? Говори, Андрей!
Не бойся — мнѣ сказать ты можешь.... не другимъ!
О, Боже сохрани! сказать другимъ....
Что́ ты здѣсь слышалъ, не услышать никому!
Ты слышалъ здѣсь не Ермака, а человѣка,
Въ тѣ страшныя, невыносимыя мгновенья жизни,
Когда на волю сердце просится, когда
Душа вся высказаться хочетъ, ищетъ
Роднаго сердца и души знакомой!
Не знаю, что́ меня къ тебѣ влечетъ —
Мнѣ кажется въ тебѣ я брата — сына вижу!

АНДРЕЙ.

Ата́манъ! За тебя я жизнь готовъ отдать!

ЕРМАКЪ.

Садись и слушай. Черезъ часъ начнется бой.
Григорій Строгановъ ни золота, ни жизни
Намъ даромъ не отдастъ. Быть можетъ,
Насъ много ляжетъ — лягу я.... Завѣтъ послѣдній —
Бѣги отсюда — тамъ есть золото — оно твое — возьми его,
Бѣги — будь счастливъ!

АНДРЕЙ.

Мнѣ бѣжать, Ермакъ?
Тебя оставить?

ЕРМАКЪ.

Да, оставить и бѣжать,

Бѣжать, какъ будто за тобою лютый врагъ —
Нѣтъ! Нѣтъ! не врагъ — самъ демонъ гонится погоней!

АНДРЕЙ.

А золото на что́ мнѣ брать?

ЕРМАКЪ.

На то́,
Что къ людямъ ты идешь, съ людьми
Ты будешь жить, а люди всѣ купцы;
Они все покупаютъ, продаютъ — у нихъ
Безъ золота не купишь ни любви, ни друга!

АНДРЕЙ.

Я не пойду!

ЕРМАКЪ.

Ты не пойдешь?

АНДРЕЙ.

Останусь!
Стыдно бросить мнѣ товарищей, тебя!

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ! ты еще намъ не товарищъ. Вотъ полгода скоро,
Какъ ты пришелъ къ намъ — на полгода сроку
Я далъ тебѣ — вѣдь, онъ еще не минулъ, и ты можешь
Оставить насъ — ты клятвы не далъ — ты намъ не товарищъ!
Ты рукъ твоихъ въ крови еще не замаралъ,
Ты устъ не осквернялъ еще безбожной бранью,
Ты на душу грѣховъ еще не принялъ тяжкихъ,
Ты дверь не затворялъ раскаянью.... Андрей!
Бѣги!

АНДРЕЙ.

Ермакъ! тебя я не оставлю!
Мнѣ любо здѣсь, въ привольной вашей жизни,

Мнѣ дорогъ ты — здѣсь вольно, хорошо,
А тамъ, тамъ душно, грустно!

ЕРМАКЪ.

Вольно! Хорошо!
И мнѣ казалось такъ, когда судьба
Забросила меня на Волгу.... Но предъ Богомъ,
Не я былъ виноватъ, когда бѣжалъ сюда!
Охъ! какъ бы радостно теперь я промѣнялъ
Тѣ кандалы, которыми меня
Неправосудіе людское заковало,
Тѣ слезы горькія, которыми мочилъ
Я хлѣбъ сухой въ моей тюрьмѣ, тѣ вздохи,
Молитвы тѣ, которыми отрада
Вливалась въ душу мнѣ.... Рядъ многихъ лѣтъ,
Грабежъ, убійство, слезы, плачъ, пожары,
Сообщество злодѣевъ и убійцъ, и клятва
Быть неразлучнымъ съ ними — все меня связало,
И на-вѣкъ отдалило отъ всего,
Что человѣку дорого и мило!
Безумецъ! я хотѣлъ все замѣнить
Молвой объ имени моемъ, хотѣлъ
Все задушить, залить виномъ и кровью — я хотѣлъ,
Чтобъ имя Ермака, какъ громъ небесный
По волжскимъ берегамъ гремѣло....

АНДРЕЙ.

И гремитъ оно!
Ногайскій Ханъ его трепещетъ — воеводы
Не смѣютъ плыть близъ твоего притона
Съ дружиной сильной; матери дѣтей стращаютъ:
«Чу! Ермакъ идетъ»! Ермакъ гроза Приволжья!
Но ты не грозный атаманъ — ты мнѣ отецъ!
Дай мнѣ съ тобою жить и умереть —
Ермакъ, Ермакъ! я къ людямъ не пойду!
Ты знаешь, мой родитель былъ богачъ.
Онъ умеръ — мачиха ограбила меня;
Съ сумою выгнала изъ отческаго дома —
Напрасно я просилъ суда у воеводъ,

Напрасно я подъ окнами молилъ:
«Подайте, ради Бога!» Мнѣ говорили: «Богъ подастъ!»
Тогда поклялся я разстаться съ ними,
Ушелъ къ тебѣ, и въ грозномъ атаманѣ,
Отца и друга я увидѣлъ! Я съ тобой на жизнь,
На смерть! За чѣмъ меня ты гонишь?

ЕРМАКЪ.

Андрей! и я тебя — за что, не знаю — полюбилъ.
За то, быть-можетъ, что среди злодѣевъ,
Ты непорочнымъ юношей явился,
И на тебя смотря, я вспомнилъ время,
Когда я самъ такимъ-же юношей бывалъ,
Когда я жертвой былъ злодѣевъ — не злодѣемъ,
Когда прощалъ врагамъ — не мстилъ, когда
И слезы были мнѣ доступны, и молитва!
Но ты ошибся, если думалъ здѣсь найдти
Разгулъ, приволье, братскую любовь...
Тамъ тяжко — страшно здѣсь; тамъ люди, —
Здѣсь не люди, нѣтъ! здѣсь звѣри въ видѣ человѣка...
Сюда бѣжитъ сынъ, проклятой отцомъ,
Сюда бѣжитъ холопъ отъ казни,
Купецъ-мотыга отъ долговъ и отъ тюрьмы,
Стрѣлецъ опальной, воръ, жидъ, еретикъ Татаринъ,
И въ страшной ихъ ватагѣ только страхъ
Ихъ держитъ, отъ того, что имъ возврата нѣтъ!
Возврата нѣтъ! Ты понялъ-ли весь ужасъ слова:
Возврата нѣтъ? О, если-бы я могъ
Бѣжать въ какую строгую обитель,
И схимникомъ дожить мой вѣкъ въ молитвѣ...
Но нѣтъ, меня нигдѣ не примутъ, всюду знаютъ,
И старцы выгонятъ меня съ проклятьемъ,
И выдадутъ на казнь — и страшной клятвой
Я жизнь мою съ злодѣями связалъ...
И намъ недолго гарцовать на Волгѣ!
Царь Грозный намъ наслалъ указы:
Велитъ идти другимъ съ повинной головой,
Всѣмъ милость — мнѣ топоръ и плаха,
И голова моя проклятью предана,

А тѣмъ, кто выдастъ Ермака — пощада,
Награда, чинъ, богатство и почетъ...
И Астраханскій воевода, вотъ, недавно, похвалялся,
Что скоро онъ меня скрутитъ, въ Москву отправитъ...
Меня? Нѣтъ! не родился тотъ, кому Ермакъ отдастъ
Свой мечъ булатный, кто его скрутитъ, предъ воеводой
Заставитъ бить челомъ и каяться въ грѣхахъ!
Три Астраханскія дружины я разбилъ —
Измѣною взяла четвертая... Но живъ Ермакъ!
Онъ не боится ни измѣнъ, ни воевод!

АНДРЕЙ.

И отъ измѣны
Я стражемъ стану близъ тебя!

ЕРМАКЪ.

Андрей!
Нѣтъ! я не отпущу тебя — нѣтъ! ты мнѣ сынъ,
Ты братъ — зачѣмъ намъ разлучаться?
Тебя, меня равно отвергли люди!
На жизнь и смерть! Пусть здѣсь злодѣи,
Да, гдѣ-же не злодѣи люди? Гдѣ слезой
Спротъ, и хлѣбомъ нищаго, и совѣстью людской
Гдѣ не торгуютъ? Гдѣ богачъ жестокосердый
Безъ слезъ и безъ проклятій собиралъ богатство?
Нѣтъ! я не отпущу тебя — ты мой! И слушай,
Что́ сдѣлать я хочу: отнынѣ —
Смерть богачамъ, смерть воеводамъ,
Смерть, гибель всѣмъ! Они еще меня не знаютъ,
Они цвѣточки видѣли, — пускай теперь увидятъ!
Я кликну кличъ на Волгу, на Яикъ,
На тихій Донъ, къ Азову, на Кубань;
Я соберу не шайки — ополченья,
И къ Астраханскому отправлюсь воеводѣ,
Попировать на пожарищѣ Астраханскомъ...
А тамъ, и въ животѣ и смерти воленъ Царь!

—

Речитативъ.

1.

Не шуми, мати зеленая дубрава,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати.
Заутра мнѣ, добру молодцу, во допросъ идти,
Передъ Грознаго владыку, Царя Бѣлаго.
Станетъ Грозный Царь меня спрашивать:
«Скажи, скажи, удалый добрый молодецъ,
Еще съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Много-ли было у тебя, молодца, товарищей?
«Охъ! ты Грозный владыка, нашъ бѣлый Царь!
Товарищей было у меня четверо:
Первый мой товарищъ была — темна ночь,
Второй мой былъ товарищъ — Волга матушка,
Третій былъ у меня товарищъ — пищаль мѣткая,
А четвертый мой товарищъ былъ — булатный ножъ,
А разсыльщики были — калены стрѣлы —
Куда самъ нейду, туда ихъ пошлю!

2.

Какъ возговоритъ владыка, Грозный, Бѣлый Царь:
«Удалъ ты уродился, добрый молодецъ!
Умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать.
Я за то тебя, добра молодца, пожалую,
Середи поля высокими хоромами —
Двумя столбами съ перекладиной,
И гостей къ тебѣ пришлю чорныхъ вороновъ —
Угощай ихъ твоимъ мясомъ — напой кровью ихъ!
(*Задумывается*).
Пируйте, пируйте, небесныя птицы!
Сбѣгайтеся, волки, слетайтесь, орлицы!
Выклевывай очи, незваные гости,
И вихорь по полю размычь мои кости!

Не такъ-бы умирать тебѣ, Ермакъ!

(*Слышенъ свистокъ; ему отвѣчаютъ*).

Моячатъ! Посмотри, что тамъ такое?

АНДРЕЙ (*сбѣгая на холмъ*).

Лодка
Плыветъ сюда!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ-же, КОЛЬЦО и разбойники.

КОЛЬЦО.

Что́, атаманъ: тамъ чудо,
Чудеса!

ЕРМАКЪ.

Что́? Что̀?

КОЛЬЦО.

Безъ боя
Сдается Строгановъ!

ЕРМАКЪ.

Сдается?

КОЛЬЦО.

Самъ къ тебѣ идетъ!

ЕРМАКЪ (*насмѣшливо*).

А! тутъ разсчетъ неплохъ! Ты не дуракъ,
Григорій Аникѣичъ! Видно, доброй волей
Онъ выкупъ хочетъ заплатить.... Пожалуй!
Нѣтъ! богачу на бой идти не сручно.... Трусъ!
Купецъ, аршинникъ, соловаръ!... Эй! собирать
Сюда народъ, а тамъ, на берегу, поставить стражу!

(*Свистки въ разныхъ сторонахъ. Разбойники являются на холмахъ; другіе бѣгутъ на сцену*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

тѣ-же, МЕЩЕРЯКЪ, КУЗЬМА, потомъ СТРОГАНОВЪ, и за нимъ три человѣка несутъ мѣшки.

МЕЩЕРЯКЪ.

Ну! поздравляю, атаманъ! Вотъ я веду добычу!

КУЗЬМА.

Ну, вѣстимо,
Легко вести, когда она сама идетъ!

ЕРМАКЪ.

Ни словомъ и ни дѣломъ не дерзай никто
Нанесть обиду гостю — тотъ расплатится со мной,
Кто взоромъ дерзкимъ оскорбитъ его!

(*Онъ отходитъ въ-сторону*).

МЕЩЕРЯКЪ.

И впрямъ, за что намъ обижать его?
А обобрать, какъ липочку, не худо!

СТРОГАНОВЪ (*выходитъ изъ лодки*).

Миръ вамъ, привѣтъ, поклонъ, народъ удалый,
Богъ на-помочь, на добрыя дѣла!
А гдѣ-же Ермака мнѣ, Тимоѳеича, увидѣть?

ЕРМАКЪ (*подходитъ*).

Григорій Аникѣичъ! здравствуй — я Ермакъ.

СТРОГАНОВЪ.

А! соколъ ясный!
Привелъ мнѣ Богъ тебя увидѣть!
Здравствуй, старшина разгульнаго народа!
Не обманула, атаманъ, меня молва —

Ну, богатырь! не диво, что Ногаи
Тебя боятся...

ЕРМАКЪ (*въ-сторону*).

Что такое? Что забилось здѣсь
Какимъ-то новымъ чувствомъ? Отъ чего
Мнѣ стыдно передъ нимъ? На серебро сѣдинъ
Его мнѣ тяжко очи возвести!

СТРОГАНОВЪ (*въ-сторону*).

Смутился!

(*Громко*).

И этотъ взоръ орлиный, говоритъ-ли онъ,
Что вижу я разбойника? И эти длани,
Могучія, на битву созданныя длани, неужли
Убійцы ножъ на ближняго возносятъ?
И голосъ этотъ, страхъ врагамъ внушать сужденный —
Ужли онъ на разбой злодѣевъ вызываетъ?
Горе, горе, горе проникло въ сердце, въ душу,
Тяжко мнѣ... О, лейтесь слезы! Горе, горе мнѣ!

(*Шумъ негодованія между разбойниками*).

Чье слышу я рыканье? Кто окрестъ меня?
Убійцы, звѣри дивіи, добыча казни, палачей?
Ермакъ! и ихъ ты братьями зовешь?

КОЛЬЦО.

Молчи,
Болтунъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Хрычъ старый! Враль!

ВСѢ.

Живѣе на ножи его!

СТРОГАНОВЪ.

Такъ, что-жъ вы стали? Развѣ вы боитесь

Ко мнѣ приблизиться? Аль сила правды
Души ваши поразила страхомъ?

КУЗЬМА.

Нѣтъ!
Не поразила — да тебя мы примемся! — Ребята!

СТРОГАНОВЪ.

Старый грѣшникъ! Не ужли ты мыслишь,
Что если Богъ захочетъ сохранить меня,
Онъ ангела мнѣ не пошлетъ на стражу?
Иль муками меня затѣялъ ты стращать?
Бери, терзай меня!

КУЗЬМА.

Увидимъ! Эй! сюда!

ВСѢ.

Гайда!

ЕРМАКЪ.

Стой!

КОЛЬЦО.

Атаманъ! ты слышишь:
Позоритъ онъ, безчеститъ насъ, поноситъ!

ЕРМАКЪ (*горестно*).

Онъ правду говоритъ!

СТРОГАНОВЪ.

И ты сознался?
Великій Боже! первый благодати лучъ
Въ его проникнулъ душу — онъ сознался!
Даруй-же силу слова грѣшному рабу!
Дай моему глаголу силу грома,
Да распаяетъ онъ, растопитъ ихъ сердца,
Кумиры ада перельетъ въ сосуды неба,

Куда вольется жизнь и благодать святая
На исцѣленіе души и тѣла!

ЕРМАКЪ (*въ сторону*).

Гдѣ? Когда?
Но я видалъ его, видалъ, и помню,
Что часъ свиданья былъ отрадный часъ! Но гдѣ?
Когда?

СТРОГАНОВЪ.

Къ тебѣ, Ермакъ, я слово обращаю!
Мужъ доблестный! О, сжалься надъ собой —
Господь твое пріиметъ покаянье!

ЕРМАКЪ.

Поздно ты пришелъ!

СТРОГАНОВЪ.

Нѣтъ! никогда раскаянье не поздно!
Господь пріемлетъ всѣхъ равно, кто въ первый,
Кто въ единонадесятый часъ пришелъ,
И объ одной овцѣ заблуждшей радость въ небѣ
Бываетъ больше, чѣмъ о двадесяти чистыхъ сердцемъ!

КУЗЬМА.

Да, что́ ты, поученья что-ли панялся читать?
Слыхали мы тебя почище! Аль задумалъ
Ты краснобайствомъ уберечь свою казну?

СТРОГАНОВЪ.

Нечестивецъ старый! На, возьми ее! (*Беретъ мѣшки и бросаетъ*),
На, вотъ она!
А мало, такъ поди — тамъ на судахъ моихъ,
И бархатъ, и парча, и золото — возьми!
Пусть угліемъ горящимъ на главу твою
И золото и серебро просыплются — Насыться!

Вели залить себѣ гортань сребромъ и златомъ!

ЕРМАКЪ (*шутливо*).

Григорій Аникѣичъ! Странно мнѣ,
Что ты пришелъ бранить хозяевъ.
Такого на Руси обычья нѣтъ!
Ты хлѣба-соли съ нами не вкусилъ,
А насъ позоришь! Гордость неприлична —
Вѣдь ты у насъ.... (*насмѣшливо*) въ гостяхъ!

СТРОГАНОВЪ.

Позорю? Гордость?
Смотри, какъ я горжусь! (*Становится на колѣни*).
О други, братья!
Я кланяюсь вамъ, умоляю васъ — не злата,
И не сребра молю — вамъ отдаю сребро и злато!
Молю — покайтесь! Богъ пріиметъ покаянье ваше!
На силу не надѣйтесь и на храбрость!
Не вѣдите, когда бѣда пріидетъ, аки тать....
О други! братья! вы умолкли....

ЕРМАКЪ.

Поздно, поздно,
Старикъ! Возврата нѣтъ! Намъ путь загороженъ,
И въ небо, и къ царю, и къ людямъ,
Загороженъ горами, терніемъ заросъ!
И Богъ, и царь, и люди насъ отвергли!
Мы не пойдемъ съ повинной головой — намъ нѣтъ возврата!

СТРОГАНОВЪ.

А если есть? А если не съ повинной головой
Вы къ православному Царю придете,
Но царствомъ подарить его — не тать, разбойникъ
Съ ватагою злодѣевъ — доблій воевода,
Ермакъ предстанетъ съ братьями, съ друзьями,
И Царь не казнью встрѣтитъ васъ — почетомъ?
Сто тысячь рати подъ Казань ходило,

И царство темное едва смирилось,
Но Богъ вѣщаетъ мнѣ, что Ермаку съ дружиной
Другое царство покорится.... Тамъ, далеко,
Оно раскинулось лѣсами и горами....

ЕРМАКЪ (*въ восторгѣ*).

Боже!
Я узнаю его! Онъ, онъ въ видѣньи благодатномъ
Являлся мнѣ!...
Григорій Аникѣичъ!
Что́ говоришь ты?

СТРОГАНОВЪ.

Правду!

ЕРМАКЪ.

Правду?

ВСѢ.

Правду?

СТРОГАНОВЪ.

Я не прощенье предложить пришелъ,
Но въ ду́ши ваши влить раскаянье святое,
И указать на подвигъ, васъ призвать къ нему явился.
Внимай, Ермакъ — нѣтъ! самъ читай, смотри—
Вотъ грамата Царя.... Благоговѣй! Самъ Царь,
Своими ясными очами на нее смотрѣлъ,
Самъ приложилъ печать десницей царской,
Самъ отдалъ мнѣ, и говорилъ: «Григорій!
Иди на Волгу, и увѣрь ихъ царскимъ словомъ....

ВСѢ.

Читай намъ граматку отъ батюшки-Царя

ЕРМАКЪ (*не въ силахъ вымолвить слова, схватываетъ грамату и читаетъ*).

Отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Іоанна Ва-

сильевича, на Чердынь, именитому человѣку Григорью Аникѣевичу Строганову. Билъ ты намъ челомъ, Царю Государю, а молвилъ: отыскалъ-де ты пути черезъ Каменный Поясъ, въ Сибирскую сторону; и можешь-де ты туда послать дружину; и просилъ ты, чтобы мы, Царь Государь, наше Царское Величество, поволили тебѣ кличъ кликнуть на Волгу, и на Донъ, и на Яикъ, и собрать ладейниковъ, и ушкуйниковъ, и вольныхъ людей, и казаковъ, а быть-де надъ ними атаманомъ казаку Ермаку Тимоѳееву....

СТРОГАНОВЪ.

Читай!

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ! не могу!

СТРОГАНОВЪ.

Подай сюда! (*читаетъ*)

И мы, Царь Государь, наше Царское Величество, поволили кличъ кликнуть, и тѣхъ вольныхъ людей собрать, и въ Сибирское царство вѣдомыми тебѣ путями отправить, и Ермаку Тимоѳееву надъ ними атаманомъ быть поволяемъ....

ЕРМАКЪ.

Гдѣ, гдѣ написано? (*Кольцу и Кузьмѣ*).
О други! братья!

(*Кольцо и Кузьма стоятъ безмолвно, опершись на свои ружья.*)

(*Андрею.*)
Сынъ мой!

СТРОГАНОВЪ. (*читаетъ*)

И сущихъ при немъ казакомъ, Ивану Кольцу (*Кольцо, трепеща, падаетъ на колѣни*) и Кузьмѣ Ѳедотову, быть при немъ Ермакѣ поволяемъ. И какъ надъ нимъ Ермакомъ есть великая наша Царская опала, и мы ту опалу съ него, съ Ермака, и со всѣхъ сущихъ съ нимъ, нашею великою Царскою милостью снимаемъ; и въ Сибирское царство имъ идти; и будетъ они то царство

подъ нашу высокую Царскую руку покорять, и быть имъ тогда всѣмъ въ великомъ нашемъ Царскомъ почетѣ. Сія наша Царскаго Величества грамата дана въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣто отъ сотворенія міра седмь тысячь осмьдесятъ втораго, мѣсяца февруарія въ день девятый.

КУЗЬМА. (*Ружье падаетъ у него изъ рукъ. Онъ рыдаетъ и закрываетъ лицо руками*).

Царь Государь! Ты и о Кузькѣ вспомнилъ!
Ты вспомнилъ обо мнѣ, проклятомъ, окаянномъ!

КОЛЬЦО.

Дай мнѣ облобызать то мѣсто,
Гдѣ царская рука касалась....

ЕРМАКЪ.

О! теперь я вспомнилъ все! Внимайте!
Господне было тутъ внушеніе.... Въ ту ночь,
Когда измѣнщикъ — судитъ Богъ его —
Подвелъ на насъ стрѣлецкія дружины,
Когда дрались мы такъ свирѣпо, уступили силѣ и бѣжали....
Одинъ бѣжалъ я по горамъ приволжскимъ,
Днемъ укрывался, словно дикій звѣрь, въ лѣсахъ,
Терзался жаждой, гладомъ — ночью шелъ,
Путь правилъ по звѣздамъ небеснымъ....
Но силы истощились — я упалъ.... Не помню — спалъ-ли,
Видѣнье или сонъ я видѣлъ.... Мнѣ мечталось,
Что въ безднѣ я, въ кромѣшной тмѣ — кругомъ ни зги не видно,
А только слышенъ волчій вой, и шипъ змѣиный,
Не человѣчій хохотъ, скорби стонъ, и плачъ,
И скрежетъ зубный, и какъ-будто въ пыткѣ
Ломаютъ кости — и руками осязалъ я
Холодныхъ змѣй — онѣ вились кругомъ,
И чуялъ я, какъ обвивались
Онѣ вокругъ моихъ костей,
И въ сердце жадно мнѣ впивались,
И въ кровь вливался ядъ изъ змѣй,

И жаръ, и холодъ — кровь, то застывала,
То жгучимъ въ жилахъ пламенемъ горѣла....
Молитву сотворить хотѣлъ я, и — не могъ,
Она въ проклятье превращалась... И средь тмы
Вдругъ свѣтъ я вижу — старецъ предъ мною!
Онъ хартію въ рукѣ держалъ — другую руку
Мнѣ подалъ... И смѣнились муки ада
Небеснымъ чувствомъ благодати....
Нѣтъ! На землѣ такого чувства нѣтъ!...
И змѣи спали съ рукъ моихъ, и съ ногъ,
И будто обаяніемъ какимъ, изъ бездны,
Куда-то понеслись мы, и предъ нами
Страна раскрылась — ей конца не видно —
Съ полуночи вся льдомъ обложена,
Съ востока бурными волнами моря,
Отъ запада горами до небесъ,
Отъ юга знойными, сыпучими песками.
И въ той землѣ кипятъ народу тмы,
И степи, и лѣса, и горы, все такъ дивно,
А рѣки — нѣтъ! не рѣки, а моря —
По три Волги въ нихъ уляжется, и мѣсто
Еще останется на Донъ и на Яикъ...
И вдругъ, когда я жадными очами,
Впивался въ ту безвѣстную страну —
Исчезло все — проснулся я — холодный потъ
Течетъ по тѣлу: надо мной горѣли звѣзды неба...
И долго думалъ я о странномъ томъ видѣньи,
Хранилъ его въ душѣ, не постигая, но теперь,
Теперь его я понялъ — вотъ онъ — *старецъ*,
И вотъ она — та *хартія*.... И какъ легко,
И какъ отрадно.... Други, братья,
Вы, Волги матушки удалые сыны,
Вы, прежніе разбойники и тати —
Теперь — дружина православнаго Царя!
Мнѣ спрашивать-ли васъ?

КОЛЬЦО.

Нѣтъ! нѣтъ! Съ тобой,
Туда — въ Сибирь!

КУЗЬМА.

А кто посмѣетъ отказаться —
Въ кулекъ, да въ Волгу бухъ!

ВСѢ.

Въ Сибирь! Въ Сибирь!

СТРОГАНОВЪ.

Сойди-же, благодать Господня, на ихъ главы!
Ермакъ! сюда! — какъ брата, друга,
Я обниму тебя!

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! твоихъ объятій
Я недостоинъ — Государь опалу снялъ,
Но я не заслужилъ еще прощенья,
Его еще не искупилъ я кровью и побѣдой.
Григорій Аникѣичъ! напиши Царю надежѣ Государю,
Что милости его, какъ благодать Господня,
Какъ съ небеси роса, намъ души оживили!
Скажи, что мы идемъ на подвигъ — го́ловы положимъ,
Иль подаримъ его Сибирскимъ-царствомъ!

Все, что́ здѣсь собрано, богатство, злато,
Возьми, раздай въ монастыри и нищимъ!
Прочь, платья цвѣтныя — сѣрмяги, власяницы
Надѣнемъ мы — ты дай намъ зелья, пушекъ,
Пищалей, дротиковъ, кольчугъ и шлемовъ,
Не пожалѣй ты злата на желѣзо!
Кляпусь не прикасаться къ чашѣ пировой,
Ни къ ѣству роскошному, къ злату и къ сребру,
На прелесть женскую не обращать очей,
И суетною рѣчью не осквернить уста,
Пока въ Сибири мы не воспоемъ соборомъ:
«Кто есть Богъ великій, яко Богъ нашъ, даровавый
Побѣду православному Царю надъ сопостаты!»

На колѣни! Поднимайте руку и клянитесь

Обѣтъ исполнить! Да, постигнетъ казнь того,
Кто нашъ святой обѣтъ нарушитъ!

ВСѢ (*на колѣняхъ*).

Мы клянемся!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАЗАЦКІЙ ТАБОРЪ.

Крестьянская изба. Налѣво окно, направо дверь въ другую комнату, и главная дверь прямо.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТАРАСЬЕВНА (*сидитъ и прядетъ*).

Вотъ оно житье-то человѣческое, какъ куделя — щиплется, щиплется по маленьку, да въ нитку свивается! Денекъ за денькомъ, годикъ за годикомъ уходятъ, да уходятъ — посмотришь, анъ кудели-то и нѣтъ! Охо, хо, хо!

Была и Тарасьевна въ почетѣ, бывало, и за Тарасьевной ухаживаютъ добры молодцы, и подружки завидуютъ. А потомъ

разлетѣлись мои красные денечки, словно ласточки, разбѣжались добры молодцы, какъ воробьи съ гумна.... И теперь ужь не постучится никто въ косящетое окошечко, не скажетъ: «Тарасьевна! Ась Тарасьевна!»

ЯВЛЕНІЕ II.

ТАРАСЬЕВНА И ПАНТЕЛЕЙ.

ПАНТЕЛЕЙ (*стучитъ въ окно*).

Тарасьевна! Ась Тарасьевна!

ТАРАСЬЕВНА.

Ахти! Кто тамъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, я Пантелей.

ТАРАСЬЕВНА.

Ты, Пантелей Кудимовичъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Вѣстимо!

ТАРАСЬЕВНА.

Войди, пожалуй!

ПАНТЕЛЕЙ.

Видишь, Тарасьевна, боюсь!

ТАРАСЬЕВНА.

Чего тебѣ, этакому ясному соколу, бояться!

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, одна-ли ты?

ТАРАСЬЕВНА.

Видишь, что одна.

ПАНТЕЛЕЙ.

Надобно ужъ такъ, чтобы ты непремѣнно была одна — ви-

дишь: у меня есть съ тобой тайность поговорить, и самую, самую задушевную думу раздумать!

ТАРАСЬЕВНА (*въ сторону*).

Ахти, мои батюшки! Да, что это онъ затѣялъ? Ужъ-ли.... (*громко*) Войди, войди, Пантелей Кудимовичъ! (*Пантелей отходитъ отъ окна*) Я и то замѣтку брала, что онъ чтой-то такъ поглядываетъ.... То, вотъ этакъ бородой пошевелитъ, то вотъ этакъ: *хмъ*, сдѣлаетъ! Охъ! ты старый!... И то сказать, что онъ за старый? Еще мужикъ матёрой, а ужь какъ богатъ! Тарасьевна! этакого молодца, хоть-бы кому такъ....

ПАНТЕЛЕЙ.

Здорово, Тарасьевна!

ТАРАСЬЕВНА.

Здравствуй, кормилецъ! Добро-пожаловать! Чѣмъ гостя подчивать?

ПАНТЕЛЕЙ.

Ласковымъ словомъ! Хе, хе, хе!

ТАРАСЬЕВНА (*въ-сторону*).

Эвося куда онъ подбирается! (*Громко*) Какъ-же тебѣ, доброму молодцу, отказать?

ПАНТЕЛЕЙ.

Вѣстимо: какъ доброму молодцу отказать. Да, надобно, чтобы твое согласіе было.

ТАРАСЬЕВНА (*жеманится*).

Ахъ! что ужь тутъ мое согласіе...

ПАНТЕЛЕЙ.

Вотъ, сядь-ка ты, Тарасьевна, а я подлѣ тебя!

(*Сажаетъ ее на скамью, и садится подлѣ нея*).

ТАРАСЬЕВНА (*въ-сторону*).

А что, вѣдь, право слово, парочка!

ПАНТЕЛЕЙ.

Видишь, Тарасьевна....

ТАРАСЬЕВНА.

Нѣтъ, кормилецъ, ничего не вижу!

ПАНТЕЛЕЙ.

Вотъ ты — Тарасьевна, а я — Пантелей!

ТАРАСЬЕВНА.

Ну, вѣстимо!

ПАНТЕЛЕЙ.

Вотъ у тебя есть....

ТАРАСЬЕВНА.

Мало-ли что у меня есть!

ПАНТЕЛЕЙ.

Дочь не дочь, а почти дочь!

ТАРАСЬЕВНА.

Какая дочь?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, вотъ, Маша!

ТАРАСЬЕВНА *(обидясь)*.

А тебѣ что?

ПАНТЕЛЕЙ.

Хмъ! Славная дѣвка!

ТАРАСЬЕВНА *(вскакивая)*.

Ахъ! ты старый! Да, неужли ты....

ПАНТЕЛЕЙ.

Вотъ-то и есть....

ТАРАСЬЕВНА *(разсердясь)*.

Да, куда тебѣ? Да, я тебя! Да, и не подумаю, да и не говори! Тебѣ, старому хрѣну этакому.... Да, кто за тебя пойдетъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, ты о чемъ говоришь? Вѣдь я объ Машѣ твоей говорю!

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ тебѣ развѣ Машутка моя пара?

ПАНТЕЛЕЙ.

Какъ: пара?

ТАРАСЬЕВНА.

Вѣдь ты сватаешься за нее?

ПАНТЕЛЕЙ.

Что?... Какъ? — Чего сватаюсь! Что ты!

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ что́ жь ты толкуешь битый часъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Толкуешь битый часъ! Видишь вотъ — толкуешь битый часъ! Вотъ къ тебѣ повадился, говорятъ, молодецъ ходить, какой-то Андрей.... Да, Андрей!

ТАРАСЬЕВНА.

Будто ты не знаешь?

ПАНТЕЛЕЙ.

А знаешь ли ты, кто этотъ Андрей?

ТАРАСЬЕВНА.

Вѣстимо знаю: Астраханекій купчина, богачъ! Побогаче тебя!

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, побогаче тебя! Ажно онъ не купецъ, и ничемъ не торгуетъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Вотъ вздумалъ! А откуда-жъ онъ такаго узорочья, да богачества беретъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Откуда беретъ? Да, на большой дорогѣ находитъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Охъ! ты....

ПАНТЕЛЕЙ.

Что: охъ, ты? Я тебѣ говорю — просто, онъ разбойникъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Самъ ты разбойникъ этакой!

ПАНТЕЛЕЙ.

Вотъ ужъ ты, Тарасьевна, и врешь! Когда я разбойничалъ? И какъ же я стану разбойничать, когда я староста?

ТАРАСЬЕВНА.

Да, съ чего ты вздумалъ этакого молодца разбойникомъ называть? Обходится онъ такъ чувствительно, и даритъ такъ щедро, а удалецъ какой! Я того и смѣкаю, что онъ за Машу посватается....

ПАНТЕЛЕЙ.

Нѣтъ, ужь ты не отдавай!... Вишь, онъ разбойникъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Да, что ты затямилъ одно — разбойникъ, да разбойникъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

Вѣдь не я говорю!

ТАРАСЬЕВНА.

А кто же?

ПАНТЕЛЕЙ.

Говоритъ Невзгода Обдиралко, подьячій, сыщикъ Астраханскій.

ТАРАСЬЕВНА.

Ахти! мои батюшки! Невзгода Обдиралко! Развѣ онъ здѣсь?

ПАНТЕЛЕЙ.

Здѣсь.

ТАРАСЬЕВНА.

Ахти, родные мои! Пропала я, голова моя запобѣдная! Попадусь я въ руки Невзгодѣ, да обдеретъ онъ меня, окаянный!

ПАНТЕЛЕЙ.

Мало, что обдеретъ — въ тюрьмѣ насидишься!

ТАРАСЬЕВНА.

Охо, хо, хо! Пантелей Кудимовичъ! не выдай! Охо, хо, хо!

ПАНТЕЛЕЙ (*хнычетъ*).

Да, мнѣ ужь и самому тебя жалко, да что́ я сдѣлаю-то?

ТАРАСЬЕВНА.

Ты скажи, что этотъ разбойникъ у меня никогда не бывалъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, ужь онъ и безъ меня знаетъ, что бывалъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ вѣдь онъ и у тебя бывалъ, и вся деревня его видѣла— онъ и въ хороводахъ у насъ бывалъ....

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, ужь мы всѣ сказали, что его не знаемъ и не видали, и Обдиралко утвердилъ.

ТАРАСЬЕВНА.

Какъ-же утвердилъ? Да, какъ-же вы это сдѣлали?

ПАНТЕЛЕЙ.

Вѣстимо, какъ дѣлаютъ, что сыщикъ ничего не видитъ! (*Тихо*) По три алтына съ дыма собрали, а я еще прибавилъ семь

алтынъ — ты, говоритъ, староста на то! А до тебя онъ крѣпко добирается....

ТАРАСЬЕВНА.

А что́ ему надо?

ПАНТЕЛЕЙ.

Какая, говоритъ — эта Маша?

ТАРАСЬЕВНА.

Ты сказалъ-бы, что сиротка, пріемышъ. Будто ты не знаешь, что вотъ ужъ скоро объ Юрьевѣ пятнадцать лѣтъ минетъ, какъ еще живъ былъ мой покойникъ, и Гришутка мой живъ былъ, прибрела къ намъ какая-то горемычная.... Видно, не простаго рода, такая красавица, а ужь такая больная, да худая, да и дочьку привела, малютку, да все плакала, да у насъ и скончалась. А мы померекали съ покойникомъ, да и взяли себѣ дѣвочку. Вотъ она и выросла, и вотъ Богъ прибралъ моего покойника, и Гришутку — она теперь мнѣ вся утѣха!

ПАНТЕЛЕЙ.

Оно такъ, да, ка́къ, говоритъ, она этого разбойника принимала?

ТАРАСЬЕВНА.

Да, я его теперь и на полдвора не пущу! Да, и Машуткѣ закажу — да, и.... Маша! Маша!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и МАРІЯ.

ТАРАСЬЕВНА.

Какъ безъ меня придетъ тотъ сорванецъ, Андрей, купчина, ты запрись и не пускай, и Ванькѣ батраку вели его дубьемъ съ двора гнать! Слышишь? А? Слышишь?

МАРІЯ.

Вотъ? Да, за что́ ты на него вдругъ осерчала?

ТАРАСЬЕВНА.

Осерчала! Какъ по затылку стукнутъ, такъ по-неволѣ осерчаешь! Я ужь тебѣ говорю....

МАРІЯ.

Ахъ! родная! Да за что? Онъ такой добрый!

ТАРАСЬЕВНА.

Добрый! Хорошъ добрый! Вѣдь онъ разбойникъ!

МАРІЯ.

Съ чего ты взяла!

ТАРАСЬЕВНА.

Не я взяла, а ужь такъ, что онъ разбойникъ — вотъ и Невзгода Обдиралко, сыщикъ, пріѣхалъ, и его схватятъ, да и на висѣлицу вздернутъ!

МАРІЯ (*смѣется*).

Такъ онъ и дастся твоему Невзгодѣ Обдиралкѣ!

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ ты еще и заступаешься за него? Я тебѣ говорю, какъ придетъ — гони его, гони, толкай, бей!

МАРІЯ.

Сама ты попробуй прогнать его!

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ ты моей волѣ противиться? Когда я тебѣ говорю? Когда я тебѣ приказываю? Хорошо, хорошо! Пошла вонъ, пошла, говорятъ — я тебя запру, запечатаю! Ты за Андрюшку разбойника заступаться?

МАРІЯ.

Помилуй, родная, выслушай....

ТАРАСЬЕВНА (*толкаетъ ее въ дверь направо*).

Пошла, пошла!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПАНТЕЛЕЙ И ТАРАСЬЕВНА.

ТАРАСЬЕВНА.

Видишь, Пантелей Кудимовичъ — прогнала!

ПАНТЕЛЕЙ.

Оно такъ — прогнала, да видишь, говоритъ, зачѣмъ, говоритъ, прежде принимала, говоритъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Ты ужъ заступись за меня!

ПАНТЕЛЕЙ.

Оно такъ, да, говоритъ — какъ-бишь онъ говоритъ?... Голословныхъ оправданій, говоритъ, не приму!

ТАРАСЬЕВНА.

А какія же онъ оправданія принимаетъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, всякія—и мѣдныя, и серебряныя, и такъ, что попадется.... У Гришки горшечекъ масла взялъ, а у Сидорки курочку съ пѣтушкомъ.

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ, знаешь, Пантелей Кудимовичъ, пойдемъ-ка мы къ нему, да оправдаемся! Подожди, голубчикъ, я тотчасъ одѣнусь... Ну, и какое-нибудь оправданіе съ собой захвачу! (*Бѣжитъ направо.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ПАНТЕЛЕЙ (*одинъ*).

Конечно, оправдаться, какъ не оправдаться, да, какъ оправдаться, коли оправдаться? У сыщика пѣтухомъ съ курицей оправ-

дается, а у дьяка меньше коровы и не говори — а у воеводы.... Вонъ тогда Егорка-то поѣхалъ на парѣ воловъ, а пришелъ пѣшій — онъ и оправдался, да пары воловъ-то не было....

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПАНТЕЛЕЙ И ТАРАСЬЕВНА.

ТАРАСЬЕВНА (*съ узломъ*).

Ну, вотъ и я — пойдемъ къ Невзгодѣ Обдиралкѣ!

ПАНТЕЛЕЙ.

А это у тебя что?

ТАРАСЬЕВНА.

Вѣстимо, что́ — оправданіе!

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, ты смотри....

ТАРАСЬЕВНА.

Ужь пойдемъ, пойдемъ!... А красавицу-то я запру, такъ оно повѣрнѣе!... (*Замыкаетъ дверь направо*). Пойдемъ, Пантелей Кудимычъ! Ужли то ужь... Да, милостивъ Богъ, да что такое....

(*Уходятъ*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

АНДРЕЙ (*подъ окномъ*).

«Растоскуйся ты, моя сударушка, разгорюйся!» Маша, Маша! Гдѣ ты? Маша! Отвори дверь!

ГОЛОСЪ МАРІИ.

Я заперта!

АНДРЕЙ.

Кто жь тебя заперъ?

ГОЛОСЪ МАРІИ.

Тарасьевна.

АНДРЕЙ.

Удержатъ ли добра молодца затворы! (*Вскакиваетъ въ окно*). А ключъ гдѣ?

ГОЛОСЪ МАРІИ.

Видно, она унесла.

АНДРЕЙ.

У насъ и безъ замка дверь отворится!

(*Вышибаетъ дверь*).

МАРІЯ (*бросается къ нему*).

Андрей!

АНДРЕЙ.

Что это значитъ? Куда побрела твоя старуха съ этимъ дуракомъ старостой?

МАРІЯ.

Они пошли къ Невзгодѣ Обдиралкѣ, сыщику.

АНДРЕЙ.

Развѣ онъ здѣсь?

МАРІЯ.

Здѣсь.

АНДРЕЙ.

Зачѣмъ его чортъ принесъ, мошенника?

МАРІЯ.

Ахъ! Андрей! Онъ пришелъ тебя обыскивать!

АНДРЕЙ.

Ужь не поймать ли онъ меня думаетъ, крыса астраханская?

МАРІЯ.

Знаешь ли, что онъ говоритъ?

АНДРЕЙ.

А что?

МАРІЯ.

Будто ты... разбойникъ!

АНДРЕЙ.

Маша, душа моя! а если бы въ самомъ дѣлѣ такъ было?

МАРІЯ.

Такъ мнѣ-то что за дѣло? Полюбила я тебя, а развѣ спрашивала, кто ты?

АНДРЕЙ.

Такъ узнай же, Маша, что не купчина я Астраханскій, не Астрахань моя родина, не аршиномъ я товары мѣряю, не по ярмаркамъ покупаю ихъ — удалой я сынъ Волги-матушки; товары беру не торгуюсь, и ты, Маша — ты жена разбойника!

МАРІЯ.

Андрей!

АНДРЕЙ.

Да, не бойся, моя красавица — теперь ужь мы не разбойники, а вѣрные слуги Государевы. Слыхала-ли ты объ Ермакѣ Тимоѳеичѣ?

МАРІЯ.

Кто-же не знаетъ Ермака Тимоѳеича!

АНДРЕЙ.

Я одинъ изъ удальцовъ его! Долго жили мы нечестною славою, а теперь Царь Государь насъ помиловалъ, и по его произволенію идемъ мы воевать, сразиться за вѣру православную, за Русь матушку...

МАРІЯ.

Идете? Куда-же вы идете?

АНДРЕЙ.

Далеко, моя разлапушка, куда прежде и воронъ русской кости не занашивалъ, и русскаго духа слыхомъ не слыхано, лицомъ не

видано! Слыхала-ли ты о царствѣ Сибирскомъ — тамъ за Каменнымъ поясомъ?

МАРІЯ.

Да, откуда соболей привозятъ?

АНДРЕЙ.

Вотъ въ это-то соболиное царство мы идемъ — взять его за Царя!

МАРІЯ.

Андрей! и я съ тобой!

АНДРЕЙ.

Нельзя! Куда тебѣ перенести походъ, и гдѣ тебѣ... Да, мы обѣтъ положили: женщинамъ въ нашемъ таборѣ не быть!

МАРІЯ.

Ты оставишь меня — забудешь меня, разлюбишь меня!

АНДРЕЙ.

Оставлю, а не забуду и не разлюблю! Ворочусь сюда, и привезу тебѣ такихъ соболей, такого жемчугу....

МАРІЯ.

А если тебя убьютъ, Андрей!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АНДРЕЙ И МАРІЯ (*въ-сторонѣ*), ТАРАСЬЕВНА, ПАНТЕЛЕЙ И ОБДИРАЛКО.

ТАРАСЬЕВНА.

Пожалуста, родимый, не погнѣвайся!

ОБДИРАЛКО.

Ну, ну! Если у тебя медъ и брага также хороши, такъ ужъ посмотримъ — авось пособить будетъ можно...

ТАРАСЬЕВНА

Что́ нашъ мужицкій медъ! Вы люди чиновные, набольшіе — чай у васъ и собакъ-то медомъ поятъ!

ОБДИРАЛКО.

Ну, ну! А ужь ты, Тарасьевна, смотри: придетъ этотъ разбойникъ...

ТАРАСЬЕВНА.

А ужь онъ точно разбойникъ?

ОБДИРАЛКО.

Еще-бы! Онъ изъ шайки Ермака — я ужь все развѣдалъ! На то́ я сыщикъ! Всю эту шайку на Ахтубѣ разбили, разгромили, а остальные разбѣжались, да недолго набѣгаются! Я ихъ доѣду!

ТАРАСЬЕВНА.

А развѣ ты, родимый?

ОБДИРАЛКО.

Я, я, разумѣется, я! Я пошелъ и нашелъ и побилъ, и разогналъ! Гдѣ Обдиралко, тамъ эти разбойники вотъ какъ дрожатъ! Да, хоть сотня ихъ будь, закричу: «Сдавайся»! и...

АНДРЕЙ (*бьетъ его по плечу*).

Здорово, Обдиралко! Какъ поживаешь?

ОБДИРАЛКО (*испугавшись*).

Ай! ай!

АНДРЕЙ.

Тарасьевна! здравствуй!

ТАРАСЬЕВНА (*въ-недоумѣніи*).

Кормилецъ... Пантелей...

АНДРЕЙ.

И ты здѣсь, Пантелей Кудимовичъ?

ПАНТЕЛЕЙ (*робѣя*).

Да, здѣсь, коли твоей милости угодно....

АНДРЕЙ.

Такъ ты, Обдиралко, припугнулъ Ермака? Такъ ты и до меня добираешься? А?

ОБДИРАЛКО.

Батюшка... я... я...

АНДРЕЙ.

Такъ я разбойникъ?

ОБДИРАЛКО.

Кто это говоритъ! Да, развѣ есть разбойники? Да, гдѣ разбойники?

АНДРЕЙ.

Пожалуй, вотъ и меня, честнаго купчину, разбойникомъ называютъ!

ОБДИРАЛКО.

Сами они разбойники, тѣ, кто называетъ!

АНДРЕЙ.

Мошенники они! Обдиралы! Не правда-ли?

ОБДИРАЛКО.

Наушники!

АНДРЕЙ.

Трусы! ха! ха! ха!

ОБДИРАЛКО.

Трусы! ха! ха! ха!

АНДРЕЙ.

То-то-же! Ну, и я такъ положилъ, что если кто осмѣлится обо мнѣ худую рѣчь молвить и Тарасьевну попрекнуть — я того, вотъ этакъ въ бараній рогъ согну, перегну, разогну — понимаешь! (*Онъ наступаетъ на Обдиралку и Пантелея, и они пятятся въ страхъ*).

ОБДИРАЛКО.

Помилуй! помилуй!

АНДРЕЙ.

Съ сотней удальцовъ явлюсь — деревню запалю, а если ты, Обдиралко, попадешься, такъ я тебя, за твою козью бороду, на осинѣ повѣшу! Слышишь? А теперь убирайся вонъ, и изъ деревни уѣзжай, чтобы духу твоего не было — я хочу гулять у моей невѣсты! Пантелей! собери хороводъ, а я здѣсь тебя дождусь; награжу всю деревню серебромъ, золотомъ — выкати бочку пива, бочку меду — живо! Пойдемъ, Тарасьевна, пойдемъ, Маша!

ТАРАСЬЕВНА.

Какъ-же, кормилецъ...

АНДРЕЙ.

Такъ-же! *(Беретъ подъ руки Тарасьевну и Машу)* Пойдемъ — мнѣ надо съ тобой поговорить! «Веселая голова! не ходи мимо сада»! *(Уходитъ въ дверь направо).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПАНТЕЛЕЙ И ОБДИРАЛКО.

ОБДИРАЛКО.

Пантелей Кудимовичъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Ась, чего изволишь?

ОБДИРАЛКО.

Вѣдь это онъ самъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Кажись, самъ.

ОБДИРАЛКО *(озираясь)*.

Раз.. бой..никъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

А ужь, право, не знаю!

ОБДИРАЛКО *(тихо)*.

Каковъ пройдоха! Да, я его — знаешь, я его — ай!.. Одинъ пришелъ, да хочетъ застращать... Знаешь что?.. Ай! ай!

ПАНТЕЛЕЙ.

Не знаю, кормилецъ!

ОБДИРАЛКО *(скоро)*.

Онъ одинъ — побѣжимъ, собьемъ народъ, приведемъ сюда, схватимъ, свяжемъ...

ПАНТЕЛЕЙ.

То-то, каково будетъ!

ОБДИРАЛКО.

Каково будетъ! Что́ онъ, со всей-то деревней справится что-ли!

ПАНТЕЛЕЙ.

А какъ онъ пуститъ такого волка въ нашу деревню!

ОБДИРАЛКО.

А ка́къ я пущу тебѣ такого волчка въ бороду...

ПАНТЕЛЕЙ.

Охъ!

ОБДИРАЛКО.

Пойдемъ, пойдемъ! Вѣдь я съ вами буду! Да, я его... Погоди ты, разбойникъ — я тебя, да я тебя скручу, да я... Пойдемъ, пойдемъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

АНДРЕЙ, ТАРАСЬЕВНА, МАША.

ТАРАСЬЕВНА.

Ахти, мои батюшки! Вотъ ужь этакихъ чудесъ я не ждала! Такъ ты, Маша, жена Андрея Кузьмича? Да, когда-жь это?

АНДРЕЙ.

А помнишь, какъ о Петровкахъ ты въ Разгуляево на три дня ѣздила — я подъѣхалъ въ лодкѣ, взялъ Машу, обвѣнчался и назадъ привезъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Да, какъ-же я-то, старая дура, ничего не видала?

АНДРЕЙ.

Развѣ я не любъ тебѣ зять?

ТАРАСЬЕВНА.

Что́ и говорить!

АНДРЕЙ.

А у Маши и спрашивать нечего. А за то́ ужъ я обошью васъ обѣихъ въ парчу и бархатъ, въ пухъ лебяжій....

Много за душу свою, одинокую,
Много нарядовъ куплю —
Я-ль виноватъ, что тебя, черноокую,
Больше, чѣмъ душу люблю!

ТАРАСЬЕВНА.

Но какъ-же ты ѣдешь, а Обдиралко.... вѣдь ты, видишь — не купчина — самъ говорить изволишь!

АНДРЕЙ.

Посмѣетъ Обдиралко твой.... Да, вамъ не оставаться здѣсь. Сегодня-же пришлю за вами лодку, и отправлю васъ въ Астрахань.... Живи, дожидайся меня, Маша, а я ворочусь скоро — долго-ли Сибирь завоевать! Да, смотри, уговоръ: не плакать, не сокрушаться, не губить своей красоты!

МАРІЯ.

Да, увидимся-ли мы еще до вашего похода?

АНДРЕЙ.

Не знаю, моя разлапушка — если можно будетъ, прискачу на минутку... Далеко-ли отсюда до Царицына перевоза...

МАРІЯ.

А вы тамъ собираетесь?

АНДРЕЙ.

Да, и я туда спѣшу — прощай!

МАРІЯ.

Андрей!

АНДРЕЙ.

А уговоръ-то?

МАРІЯ.

Помню, помню!

АНДРЕЙ.

Охъ! Маша! Охъ! какъ я люблю тебя... Ну, ну! не заплакать-бы самому.... О чемъ плакать.... Маша!

ТАРАСЬЕВНА.

Ахти! мои батюшки свѣты! ужь диковинки!

АНДРЕЙ.

Прощай, не ходи провожать меня, а ты, Тарасьевна, пойдемъ со мной до пристани — я тебѣ все разскажу, и накажу, какъ Машу мою лѣлѣять и беречь, и куда граматки пересылать.... Пойдемъ!

(*Уходитъ поспѣшно*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

МАРІЯ (*одна*)

Такъ онъ могъ подумать, что я пережила-бы съ нимъ разлуку, когда не рѣшилась-бы не разлучаться съ нимъ?

Онъ могъ подумать, что я отпущу его въ походъ и могу не умереть? Андрей! не такъ ты любишь меня, какъ я тебя люблю!

Съ тобой, съ тобой! На край свѣта съ тобой! Господи благослови! Женѣ удалаго казака долго-ли сбираться! Переодѣнусь въ то платье, которое онъ тогда оставилъ здѣсь, уйду изъ деревни, найму подводу, и запишусь въ дружину Ермакову... Прощай, Волга-матушка! Разлюбить не могу, разлучиться не умѣю — пережить разлуку — гдѣ силы взять?

(*Уходитъ направо*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ПАНТЕЛЕЙ И ОБДИРАЛКО (*у окна*).

ОБДИРАЛКО.

Ты посмотри....

ПАНТЕЛЕЙ.

Нѣтъ! ужь ты, родимый, посмотри!

ОБДИРАЛКО.

Твое дѣло — ты староста!

ПАНТЕЛЕЙ.

Ты сыщикъ, а то́, какъ онъ шарахнетъ — вишь какой сорванецъ!

ОБДИРАЛКО (*глядитъ въ окно*).

Ну, его нѣтъ! Ступай!

(*Они у дверей*).

ПАНТЕЛЕЙ.

Тебѣ первому!

ОБДИРАЛКО.

Нѣтъ! тебѣ!

ПАНТЕЛЕЙ.

Могу-ли отнять почетъ!

ОБДИРАЛКО.

Ступай, ступай!

(*Вталкиваетъ его*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ПАНТЕЛЕЙ, ОБДИРАЛКО, КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНКИ (*всѣ вооружены вилами, граблями, дубьемъ, ухватами. У Обдиралки длинное ружье*).

ОБДИРАЛКО.

Ну, теперь входи всѣ! Становись въ строй — обходи кругóмъ! Ладно! Староста Пантелей! Сколько народу всего на все собрано?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, почитай человѣкъ десятковъ пять!

ОБДИРАЛКО.

Поставлена ли стража вокругъ двора?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, ты самъ ставилъ!

ОБДИРАЛКО.

Да, вѣдь тебѣ главное начальство отдано!

ПАНТЕЛЕЙ.

Нѣтъ, родимый, ужь уволь!

ОБДИРАЛКО.

Воевода тебя за вѣрную службу пожалуетъ, а ты всѣхъ вознаградишь... раздашь — по алтыну на брата! Нѣтъ! ты лучше эти деньги отсчитаешь мнѣ, а я самъ раздамъ.

ПАНТЕЛЕЙ.

Охъ!

ОБДИРАЛКО.

А тройка съ телегой готова?

ПАНТЕЛЕЙ.

Самолучшая — у воротъ стоитъ, съ моимъ батракомъ Иваномъ.

ОБДИРАЛКО.

Вотъ, мы этого разбойника схватимъ, оттузимъ, свяжемъ, въ телегу, да и въ Астрахань!

ПАНТЕЛЕЙ.

А тройку-то ты воротишь мнѣ?

ОБДИРАЛКО.

Тамъ ужь, какъ судъ разсудитъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

Охъ!

ОБДИРАЛКО.

Ты все охаешь — трусъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

Тебѣ воевать дѣло привычное....

ОБДИРАЛКО.

Вотъ увидишь мою храбрость.... Ай! (*Всѣ пугаются.*) Чего вы робѣете, трусы! Стой, равняйся! Эхъ! забыли для подкрѣп-

ленія храбрости — выпить бы.... Ну, и такъ ладно — справимся! Слушай, дружина молодецкая! Вотъ тутъ сидитъ воръ, разбойникъ — ну! — Намъ надо его изловить — ну! — За то вамъ всѣмъ староста Пантелей дастъ — по алтыну! Ну! Смотри же, не робѣть, разомъ—убьетъ онъ двухъ, трехъ....

ПАНТЕЛЕЙ.

Охти!

ОБДИРАЛКО.

Вѣчная слава тѣмъ, а я.... я.... подамъ вамъ примѣръ — пойду за вами! Ставь сюда, у дверей, двухъ — сюда двухъ — къ окну двухъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

А на что же, родимый?

ОБДИРАЛКО.

Не выпускать его, какъ побѣжитъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

А мнѣ кажись — если онъ побѣжитъ, такъ лучше всего пропустить его — сгинь онъ, окаянный!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и МАША (*переодѣтая, съ саблей и пистолетами*).

МАРІЯ (*отворяя немного дверь*).

Что́ это они собрались? Ахъ! бѣда! Обдиралко!

(*Опять запираетъ дверь*).

ОБДИРАЛКО.

У! у! у! Староста! Мнѣ показалось, будто дверь-то отворялась!

ПАНТЕЛЕЙ.

Охъ!

ОБДИРАЛКО.

Что́ медлить.! Разомъ — Ну, ребята, ну, ну, ну! Что жь вы стали?

ПАНТЕЛЕЙ.

Не пустить ли намъ бабъ-то впередъ? Они его на ухваты примутъ, а мы и наляжемъ!

ОБДИРАЛКО.

Дѣло! Бабы впередъ!

(*Маша отворяетъ дверь и вдругъ запираетъ. Всѣ кричатъ*).

МАРІЯ.

О! да эта дружина не опасна! (*Вдругъ выбѣгаетъ*) Прочь! Что́ вамъ надо?

(*Всѣ бѣгутъ и прячутся*).

ОБДИРАЛКО.

Бери его! Держи его!

МАРІЯ.

Прочь! (*Она стрѣляетъ изъ пистолета. Всѣ падаютъ. Она убѣгаетъ въ двери. Слышенъ голосъ ея:* «По всѣмъ по тремъ, коренной не тронь!» *Колокольчикъ звенитъ*).

ОБДИРАЛКО (*лежитъ*).

Ой! подстрѣлилъ!

ПАНТЕЛЕЙ (*лежитъ*).

Охъ! зарѣзалъ!

ОБДИРАЛКО.

Пантелей Кудимовичъ! ты живъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, ужь не знаю, родимый!

ОБДИРАЛКО.

Да, что-жь ты лежишь, словно семга! Я умираю — четыре пули, вотъ тутъ, тутъ, тутъ! ой, ой, ой! Помогите!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ-же и ИВАНЪ.

ИВАНЪ.

Староста! разбойникъ-атъ убѣжалъ!

ВСѢ (*вскакиваютъ*).

Убѣжалъ!

ИВАНЪ.

Выскочилъ, да и къ тройкѣ.... А я говорю.... не твоя!... А онъ говоритъ — прочь!

ОБДИРАЛКО.

А ты-бы его за воротъ, да ко мнѣ! Этакой трусъ!

ИВАНЪ.

А онъ вскочилъ въ телегу, ударилъ по лошадямъ — такъ только пыль взвилась!

ПАНТЕЛЕЙ.

Охти! такъ моя тройка...

ИВАНЪ.

Да, чего тебѣ тройка! Ужь и слѣдъ простылъ!

ОБДИРАЛКО.

Такъ бѣгите-же, ловите! Кричи: «Караулъ! караулъ! Лови! лови!»

ВСѢ (*бѣгутъ вонъ*).

Караулъ! Лови, лови!

(*Обдиралко и Пантелей глядятъ другъ на друга*).

ОБДИРАЛКО.

Ну, что?

ПАНТЕЛЕЙ.

А што?

ОБДИРАЛКО.

А расплатиться-то?

ПАНТЕЛЕЙ.

Э! убирайся ты! (*Уходитъ.*)

ОБДИРАЛКО.

Нѣтъ, дружище! раздѣлайся!

(*Цѣпляется за его карманъ, и спѣшитъ за нимъ*).

—

Берегъ Волги. Суда на рѣкѣ. Народъ работаетъ, нагружаетъ ихъ; другіе убираютъ паруса.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

МЕЩЕРЯКЪ (*одинъ*).

Да! Вотъ ты только сдумаешь, сгадаешь,
Придетъ, вотъ словно бѣсъ нечистый,
И подъ ноги тебѣ колоду броситъ,
И ты кувыркнешься, и все, что́ ты придумалъ,
Все, что́ ты пригадалъ — чортъ съ хрѣномъ съѣстъ!
Когда въ дружинахъ Царскихъ были мы въ Инфлянтахъ,
Ужь, кажется, придумалъ я хитро́.
Еще-бы день, и войско Іоанна
Попалось въ лапы Сигизмунда,

Анъ вотъ-нѣтъ!... Чортъ знаетъ какъ,
Все разузнали, плохо приходилось мнѣ,
И я шмыгнулъ на Волгу, и умомъ, и такъ-и-сякъ,
Уладилъ все, и — вотъ нелегкая приноситъ
Григорья Аникѣича... Да, нѣтъ ужь, погоди!
Медвѣдя этого сумѣемъ мы скрутить —
Змѣей я обовьюсь, и чорной кошкой
Черезъ дорогу перепрыгну, и какъ филинъ вѣщій,
Накличу на него бѣду! Пускай воюетъ,
А мы плоды побѣды соберемъ!
Теперь надѣнемъ харю, вотъ, какъ я видалъ,
Въ Инфлянтахъ Нѣмцы хари надѣваютъ,
О святкахъ, да о масляной.... (*Завидя Строганова*) А! вотъ онъ!
Прикинемся смиреннымъ.... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

СТРОГАНОВЪ (*входитъ*).

СТРОГАНОВЪ.

О, какъ благолѣпенъ,
Какъ былъ великъ онъ, и какъ взоръ его блисталъ,
Когда онъ съ рѣчью обратился, и дружина,
Безмолвствуя, ему внимая, преклонила
Колѣна передъ алтаремъ Господнимъ,
И Бога битвъ благословенія проспла!
То не былъ кликъ толпы безумной,
То не былъ вопль неистовыхъ дружинъ,
На бой стремящихся, какъ въ буйный пиръ!
То было твердое сознанье воли,
Повелѣвающей судьбою битвъ.... Старикъ!
Благодари Творца! Ты угадалъ,
Ты подарилъ Россіи Ермака!
Ты въ буйномъ атаманѣ пропикалъ
Вождя дружинъ, совѣтовъ мужа, полководца,
Способнаго пронесть орловъ Россіи
За дальній край сибирскихъ рубежей....

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

СТРОГАНОВЪ, ЕРМАКЪ, АНДРЕЙ.

СТРОГАНОВЪ.

Ермакъ!

ЕРМАКЪ.

Не говори, Григорій Аникѣичъ!
Дай мнѣ еще тѣмъ чувствомъ усладиться,
Которымъ вся исполнилась душа!
Преступникъ окаянный! десять лѣтъ
Я не входилъ во храмъ Господень,
Я не слыхалъ божественныхъ молитвъ.
Какъ Каинъ — я отъ алтаря Господня убѣгалъ;
Звонъ колокола, вѣщій гласъ спасенья,
Казалось, мнѣ грозилъ проклятьемъ....
И все мнѣ возвратилось — миръ души,
Молитвы сладость, слезы, миръ Господень!
Со мной моя дружина — скопище злодѣевъ,
Преображенная въ дружину православныхъ,
И крѣпкихъ въ брани воиновъ! Святой водой
Они окроплены, молитвой вѣры
Они очищены, и съ знаменьемъ креста
Стратигами во брани станутъ!...

СТРОГАНОВЪ.

Все готово.
Когда ты назначаешь день похода?

ЕРМАКЪ.

Сей день — сей часъ!

СТРОГАНОВЪ.

Но не подождать ли намъ еще
Охотниковъ? Они идутъ толпами,
И просятся съ тобой въ Сибирь.

ЕРМАКЪ.

Не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ! Восемь сотъ
Отборныхъ воиновъ со мной — довольно.
У Гедеона было меньше ихъ!
Опасно медлить — слабъ и бѣденъ человѣкъ!
Скорѣе отдѣлить ихъ отъ соблазновъ,
Отъ прелести мірской, людскихъ навѣтовъ,
Отъ грѣшнаго раскаянья.... Въ походъ!
По милости твоей, суда нагружены
Снарядомъ боевымъ, запасомъ хлѣбнымъ.
Не переломать намъ копій и мечей,
Кольчугъ не износить и стрѣлъ не разстрѣлять
Которыми ты щедро наградилъ!
Григорій Аникѣичъ! Благъ твой подвигъ:
Ты не скрываешь здѣсь сокровища, готовишь
Сокровища себѣ на небесахъ,
И Богъ тебѣ воздастъ сторицей,
И Царь тебѣ воздастъ почетомъ....
Андрей! ступай, вели идти дружинѣ на суда,
Сюда собраться есауламъ....

СТРОГАНОВЪ.

Я иду за хлѣбомъ-солью,
И проводить тебя явлюсь.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ЕРМАКЪ (*одинъ*).

Прощай, родимый край!
Прощай ты, Волга-матушка, рѣка-царица,
Раздолье дикой юности моей!
Ужь скоро часъ ударитъ — каждый шагъ
Насъ будетъ отдѣлять отъ родины!
Кто знаетъ — приведетъ-ли Богъ опять
Увидѣть васъ, родимыя мѣста!
Такъ дайте-жь надышаться мнѣ въ послѣдній разъ,
Родимымъ воздухомъ! Мнѣ дайте наглядѣться

На небо, на́ воды, на Божіе созданье,
Наслушаться землячекъ-птичекъ —
Взять горсть земли родной, и на груди,
Здѣсь сохранить ее — и въ смертный часъ
Облобызать ее, какъ мать родную — и когда
Въ чужой землѣ мнѣ будутъ рыть могилу,
Ты, горсть родной земли, прикроешь
Мой хладный трупъ — его согрѣешь ты!

ЯВЛЕНІЕ XX.

ЕРМАКЪ И МАРІЯ (*переодѣтая*).

МАРІЯ.

Ермакъ Тимоѳеичъ! позволь ударить тебѣ челомъ!

ЕРМАКЪ (*въ сторону, содрогаясь*).

Боже! Какой голосъ? Кого я вижу? Демонъ соблазнитель! или ты явился напомнить мнѣ неотмолимые грѣхи мои? Смущать меня въ святыя минуты, когда я готовлюсь на избранный подвигъ? Нѣтъ, нѣтъ! вѣдь я не заключилъ съ тобой неразрывнаго условія? Вѣдь я не продавалъ тебѣ души моей? Не давалъ тебѣ рукописанья? Я отрекся отъ тебя и отъ дѣлъ твоихъ. Раскаяніе очистило душу мою. Зачѣмъ же ты пришелъ?... (*Маріи*) Что тебѣ надобно?

МАРІЯ.

Я пришелъ проситься въ твою дружину. Поволь принять меня.

ЕРМАКЪ.

Кто ты?

МАРІЯ.

Я?... (*Въ сторону*) Что́ я ему скажу?

ЕРМАКЪ.

Ка́къ зовутъ тебя?

МАРІЯ (*въ-сторону*).

Ахъ! Царь небесный! я и не подумала какъ мнѣ назвать себя!

ЕРМАКЪ.

Ты смущаешься!

МАРІЯ.

И могу-ли не смутиться, когда вижу передъ собою великаго Ермака!

ЕРМАКЪ.

Юноша! не пріучай языкъ свой къ лести!

МАРІЯ.

Не лесть, здѣсь сердце говоритъ. Ермакъ!
При имени твоемъ чье сердце не забьется,
И чья рука къ мечу не обратится?
Безроденъ я — позволь идти съ тобою;
Безвѣстенъ я — къ чему тебѣ, кто я?

ЕРМАКЪ.

У тебя нѣтъ отца?

МАРІЯ.

Нѣтъ.

ЕРМАКЪ.

И матери — *матери*?

МАРІЯ.

Нѣтъ.

ЕРМАКЪ.

И ни роду, ни племени?

МАРІЯ.

Нѣтъ! Въ чужой семьѣ выросъ я; зовутъ меня Ѳедюшка Без-

родный. Житье мое плохое — чужой хлѣбъ горекъ — вотъ тебѣ
вся жизнь моя — я весь тутъ — ни предо-мной, ни за мной!

ЕРМАКЪ (*въ-сторону*).

Нѣтъ! Быть не можетъ, чтобы этотъ голосъ,
Который такъ отрадно вьется къ сердцу,
Былъ голосъ демона прельстителя — и этотъ взоръ,
Который свѣтитъ, какъ весною небо свѣтитъ,
Былъ взоромъ обаятеля грѣховъ.... Нѣтъ, нѣтъ!
Лишъ духи неба могутъ принимать
Такой прекрасный, сердцу милый образъ!
А ты, воспоминаніе! задохнись!.. Случай!...
Какъ будто онъ не могъ родиться
Похожій на нее, какъ братъ?
Случай!.. Юноша! ты разсудилъ-ли здраво,
Какой ты подвигъ предпріемлешь?
Твоею-ли рукой подъять тяжолый мечъ?
Тебѣ-ли взяться за копье, и шлемъ желѣзный
На юную, тебѣ-ли возложить главу?
Походъ нашъ будетъ трудный, тяжкій, и далеко,
Черезъ дремучіе лѣса, и черезъ зной степей, и черезъ горы,
На конхъ вѣчно ледъ не таетъ, мы пойдемъ!
Намѣсто пѣсни, ты услышишь ревъ звѣрей,
У изголовья будутъ стражей голодъ съ жаждой,
Шатеръ — небесный сводъ, а одѣяло —
Пушистый снѣгъ, возвѣянный мятелью,
И врагъ кругомъ, изъ каждаго куста, изъ за утеса...

МАРІЯ.

А Божья помощь?

ЕРМАКЪ.

Смерть въ бою — она страшна!
Она такъ близко — ты ея дыханье слышишь!

МАРІЯ.

Но когда
Смерть не близка, не ходитъ вокругъ насъ,
И легче-ль смерть на скорбномъ ложѣ,

Когда любовь надъ нимъ не плачетъ,
И все, что́ сердцу дорого — далеко? Нѣтъ!
Ермакъ! Богъ дастъ мнѣ силы! Я слыхалъ,
Что былъ когда-то отрокъ слабый,
И передъ нимъ, его рукою палъ
Могучій великанъ, передъ которымъ
Рать трепетала!

ЕРМАКЪ (*вглядываясь въ нее*).

Ты не знаешь,
Ка́къ звали твоего отца?

МАРІЯ.

Не знаю.

ЕРМАКЪ.

И *имя матери* — ужели ни однажды
Его передъ тобою не сказали?

МАРІЯ.

Нѣтъ!
Я здѣсь живу у рыбаковъ....

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ-же и АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ.

Григорій Аникѣичъ.... Боже, Царь небесный!
Кого я вижу? Ты-ли?

МАРІЯ.

Братъ, Андрей Кузьмичъ!
Ужь-ли ты, не узналъ меня, Ѳедюшку
Безроднаго? Вотъ, атаманъ — меня онъ знаетъ,
Мы давно знакомы съ нимъ — друзья!

ЕРМАКЪ.

За чѣмъ-же,
Ты не сказалъ давно, что съ нимъ знакомъ?
(*Андрею*).
Его ты знаешь?

АНДРЕЙ (*смущаясь*).

Я... Да...

МАРІЯ. (*весело*).

А, братъ! Видно ты опять
Задумалъ уговаривать меня
Нейдти въ походъ, въ дружину Ермакову!
Ермакъ! я умоляю словъ его не слушать —
Мы съ нимъ... Мы братья съ нимъ крестовые — нѣтъ! больше!
Мы клятву дали вмѣстѣ жить и умереть,
А онъ, онъ хочетъ разлучиться, умереть одинъ —
Меня не любитъ онъ!

АНДРЕЙ.

Я не люблю?

ЕРМАКЪ.

Довольно!
Тебя я принимаю.

МАРІЯ И АНДРЕЙ.

Принимаешь?

ЕРМАКЪ.

Оба вы
Мои оруженосцы будьте; сагайдакъ
Мой атаманскій вамъ я поручу,
И какъ дѣтей моихъ, учить васъ стану
Всей хитрости воинской; въ васъ себѣ я приготовлю
Наслѣдниковъ моихъ. Вождю не столько сила,
Сколь умъ потребенъ и воинскій опытъ.
Измлада пріучу васъ...
(*Трубы*).

Поданъ знакъ! Иду!
Благослови, благослови Господь!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

АНДРЕЙ И МАРІЯ.

АНДРЕЙ.

Ахъ! Маша!
Безумная! Что̀, что́ ты дѣлаешь...

МАРІЯ.

А ты подумалъ,
Что разлучиться можемъ мы? Что я останусь?
Что жить съ тобой могу въ разлукѣ?

АНДРЕЙ.

Нѣтъ! ты не можешь ѣхать съ нами! Нѣтъ! обмана
Не допущу!

МАРІЯ.

А смерть мою допустишь?

АНДРЕЙ.

Обѣтъ мы дали: женщинъ въ станъ не принимать —
Ни женъ, и ни сестеръ!

МАРІЯ.

А ты мнѣ прежде
Обѣта развѣ не далъ вѣкъ не разлучаться?
Андрей! и я клянусь всесильнымъ Богомъ —
Не разлучусь съ тобою — бей меня, гони — убей,
Не разлучусь...

АНДРЕЙ.

Мой долгъ...

МАРІЯ.

Что-жь? Обезславь,
Позорь меня передъ дружиною... Скажи...

АНДРЕЙ.

Маша! Маша!

МАРІЯ.

Не женой, сестрой твоей я буду,
Рабой, товарищемъ, соратникомъ твоимъ —
Я заслоню тебя на битвѣ, и когда
Врагъ поразитъ тебя, слезами
Омою раны я кровавыя твои!
Умру съ тобой — въ одной могилѣ лягу...
Андрей, Андрей!

АНДРЕЙ.

Ахъ! Маша!
Чего ты требуешь, душа моя!... Какъ тяжко!

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

ТѢ-ЖЕ И МЕЩЕРЯКЪ.

МЕЩЕРЯКЪ.

Ба, ба, ба! Что́ это? Видно, прощанье, разставанье... Эге! да какой-же лихой молодчикъ! Да, какой молоденькой! Да, какой красивый! Да, ужь не красотка-ли это переодѣтая?

АНДРЕЙ.

Съ чего ты взялъ? Это... моя родня... братъ...

МЕЩЕРЯКЪ.

Не сестрица-ли полно?

АНДРЕЙ.

Братъ... Сидоръ...

МАРІЯ (*тихо*).

Ѳедоръ! Ѳедоръ! (*Громко*) А ты кто?

МЕЩЕРЯКЪ.

Экой голосокъ! Вотъ точно дѣвичій! Ну, коли поволишь — я товарищъ братцу твоему — есаулъ Терентій Мещерякъ!

МАРІЯ.

Такъ просимъ любить, да жаловать — Ѳедька Безродный!

МЕЩЕРЯКЪ.

А не Сидоръ?

МАРІЯ.

Какой Сидоръ! Я иду съ вами. Атаманъ принялъ меня въ свою дружину.

МЕЩЕРЯКЪ (*въ сторону*).

Понимаемъ! Шашни! Неужли нашъ старый чортъ соблазнился? Аль этотъ безбородый богатырь? (*Громко*) Право? Поздравляю, поздравляю! Да, какъ и не принять: вишь какой молодчина! Ручищи-то какія — хоть-бы Ильѣ Муромцу — десятерымъ Татарамъ съ разу головы срубишь!

МАРІЯ.

Да, толкуй-себѣ о ручищахъ! А знаешь-ли, что вотъ этими руками я какую хошь тройку управлю, и тяжолое весло изъ рукъ моихъ никогда не вывалилось? Посмотри-ка еще моей удали!

МЕЩЕРЯКЪ.

Э! да, ты разлихой! А за чару зеленаго принимался-ли?

МАРІЯ.

Нѣтъ, есаулъ! Хмѣльнаго отродясь не пивалъ.

МЕЩЕРЯКЪ.

Хмѣльнаго и не пей, а держись, братъ, матери нашей сивухи — въ ней хмѣлю нѣтъ, а душѣ отрада.... И къ красной дѣвицѣ подойдти какъ-то смѣлѣе. .. А ужъ ты, вѣрно, ходокъ? А?

МАРІЯ (*тихо*).

Андрей!

АНДРЕЙ.

Что́ это, есаулъ, будто ты не знаешь, что атаманъ запретилъ всякое празднословіе въ походѣ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Да, вѣдь, походъ еще не начинался. Успѣемъ напоститься, наговѣться, накорчить кислыхъ рожь, когда начнемъ походъ.... Пойдемъ, какъ честные иноки.... али, какъ честныя инокини.... А? Сидоръ?

МАРІЯ.

Ѳедоръ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Да, бишь, Ѳедоръ! (*Въ-сторону*) Хорошо! А ужь я увѣренъ, что тутъ не безъ-того-сего, прочаго другаго, вотъ этакого! Хмъ! ладно! Это такъ, смотаемъ на усъ.... Оно, конечно, не безъ бабъ и въ Сибири, а все-таки лучше, какъ красотка этакая подъ бокомъ, да и землячка....

(*Пушечный выстрѣлъ. На судахъ начинаютъ звонить въ колоколъ. Бубны и трубы играютъ походъ. На судахъ является народъ; распускаютъ паруса; слышенъ крикъ рабочихъ.*)

АНДРЕЙ.

Походъ! Походъ! Ѳедоръ! пойдемъ! (*Они бѣгутъ.*)

МЕЩЕРЯКЪ.

Этакъ побѣжали, какъ-будто на жирную кулебяку ихъ позвали! Поплетемся и мы.... А для ради.... (*Осматривается*) Атаманъ не

увидитъ! (*Вынимаетъ фляжку.*) Буль, буль, буль! (*Пьетъ*). Куда годится русскій человѣкъ безъ матушки-сивушки! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Дружины идутъ подъ звуки трубъ и бубновъ, предводимыя Кольцомъ, Кузьмою, Мещеряком. Онѣ обходятъ кругомъ и становятся строемъ, въ глубинѣ сцены. Съ одной стороны является Ермакъ, вооруженный, и за нимъ Андрей и Марія несутъ его копье, ружье и сайдакъ. Съ другой Строгановъ съ хлѣбомъ-солью, а за нимъ народъ и несутъ хоругвь.

СТРОГАНОВЪ.

Ермакъ Тимоѳеичъ! Русская земля, въ лицѣ моемъ, здравія тебѣ желаетъ и счастливаго пути, и бьетъ тебѣ челомъ хлѣбомъ-солью!

НАРОДЪ.

Дай Богъ часъ! Дай Богъ часъ!

ЕРМАКЪ.

Пріемлю даръ послѣдній родины моей,
Хлѣбъ-соль — беру ихъ, лобызаю!

(*Онъ цѣлуетъ хлѣбъ.*)

Блюдо золотое
Возьми обратно, и вели: Николѣ Чудотворцу
Построить ризу изъ него на ликъ святой,
Да будетъ намъ помощникъ, покровитель!
Намъ золота не надо — Божья помощь и желѣзо!

СТРОГАНОВЪ.

Вотъ граматка отъ воеводы астрахапскаго. Онъ пишетъ,
Что въ ней найдешь ты имя казака,
Измѣнника, который продавалъ тебя ему.
Совѣтуетъ тебѣ злодѣя остеречься.

МЕЩЕРЯКЪ (*въ испугѣ*).

Злодѣя имя? Развѣ между нами были
Измѣнники? Клевещетъ онъ!

ЕРМАКЪ (*спокойно*).

Чего бояться?
Любовь твою ко мнѣ я знаю, есаулъ, —
Не бойся! *Были* — нѣтъ теперь измѣнниковъ межъ нами.
Воръ вора продавалъ, но мы, дружина вѣрныхъ,
Не продаемъ другъ друга — между нами
Измѣны нѣтъ. Дай граматку!

(*Беретъ письмо и деретъ его.*)

На вѣки,
Да истребится память о быломъ!
Ермакъ, атаманъ вѣрныхъ казаковъ,
Не мститъ за Ермака разбойника!

МЕЩЕРЯКЪ (*въ-сторону*).

Ухъ! отлегло!

(*Громко.*)
Мы всѣ кляпемся, всѣ....

ЕРМАКЪ.

Не нужны клятвы —
На дѣлѣ мы увидимъ!
Гдѣ хоругвь,
Гдѣ знамя наше, знаменье побѣдъ?

(*Беретъ хоругвь*).

Хоругвь святая! на стѣнахъ Сибири
Тебя поставимъ мы, или костьми
На бранномъ ляжемъ полѣ,
А мертвіи не имутъ срама!
Ты, Кузьма,
Ты охранителемъ хоругви нашей будь —
Будь съ нею впереди всегда, и да трепещетъ врагъ,

Когда тебя со знаменемъ увидитъ!

(*Онъ снимаетъ шлемъ и безмолвно молится.*)

Съ нами Богъ! Ура!

ВСѢ.

Ура! ура!

(*Бубны и трубы. Ермакъ спѣшитъ на суда.*)

СТРОГАНОВЪ.

Гряди, избранникъ!
Благословенъ грядый во имя Бога!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ВѢНЕЦЪ И ЦѢПИ.

Поляна среди дремучаго лѣса. Рача, сибирскій идолъ, на жертвенникѣ, и передъ нимъ огонь. Шаманы пляшутъ вокругъ него, и бьютъ въ бубны съ унылыми криками. Вдали слышны выстрѣлы.

ЯВЛЕНІЕ I.

ШАМАНЪ (*на колѣняхъ*).

Вѣйте, буйные вихри, шумите бураны,
Тучи снѣговыя, куры степныя! Горе, горе!

Сибири участь совершилась! Рачи гнѣвъ
Отяготѣлъ побѣдой пришлецовъ! О горе, горе!

ШАМАНЫ.

Горе, горе!

ШАМАНЪ.

Настала невзгода, колеблется тронъ,
Поникнули горы въ унынии челомъ,
Бѣда со всѣхъ свѣта явилась сторонъ,
Сибирь чуетъ рабства ярёмъ!

ШАМАНЫ.

Горе! горе! горе!

ШАМАНЪ.

Отколѣ ты, пришлецъ нежданный,
Явился, громъ неся въ рукахъ?
Какъ Рачи гнѣвъ, какъ вихорь бранный,
Какъ столпъ огня, какъ паръ туманный,
Какъ бури ревъ и трескъ въ лѣсахъ,
Протекъ въ Сибирскихъ онъ странахъ!
Ничто предъ нимъ не устояло,
И все добычей брани стало!
Сибири царство онъ попралъ!
Лѣсъ копій, ратей ополченья,
Твердынь и градовъ укрѣпленья
Рукой могучей разметалъ!
Идутъ враги!
Рача! помоги!

ШАМАНЫ.

Рача! помоги!

ШАМАНЪ.

Взволнуй подъ ихъ ногами землю,

Разсыпь изъ облаковъ перуны,
Туманомъ ослѣпи ихъ очи,
Стѣною влажной рѣки подыми!
Рача! помоги!

(*Громъ и свистъ вѣтра. Огонь на жертвенникѣ потухаетъ. Молнія пролетаетъ по лѣсу*).

ВСѢ ШАМАНЫ.

О горе, горе, горе!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же, МАХМЕТЪ-КУЛЪ, сибирскіе воины, а потомъ КАЗАКИ и ЕРМАКЪ.

МАХМЕТЪ-КУЛЪ (*бросая свой изломанный мечъ*).

Прочь, безполезный мечъ — кусокъ желѣза!
Будь проклята рука, сковавшая тебя,
Не закалившая врагу на гибель!

ШАМАНЪ.

О Шайтаны!
Тебя-ли вижу, Махметъ-Кулъ могучій,
Безстрашный вождь сибирскихъ ополченій?
Или тебѣ побѣда измѣнила?

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Измѣнила!
Враги, какъ вьюга, какъ потоки съ горъ,
Летятъ, стремятся! Что́-жь твой безполезный богъ?
Что́-жь ты не вымолилъ побѣды у него?
Зачѣмъ ты приносилъ сточисленныя жертвы?

ШАМАНЪ.

Пало царство сильнаго Кучума!

Побѣжденъ могучій Махметъ-Кулъ!

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Нѣтъ! Онъ не побѣжденъ, и царство
Великаго Кучума не погибло,
Пока не палъ во брани Махметъ-Кулъ!
Безсильный богъ! тебя я отвергаю!
Мечъ, мечъ мой будетъ богомъ мнѣ!
Тамъ брань кипитъ! Туда! туда!

(*Выстрѣлы и бубны*).

ВОИНЫ (*бѣгутъ черезъ сцену*).

Ермакъ! Ермакъ!

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Стой, бѣглецы, стой! Нѣтъ! ничтó
Ихъ удержать не сильно! Мечъ! Мечъ дайте мнѣ!

(*Другіе воины вбѣгаютъ. За ними казаки. Битва*).

ГОЛОСЪ ЕРМАКА.

Съ нами Богъ!

ШАМАНЪ (*съ воплемъ, въ отчаяніи, падая передъ жертвенникомъ*).

О Рача! помоги!

(*Громъ*)

ЕРМАКЪ (*врываясь на сцену*).

Ура!
Побѣда!

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Нѣтъ! не твоя еще побѣда!
Я живъ! Остановись, Ермакъ!

ЕРМАКЪ.

Покорствуй!

Ты безоруженъ!

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Пользуйся удачей!
Хвались, вооруженный — безоруженъ я!
Но испытай, осмѣлься взять меня!

ЕРМАКЪ.

Врагъ гордый! Смѣешь ли ты вызвать Ермака?
Я жизнь тебѣ дарилъ, — твой вызовъ принимаю!
Ты безъ меча и шлема — я бросаю
Мой шлемъ, мой мечъ!

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Теперь бой равенъ —
Я задушу тебя!

ЕРМАКЪ.

Отвѣдай русской силы!

(*Они схватываются и борются. Воины прекращаютъ битву и стоятъ неподвижно*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, КОЛЬЦО, КУЗЬМА, КАЗАКИ (*они хотятъ броситься на помощь*).

КОЛЬЦО.

Стой, стой! Не помогать — бой равенъ!

ЕРМАКЪ (*сбрасывая съ ногъ Махметъ-Кула*).

Ты мой! Жизнь или смерть?

МАХМЕТЪ-КУЛЪ (*яростно*).

Смерть, смерть,

Смерть, смерть! О, позоръ! я побѣжденъ!
Зарѣжь, убей меня! Къ чему мнѣ жизнь!

ШАМАНЫ И ВОИНЫ (*бѣгутъ*).

О, горе! горе!

ВСѢ РУССКІЕ.

Съ нами Богъ! Ура!

КОЛЬЦО.

Ермакъ!

ЕРМАКЪ.

Друзья! возьмите Махметъ-Кула,
Ведите въ станъ нашъ и почетно угостите.
Почтимъ въ немъ мужество и бѣдствіе его.

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Горе! горе!

(*Его уводятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, безъ МАХМЕТЪ-КУЛА.

ЕРМАКЪ.

Но, что? Друзья! гдѣ мы? Смотрите!
Мы ворвались въ завѣтный лѣсъ, гдѣ отъ вѣковъ
Нечистыя моленья приносились.
Здѣсь было требище богамъ поганымъ,
Здѣсь кровь текла на жертву сатанѣ!
Вотъ онъ—бурханъ проклятый! Прочь его!
Во имя Бога, свергните кумира,
И жертвенникъ нечистый разбросайте!

ВСѢ.

Ура! ура!

(*Бросаются, бьютъ, сбрасываютъ истуканъ, и ломаютъ жертвенникъ*).

КОЛЬЦО (*тащитъ и бьетъ истукана*).

А! ты, поганый демонъ!
Веревку! Зацѣпить его, таскать по стану,
Сжечь — пепелъ въ чистомъ полѣ разбросать!

ЕРМАКЪ (*становится ногою на истукана*).

Какъ палъ кумиръ поганый, такъ падетъ
Невѣріе предъ вѣрой православной,
И просіяютъ божья благодать и свѣтъ
Надъ областью Сибирской, въ тмѣ донынѣ
Коснѣвшей идоловъ служенья!
На мѣстѣ семъ, гдѣ требище кумира,
Зловоніемъ окрестность заражало,
Поставимъ Богу свѣтлый храмъ,
И въ немъ кадила онміамъ,
При пѣніи согласномъ ликовъ,
Пусть дальнымъ возвѣститъ странамъ,
Преображенье, какъ на высотахъ Ѳавора,
Законъ, какъ на горѣ Синаѣ Богомъ данный!
Ты близокъ, близокъ день желанный,
Когда во имя Бога и Царя Россіи,
Съ главы Сибирскаго царя спадетъ вѣнецъ!
Мы на стѣнахъ его столицы
Хоругвь святую водрузимъ,
И сердце батюшки-Царя возвеселимъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, МЕЩЕРЯКЪ И ПОСЛАННЫЙ СТРОГАНОВА.

МЕЩЕРЯКЪ.

Вѣсть изъ Москвы! Григорій Аникѣичъ

Къ тебѣ, атаманъ, граматку прислалъ!

ЕРМАКЪ.

Вѣсть изъ Москвы! Подай, и пусть она наградой
Побѣды нашей будетъ! Какъ давно
Ее просило, ждало сердце, благодати вѣсть!

ПОСЛАННЫЙ.

Григорій Аникѣичъ бьетъ тебѣ челомъ,
Велѣлъ о здравіи твоемъ узнать, и посылаетъ
Тебѣ привѣтъ и граматку свою.

ЕРМАКЪ (*поспѣшно развертываетъ письмо*).

Боже! вѣрить-ли очамъ! Нѣтъ силъ!

(*Письмо валится изъ рукъ его. Онъ едва стоитъ на ногахъ, и падаетъ на камень*).

КОЛЬЦО.

Что такое сдѣлалось? (*Поднимаетъ письмо и читаетъ. Всѣ около него тѣсняться*) «И дошла до него Государя вѣсть, что вы, идучи русскими областями, грабили, и многое раззореніе учинили, и села пожгли, а Сибирскою стороною завладѣли, и вѣсти о томъ не даете, и видны въ томъ ваше воровство и злой умыселъ; и онъ, Государь, объявляетъ вамъ гнѣвъ и опалу, и пришлетъ къ вамъ своего окольничаго, судити васъ и казнити, тебя, Ермака, и Кольцо, и главныхъ казаковъ....

МЕЩЕРЯКЪ (*въ-сторону*)

А, а! попало мѣтко!

ЕРМАКЪ.

Какъ? Меня судить, казнить?
За кровь, за подвиги наградой клевета и истязанье?
И побѣдителей Сибири, въ кандалахъ,

На судъ влачить? И клеветѣ повѣрить,
Безъ оправданья, безъ суда.

КОЛЬЦО.

Чего-жъ намъ ждать?

МЕЩЕРЯКЪ.

Чего? вѣстимо — Дьякъ пріѣдетъ,
Поставитъ насъ къ допросу, къ правежу потянетъ,
Посудитъ, оберетъ, потомъ осудитъ,
И размахнетъ перомъ кудряво: *поелику*....

КОЛЬЦО.

Я дамъ ему такую *поелику*...

КУЗЬМА.

Коли спасибо не хотятъ сказать,
Такъ мы себя покажемъ.... Пусть онъ Царь....

ЕРМАКЪ.

Старикъ!
Храни уста свои — не смѣй произнести
Хуленья на Царя земнаго, образъ Божій на земли!

КОЛЬЦО.

Коли онъ Богъ замной, такъ будь и правосуденъ,
Какъ Богъ небесный правосуденъ!

ЕРМАКЪ.

Дерзкій! смѣешь-ли судить, когда небесный громъ
На нивы падаетъ, и истребляетъ жизнь, надежды селянина,
Когда потопъ и трусъ низпровергаютъ грады,
И язва губитъ царства и народы? Волѣ Бога
Въ безмолвіи покорствуй — волѣ царской
Покорствуй такъ, какъ волѣ Бога!

КОЛЬЦО.

Что́-жь намъ дѣлать?
Чѣмъ оправдаться? Чѣмъ себя защитить?
Богъ высоко, Царь далеко! Ужели дожидаться
Присылки къ намъ подьячаго какого....

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, АНДРЕЙ И МАРІЯ.

АНДРЕЙ.

Атаманъ! къ тебѣ посольство отъ Кучума.

ЕРМАКЪ.

За-чѣмъ они?

АНДРЕЙ.

Дары, оружье принесли,
И говорить хотятъ съ тобой.

ЕРМАКЪ.

Ввести!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и ШАМАНЪ. *За нимъ несутъ дары и оружіе.*

ШАМАНЪ.

Непобѣдимый царь Сибирскія страны,
Сынъ неба, братъ луны, кому покорены
Отъ моря до моря несчетные народы,
Кому покорствуютъ земля, моря и воды,
Кучумъ, что́ властью здѣсь отъ Бога облеченъ....

ЕРМАКЪ.

Скажи, за-чѣмъ ты присланъ. Пустословье
Оставь. Непобѣдимый Царь твой, дядя солнца, братъ луны,
Чего онъ хочетъ?

ШАМАНЪ.

Мира. Могъ-бы онъ
Но васъ подвинуть ополченья — онъ жалѣетъ
И проливать не хочетъ крови ...

ЕРМАКЪ.

Да, худой миръ лучше доброй ссоры. — Мы готовы.
Пусть покорится онъ подъ власть Царя Россіи,
Крещенье приметъ, идоловъ отвергнетъ, и въ Москву
Отправится съ дарами бить челомъ....

ШАМАНЪ.

Когда падетъ послѣдній Сибирякъ,
И вмѣсто городовъ могилы станутъ,
Вспять потечетъ Иртышь, хлѣбъ въ камень,
Въ кровь вода преобразится...

ЕРМАКЪ.

И тогда
Вы покоритесь? О, такихъ чудесъ намъ долго ждать!
Безъ нихъ мы обойдемся — ужь отселѣ
Искера вашего мы видимъ башни,
И завтра станемъ подъ его стѣнами,
А послѣ завтра онъ въ развалины падетъ,
Когда вы милости не будете просить!

ШАМАНЪ.

Успѣхъ мгновенный гордость въ васъ вселилъ.

ЕРМАКЪ.

Успѣхъ мгновенный? Нашъ походъ изъ дальныхъ странъ,

Тѣ горы, рѣки, степь, лѣса, пустыни
Что мы прошли; и города, которыхъ не могли
Спасти усилья вашихъ ратей;
И вашъ царевичъ плѣнникъ — ваши боги,
Смотри — они во прахъ повержены —
И ты, съ покорностью, съ дарами
Пришедшій къ намъ — и ты мгновеннымъ
Успѣхомъ смѣешь называть труды, побѣды наши?
Знай: дали мы обѣтъ не положить меча,
Доколѣ царство ваше не падетъ,
И храма Бога истиннаго не воздвигнемъ мы
Въ Искерѣ вашемъ, и пока орелъ Россіи
Не сядетъ крѣпкимъ стражемъ чести нашей,
На вѣжахъ покоренной намъ Сибири!
И мы обѣтъ исполнимъ... Словъ не трать:
Покорность, или бой и гибель — вотъ отвѣтъ нашъ Хану!

ШАМАНЪ (*помолчавъ*).

Ермакъ! съ тобой однимъ хочу я говорить.

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ тайны между нами. Что ты скажешь
Мнѣ, всѣ знать должны.

ШАМАНЪ.

Внимай: великій Ханъ
Дивится подвигамъ твоимъ — онъ предлагаетъ
Тебѣ полцарства своего и дочь въ супругу.
Брань прекрати и царствуй, какъ Кучуму равный,
Двѣнадцать городовъ тебѣ онъ дастъ,
Прибавитъ и сребра и злата, камней многоцѣнныхъ,
И соболей, и узорочьевъ Индіи, Китая...
Чѣмъ воеводою быть Русскаго Царя —
Ты будешь самъ царемъ....

ЕРМАКЪ.

Мнѣ измѣнить
Ты предлагаешь? Мнѣ родство съ твоимъ царемъ поганымъ?

Ты не видалъ еще россійскихъ воеводъ,
Ты не видалъ и ратей царскихъ —
Знай: я не воевода — я казакъ простой;
Со мною бѣдныхъ казаковъ дружина.
Но если три Сибири сложишь ты,
И промѣнять предложишь за названье
Простаго казака, слуги, раба
Царя Россійскаго — не согласимся мы;
Не измѣнимъ ему присяги нашей;
Спасиба Царскаго на тронъ не промѣняемъ!
Такъ Русскій думалъ, думаетъ и будетъ думать,
И тѣмъ крѣпка, сильна, велика Русская земля.

(*Ропотъ между казаками*).

Что́ вы?

МЕЩЕРЯКЪ.

Не разсудить-ли, атаманъ...

ЕРМАКЪ.

О чемъ судить?
Ка́къ? Развѣ между долгомъ и присягой,
И преступленьемъ и измѣной выборъ можетъ быть?
Ка́къ Совѣстью мы станемъ торговать?

КОЛЬЦО.

Но, видишь, изъ Москвы намъ что́ сулятъ наградой!

ЕРМАКЪ.

Такъ, развѣ изъ награды бились мы?
А не награда, что намъ Царь позволилъ
На имя воиновъ честное промѣнять
Названье татей и разбойниковъ — простилъ
Грѣхи и преступленья буйной жизни?
А не награда смерть въ бою,
Молитвы Церкви на могилахъ нашихъ,
И память вѣчная въ сердцахъ потомковъ,
И праведныхъ вѣнцы на небесахъ?

А слава подвига? А честь побѣды? Люди
Дадутъ-ли намъ награду больше?
И мы, мы, христіане, покоримся
Царю поганому, когда еще побѣда,
И то, чѣмъ онъ даритъ, то̀ будетъ наше?
Изъ рукъ поганаго царя мы примемъ царство,
Но православнаго Царя мы прогнѣвимъ,
И онъ на насъ пошлетъ свои дружины,
И что̀ тогда? Сражаться съ ними,
Съ невѣрными въ союзѣ? Мы поднимемъ
Мечи и копья на друзей и братій?
О други! разсудите, совѣсти спросите!
Пусть Царь несправедливо насъ казнитъ—
На плаху съ чистой совѣстью я лягу,
И смерть мою вѣнцамъ и тронамъ предпочту,
Когда вѣнецъ и тронъ купить измѣной должно!

ШАМАНЪ.

И вы рѣчамъ безумнымъ вѣрить захотите?

КОЛЬЦО.

Вѣримъ! Мы привыкли вѣрить атаману!
Ура! Ермакъ!

ВСѢ.

Ура! Ермакъ!

КОЛЬЦО.

Прочь! Убирайся,
Мохнатый чортъ, съ подарками твоими!
Вишь, чортовъ сынъ, съ посулами пришелъ!
Вотъ, какъ хвачу тебя!

ЕРМАКЪ.

Пословъ,
Ты знаешь, не сѣкутъ, не рубятъ —

Не тронь его!
Ступай, что́ слышалъ, все скажи,
И не трудись къ намъ приходить напрасно —
Мы скоро въ гости сами къ вамъ придемъ!

ШАМАНЪ.

Иду, но знай, о гордый вождь, что не побѣда,
А гибель ждетъ тебя у стѣнъ Искера!
Не храбрость, насъ отчаянье подвигнетъ къ брани,
И горе вамъ, толпа безумныхъ пришлецовъ!

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же, кромѣ ШАМАНА.

ЕРМАКЪ.

О! воздадимъ, друзья, хвалу и славу Богу,
Что́ демона прельщенье побѣдили мы!
Друзья! Не вѣрьте ихъ угрозамъ —
Насъ Богъ ведетъ, и кто противостанетъ?
Храните чистоту души и тѣла,
И Богъ разсыплетъ полчища враговъ,
А предъ Царемъ насъ подвигъ оправдаетъ!
Кольцо, сподвижникъ добрый! Ты въ Москву поѣдешь!

КОЛЬЦО.

Въ Москву, Ермакъ?

ЕРМАКЪ.

Въ Москву, и передъ Царскій тронъ
Ты Ермака повергнешь челобитье.
Скажи ты батюшкѣ, великому Царю,
Что́ обнесли напрасно насъ, что мы невинны,
Что́ не богатство — раны и труды

Доселѣ нашею наградой были,
Что много насъ легло на полѣ брани,
И остальнымъ грозитъ всечасно смерть,
Но вѣрны мы и Богу, и Царю, и русской чести!
Отъ словъ твоихъ исчезнетъ клевета,
Какъ отъ лучей сіяющаго солнца
Туманы исчезаютъ на поляхъ.
И если ты увидишь батюшку Царя,
И онъ изронитъ ласковое слово,
Намъ бѣднякамъ, его опальнымъ казакамъ —
Спѣши порадовать насъ вѣстью.... Если
Ты не застанешъ Ермака въ живыхъ,
Хоть на могилу принеси мнѣ слово
И бѣдныя мои обрадуй кости,
Далеко отъ полей отчизны милой мнѣ!

КОЛЬЦО, АНДРЕЙ, МАРІЯ (*бросаясь къ нему.*)

Ермакъ!

ЕРМАКЪ.

Друзья! довольно! Если-бъ клеветникъ,
Который обнести дерзнулъ меня позоромъ,
Увидѣлъ, какъ горька моя слеза —
Онъ побоялся-бы ея.... Какъ уголь горящій,
Она ему на совѣсть упадетъ,
И онъ потокомъ слезъ ея не смоетъ!
Сегодня отдыхъ — завтра бой! Готовьтесь,
И выпаримъ Кучума мы въ кровавой банѣ,
Такъ выпаримъ, что позабудетъ насъ стращать!

(*Уходитъ.*)

МЕЩЕРЯКЪ (*одинъ.*)

Постой, братъ атаманъ, не попарятъ-ли сперва тебя хорошенько! Дурачье! сдались на его красныя слова, и забыли присловье: что взято, то свято — не сули журавля въ полѣ, а дай синицу, да въ руки.... Тутъ надо повернуть похитрѣй — утро вечера мудренѣе. Посмотримъ!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛАГЕРЬ ПОДЪ ИСКЕРОМЪ.

Ночь. Лѣсъ. Вдали видѣнъ на высотахъ городъ Сибирь или Искеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТОЛПА КАЗАКОВЪ, МИТЬКА, МЕЩЕРЯКЪ.

1-Й КАЗАКЪ.

Что̀ толковать, коли всѣ говорятъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Я вамъ давно говаривалъ, да вы слушать не хотѣли! То-то, нелегкая васъ побери — видно, пословица-то и не лжетъ, что Русакъ заднимъ умомъ крѣпокъ!

2-Й КАЗАКЪ.

Говори, есаулъ!

3-Й КАЗАКЪ.

Неладно вы затѣваете!

МИТЬКА.

Коли всѣ будутъ кашу варить, она никогда не сварится!

1-й казакъ.

Врешь! — Убирайся! — Я, братъ, тебѣ не поддамся!

(*Смятенный шумъ.*)

мещерякъ.

Стой! стой! Во-первыхъ, вотъ, братцы, чего намъ недостаетъ! Здоровье ваше! (*Наливаетъ изъ фляги и пьетъ.*)

всѣ (*кромѣ Митьки*).

Давай! Давай! (*Наливаютъ, пьютъ, кричатъ.*)

митька.

Эхъ! есаулъ! Неловко ты дѣлаешь, да и грѣшно! Вѣдь мы обѣщались до безумнаго-то веселья не касаться!

мещерякъ.

Пожалуй не касайся! А тебѣ развѣ не хочется?

митька.

Какъ не хотѣться!

мещерякъ (*поднося ему пустую чарку*).

Ну, да ты только понюхай!

митька.

Ухъ! Такъ-бы вотъ и выпилъ — слюнки текутъ! Не хочу, не хочу! Грѣхъ!

мещерякъ.

Пожалуй! Намъ больше останется! Ну, вотъ, братцы, какъ теперь на душѣ-то стало полегче, такъ опо и обдумать-то можно толковѣе!

ВСѢ.

Говори, говори, есаулъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Что̀ тутъ много говорить! Атаманъ нашъ завелъ насъ къ чорту на кулички, да и самъ не знаетъ, что̀ дѣлать!

ВСѢ.

Да, да!

МЕЩЕРЯКЪ.

Вотъ ужь мы третій мѣсяцъ подъ Искеромъ стоимъ — два раза выходили въ бой, и едва уплелись сюда; загородили себя засѣками, враги окружили насъ — ихъ сто на одного. Съ Руси нѣтъ вѣсти и Кольцо не ѣдетъ. Видно, милости Царской ждать нечего — надобно самимъ промышлять! Мы обнищали, оголодали, обносились....

1-Й КАЗАКЪ.

Что̀-жь ты совѣтуешь?

МЕЩЕРЯКЪ.

Что̀ громада положитъ! Собрать войсковой кругъ и рѣшить. Моя мысль такая: атамана къ чорту — выдать его Кучуму, а за то̀ онъ намъ дастъ всего, чего душа желаетъ — и золота, и узорочья, и такихъ красавицъ, что у насъ на Руси и со свѣчкой не отыщешь! Чего-жъ вамъ еще? Аль Руси стало жаль? Воротись-ка туда, такъ поддернутъ тебя за пеньковое ожерелье, только пожками задрягаешь!

1-Й КАЗАКЪ.

Правда! Правда!

ВСѢ.

Собрать кругъ! Какъ громада рѣшитъ!

3-й КАЗАКЪ.

Право, братцы, не хорошо!

ВСѢ.

Кругъ! Кругъ! Ступай! ступай! (*Идутъ толпой.*)

МЕЩЕРЯКЪ.

Ну, Ермакъ, посмотримъ, какъ ты вотъ эту кашу расхлѣбаешь, а ужь я масла не пожалѣю! (*Идетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ЕРМАКЪ (*выходитъ задумчивый*).

О, суета суетъ! Мірская слава, честь,
Побѣда — вы, какъ перелетный голубь!
Сегодня гордъ, а завтра прахъ, и люди
Ругаются тобой, и по грязи влачатъ
Твой истуканъ, который ихъ рукою,
Они поставили на алтаряхъ побѣды, чести.
Ермакъ! ты побѣжденъ — ты уступилъ!
Враги безчисленной толпою окружаютъ
Твой станъ, а въ немъ кипитъ измѣна,
Главу подъемлетъ бунтъ — опала, казнь
На родинѣ, а здѣсь — смерть, плѣнъ!
Господь!
Передъ тобой моя душа открыта —
Искалъ ли славы, чести я мірской?
Не вѣру ли твою хотѣлъ я проповѣдать?
Не Русскому ль Царю готовилъ честь?
И не хотѣлъ ли смыть грѣховъ прошедшихъ
На полѣ битвы кровью? Или демонъ,
Духъ тмы, поборникъ зла, всегда преобораетъ
Зломъ благо въ мірѣ семъ грѣховномъ?
Сомнѣнье! Трепещи, Ермакъ! Сомнѣнье грѣхъ!
Не сомнѣвайся — вѣрь! На Бога возложи печаль!
Онъ проведетъ тебя средь козней, бѣдъ!

Какъ солнце возсіяетъ правота твоя!
Какъ предъ Израилемъ въ пустынѣ, огненнымъ столпомъ
Предыдетъ Божій ангелъ, и какъ стѣны Іерихона,
Падутъ передъ тобой Сибири стѣны,
И съ миромъ ты отыдешь на покой,
Давно желанный....

ЯВЛЕНІЕ III.

ЕРМАКЪ И ШАМАНЪ.

ШАМАНЪ.

Гордый Русскій вождь!
Я вновь пришелъ къ тебѣ! Смирился ты?
И не въ толпѣ соратниковъ твоихъ
Тебя я вижу — побѣжденъ, унылъ и одинокъ!

ЕРМАКЪ.

Не съ прежнимъ ли пришелъ ты предложеньемъ?
Не снова-ли дары и царство предлагать?

ШАМАНЪ.

Не предлагать — спасти тебя. Близка погибель.
Безуміе теперь не покориться! Знай — Кучумъ,
Разгнѣванный, тебя на смерть обрекъ,
Заутра бой, и голова твоя, въ позоръ гордыни,
На дротикъ вздѣтая, потѣшитъ насъ,
А трупъ твой псы размычутъ, разтерзаютъ!

ЕРМАКЪ.

Чего-жь ты хочешь?

ШАМАНЪ.

Есть еще спасенье!
Знай — я верховный жрецъ Бурхана.
Мой голосъ силенъ — тайною наукой

Передо мной грядущее открыто —
Ты хочешь-ли узнать его?

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ! Не хочу.
Оно во власти Бога — что́ Ему угодно — будь!

ШАМАНЪ.

Безумецъ! вѣдай — такъ судили боги:
На головѣ твоей лежитъ судьба Сибири.
Когда предашься ты Сибирскому царю,
Сибирь на вѣки укрѣпится силой,
И громко прогремитъ ея повсюду имя.
Ты долголѣтной старости достигнешь,
Въ почетѣ, въ славѣ проживешь свой вѣкъ.
Но если ты захочешь — суждено
Сибири пасть, но знай, — и ты падешь! Ты не увидишь,
Ни торжества, ни славы, и твоя могила
Безвѣстна будетъ — не придутъ потомки
Надъ нею поминать тебя, тебя забудутъ....

ЕРМАКЪ.

А Руси власть?

ШАМАНЪ.

Власть Руси надъ твоей могилой,
Какъ твердая гора возникнетъ — выбирай!

ЕРМАКЪ.

Не обольщаешь ты меня? Не лжешь?

ШАМАНЪ.

Клянусь!

ЕРМАКЪ.

Клянись мнѣ Богомъ христіанскимъ.... Нѣтъ!

Остановись! Ты знаешь-ли, какъ страшенъ, всемогущъ,
Всесиленъ христіанскій Богъ?

ШАМАНЪ (*со стономъ*).

О! знаю!
Онъ побѣдитъ — предъ нимъ падутъ Бурханы!
Но ты — клянусь твоимъ я Богомъ — можешь отвратить
Паденье нашей вѣры, царства, и во славѣ
Вѣкъ долгій жить, престолъ отдать потомству!

ЕРМАКЪ.

О, Всемогущій! Демонъ искуситель
Мнѣ вѣсть отрадную передаетъ Твоею волей!
Нѣтъ! онъ не лжетъ — и вѣсть его
Достигла сердца моего,
Надеждой душу мнѣ зажгла —
Душа воскресла, ожила!
Съ очей моихъ исчезла мгла!
Мой гробъ — залогъ твоихъ побѣдъ,
Святая Русь! Сомнѣнье? Нѣтъ!
Нѣтъ! Дай мнѣ руку, ты, шаманъ!

ШАМАНЪ.

Ты избираешь?

ЕРМАКЪ.

Я избралъ!

ШАМАНЪ.

Вѣнецъ и честь?

ЕРМАКЪ.

Смерть.

ШАМАНЪ.

О! Ермакъ,
Ермакъ! ты могъ спасти мою отчизну!

ЕРМАКЪ.

И все моей отчизнѣ въ жертву приношу!

ШАМАНЪ.

Но кто оцѣнитъ жертву? Кто узнаетъ?

ЕРМАКЪ.

Ее узнаетъ — *Онъ!* Ея оцѣнка — *здѣсь!*
Ты не поймешь — не христіанинъ ты, не Русскій —
Ты не поймешь меня! Когда-бъ въ груди твоей
Забилось сердце русское, и кровь твоя
Кипѣла, какъ кипитъ у Русскаго она,
И если-бы душа твоя постигла,
Какъ сладостно предаться волѣ Бога...

ШАМАНЪ.

Горе!
Кого не побѣдитъ такой народъ? Чего, чего
Не совершитъ онъ?...

(*Вынимаетъ кинжалъ и заноситъ его на Ермака, который стоитъ задумчиво*).

Такъ погибни-жь!... Нѣтъ!
Невольный страхъ окаменилъ мнѣ руку!

(*Роняетъ кинжалъ*).

ЕРМАКЪ (*хладнокровно обращается къ нему*).

Подыми твой ножъ!

ШАМАНЪ.

Ермакъ!... Прощай!

(*Бѣжитъ вонъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕРМАКЪ, АНДРЕЙ, МАРІЯ.

АНДРЕЙ.

Атаманъ! Бѣда намъ угрожаетъ — бунтъ!
Злодѣй твой, Мещерякъ, весь таборъ возмутилъ.
Они твою отвергли власть — бѣгутъ къ тебѣ!
Спасайся! Отъ тебя мы не отстанемъ!
Но ты молчишь? Твой бодрый духъ упалъ!

ЕРМАКЪ.

Спасаться! Но куда спасаться намъ?
Здѣсь братья наши возстаютъ — кругóмъ враги,
А родина далеко, да и тамъ
Что́ ожидаетъ насъ? Гнѣвъ царскій, судъ и казнь!
Побѣда все мирила — пораженье губитъ все.
Народъ безсмысленъ, какъ дитя, непостояненъ,
Какъ вешняя погода!

АНДРЕЙ.

Мы умремъ съ тобой!

ЕРМАКЪ.

Друзья мои! Мнѣ грустно — вашу юность
Со мною вы погубите... Мнѣ грустно!
Мой вѣкъ, мой бурный вѣкъ — ему пора... Кончина
Мнѣ будетъ отдыхомъ!... А вамъ, вамъ рано...
Пусть будетъ то́, что́ Богомъ суждено!
Примите-же мое благодаренье,
Андрей, Ѳеодоръ! неусыпной стражей
За мной вы были — вмѣстѣ и труды и брань!
Какъ часто я дивился, юноша, Ѳеодоръ,
Мой сынъ! Когда въ томленіяхъ похода, жажды, глада,
Ты все переносилъ — прими мое благословенье!

АНДРЕЙ.

Ермакъ! когда-бъ ты зналъ!

МАРІЯ.

Ермакъ! насъ Богъ спасетъ!

ЕРМАКЪ (*одушевляясь*).

Да! Онъ спасетъ!... Ужели въ ихъ душахъ
Погасло все, и искры не осталось?
Не можетъ быть! Она осталась,
И я ее раздую, въ пламень облеку —
Пожаромъ вспыхнетъ искра! Бунтъ, измѣна,
Всѣ страсти низкія сгорятъ въ пожарѣ,
И только доблесть русская останется!

(*Слышенъ шумъ и стукъ оружія*).

АНДРЕЙ И МАРІЯ.

Идутъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, МЕЩЕРЯКЪ, КУЗЬМА СЪ ХОРУГВЬЮ, КАЗАКИ.

ВСѢ.

Смерть, смерть, Ермаку!

МЕЩЕРЯКЪ.

Вотъ онъ! Спрятался! Труситъ!

ВСѢ.

Смерть, смерть ему!

АНДРЕЙ (*заслоняя Ермака мечомъ.*)

Я не допущу васъ къ атаману!

ЕРМАКЪ.

Оставь ихъ безуміе! (*Грозно казакамъ*). Стой! (*Всѣ отступаютъ*) Кто вы? Кто вы? (*Они безмолвствуютъ*). Я спрашиваю васъ — отвѣчайте! Что вы замолчали? Говори, хоть ты, Мещерякъ!

1-й КАЗАКЪ.

Мы твоя дружина — вольные казаки.

ЕРМАКЪ.

Вы моя дружина? Нѣтъ! У меня была дружина вѣрная, добрая, благочестивая, не подлое скопище злодѣевъ, бунтовщиковъ: вы не Ермакова дружина! Съ нею покорилъ я Пелымь, Епанчинъ, Тюмень, перешелъ рѣки и горы, и теперь хотѣлъ покорить Искеръ — вы не моя дружина!

МЕЩЕРЯКЪ (*тихо*).

Что вы слушаете его краснобайство? Принимайся!

ЕРМАКЪ.

Ты взялся за худое ремесло, Мещерякъ, и добромъ не кончишь. Я прощалъ тебя, ждалъ твоего раскаянія, но ты сдѣлался сосудомъ діавола.... Хорошо! Вы хотите моей смерти? За чѣмъ-же стало? Вотъ грудь моя! Не боитесь-ли вы, что у меня остается еще мечъ? Я брошу его! (*Бросаетъ мечъ свой*) Ѳедоръ Клуша! ты никогда не даешь промаха — нацѣль свою винтовку — стрѣляй! (*Тотъ отворачивается*) А! Такъ ты поди сюда, Миша Кулишкинъ — помнишь, какъ я вытащилъ тебя изъ Волги — стрѣляй! (*Тотъ отворачивается. Ермакъ видитъ Кузьму, держащаго хоругвь*).

Что вижу? Какъ ты смѣлъ предстать сюда съ хоругвью,
Съ священнымъ знаменемъ дружины
Великаго Царя и Государя, бунтовщикъ?
На мѣсто бунта ты дерзнулъ ее принесть?
Прочь! Не оскверняй ее нечистыми руками,
Крамольникъ старый! (*Онъ вырываетъ хоругвь у Кузьмы*)

О святое знамя!
Я изорву тебя, сожгу — не доставайся никому!

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ КАЗАКОВЪ.

Ермакъ! помилуй!

ЕРМАКЪ.

На колѣни! На колѣни!

(*Многіе становятся на колѣни*).

1-Й КАЗАКЪ.

Я не стану на колѣни! Нѣтъ!

ЕРМАКЪ.

Такъ я тебя поставлю!

(*Онъ бьетъ его, такъ, что тотъ падаетъ*)

Отнимите у него ружье и мечь — связать его!
Чего хотите вы? Какъ? Вы дерзнули
На атамана возставать? Прочь отъ хоругви!
Я васъ анаѳемѣ предамъ соборной!

ВСѢ КАЗАКИ.

Помилуй, Ермакъ, помилуй!

ЕРМАКЪ.

Я васъ прощу — отберите зачинщиковъ, покайтесь, заслужите прощеніе новыми подвигами!

КУЗЬМА.

Атаманъ! прости! Но что-жь намъ дѣлать?
Мы обносились, обнищали, босы, наги,

Кругомъ окружены врагами.

ЕРМАКЪ.

За прегрѣшенья наши испытанье
Господь намъ посылаетъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Полно, наши-ль прегрѣшенья!
Не ты-ли первый грѣшникъ!

ЕРМАКЪ.

Кто посмѣетъ
Себя назвать безгрѣшнымъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Не юли,
А признавайся! Что́, ребята, толковать?
Не онъ-ли говорилъ, что женщинъ въ нашемъ станѣ
Не будетъ? Ну, а самъ себѣ красотку подцѣпилъ,
И съ ней не разстается!

ЕРМАКЪ.

Мещерякъ!
Ты клеветникъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Ты лицемѣръ! Да, что́ — улпка на лицо —
Она подлѣ тебя!

ЕРМАКЪ.

Какъ?

МЕЩЕРЯКЪ (*схватывая за руку Марію*).

Ну, а это кто!

АНДРЕЙ.

О Боже!

ЕРМАКЪ.

Клеветникъ презрѣнный! Мой оруженосецъ,
Ѳеодоръ вѣрный, братъ Андрея, чистотою ангелъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Не ангелъ — развѣ дьяволенокъ!

ЕРМАКЪ.

Уличи его,
Ѳеодоръ! Разскажи ему, кто ты!

МАРІЯ *(падая на колѣни)*.

Ермакъ!
Прощенье!

ЕРМАКЪ.

Какъ, несчастный?

МАРІЯ.

Не Ѳеодоръ —
Я — женщина!

ЕРМАКЪ.

За чѣмъ-же ты въ нашъ станъ
Осмѣлилась....

АНДРЕЙ (*на колѣняхъ*).

Она моя жена!

ВСѢ.

Его жена!

ЕРМАКЪ *(сурово)*.

Вы знаете обѣтъ нашъ?

АНДРЕЙ.

Знаемъ!

ЕРМАКЪ.

Приготовьтесь къ смерти!

МАРІЯ.

Смерть обоимъ?

ЕРМАКЪ.

Да.

МАРІЯ.

О милый другъ!
За что́ тебя я погубила!

АНДРЕЙ.

Атаманъ!
Уже-ли всѣ труды, походы, раны — жизнь моя доселѣ,
Ничто тебя не умолитъ?

ЕРМАКЪ.

Андрей!
Не я — законъ тебя казнитъ, и — я невластенъ.

АНДРЕЙ.

Жестокосердый! Слова одного къ спасенью
Не хочешь ты сказать — не скажешь?

ЕРМАКЪ.

Не скажу,

Когда-бъ ты зналъ, какъ тяжко мнѣ отдать
Тебя... О сынъ мой!

АНДРЕЙ.

Нѣтъ! меня отдай имъ, но спаси,
Спаси ее!

МАРІЯ.

Нѣтъ! я его сгубила —
Меня казнить — ему пощада!

АНДРЕЙ.

Братья!
Ужели милости у васъ не будетъ? Развѣ
Никто изъ васъ супругомъ, сыномъ, братомъ не былъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Э! дружище! Что̀ тутъ много толковать!
Пожилъ съ женкой молодой — довольно!
Вѣдь всѣ мы думали, что атаманъ проказитъ.
Ну, виноваты, атаманъ — тутъ грѣхъ чужой!

АНДРЕЙ.

Чудовище! не оскорбляй насмѣшкой горя,
Скорби тяжкой... Нѣтъ! я не отдамъ ее!
Пусть попытаютъ вырвать изъ моихъ объятій
Тебя — умру, а не отдамъ!

КУЗЬМА.

Друзья!
Не пожалѣть-ли юность ихъ?

МЕЩЕРЯКЪ.

Спасибо!
Вотъ правосудіе — кто молодъ, да пригожъ,
Такъ и щадить? Что̀-жъ, братцы, казаки,

Что вы разрюмились? Нѣтъ! я не уступлю —
Ну, говорите, что́? Смерть?

ВСѢ.

Смерть!

МЕЩЕРЯКЪ.

Ну, атаманъ,
Рѣшай! Аль жалко стало?

ЕРМАКЪ.

Мещерякъ! не бойся.
Я жертвы отнимать не буду, но оставьте насъ...

МЕЩЕРЯКЪ.

Какъ? Что́? Зачѣмъ?

ЕРМАКЪ (*грозно*).

Оставьте насъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Аль ты проститься съ ними хочешь? Проводины
Дальныя — слезъ больше! Ну, пойдемъ, ребята!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЕРМАКЪ, АНДРЕЙ, МАРІЯ.

ЕРМАКЪ.

Сюда, дѣти мои, на грудь мою! Давно я не плакивалъ, а теперь мнѣ хотѣлось-бы выплакать глаза!

АНДРЕЙ.

Атаманъ! ты защитишь насъ?

МАРІЯ.

Ты спасешь его?

ЕРМАКЪ.

Не разрывайте души моей вашими просьбами — не ищите жалости въ душахъ людей, окружающихъ васъ — не дожидайтесь слезъ изъ глазъ ихъ — не доискивайтесь сердецъ въ ихъ груди — сердца ихъ давно окаменѣли, слезы ихъ давно высохли!

АНДРЕЙ.

Но ты властенъ...

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ! я невластенъ — обѣтъ ненарушимъ! Отдаю васъ на казнь, и — полсердца вырываю изъ груди моей... Не тяжеле было-бы мнѣ отдать палачамъ роднаго сына... Да, я и считалъ васъ дѣтьми, любилъ, какъ дѣтей... Зачѣмъ пріучили вы меня къ чувству отцовскому? Зачѣмъ вы услаждали жизнь мою радостями? И ты, бѣдная — зачѣмъ лицо твое, голосъ твой напоминали мнѣ... (*Съ ужасомъ*) О Боже! Какой страшный свѣтъ озарилъ меня, и жжетъ, палитъ меня? Господи! не допусти... Нѣтъ, нѣтъ! Вѣдь мертвецы не встаютъ изъ гробовъ? Они тамъ забываютъ страсти земныя! Они прощаютъ насъ...

АНДРЕЙ.

Марія!

ЕРМАКЪ (*съ трепетомъ отводитъ его въ-сторону*).

Развѣ ее — жену твою — зовутъ Маріею?

АНДРЕЙ.

Да.

ЕРМАКЪ.

А мать ея звали.... Да, вѣдь она не знаетъ, какъ звали мать ея! Она сама мнѣ говорила, что она не знаетъ!

МАРІЯ.

Ахъ! я не хотѣла сказать тебѣ... Бѣдная мать моя — ее также звали Маріею, Марьей Борисовной!

ЕРМАКЪ.

Ты лжешь, несчастная!

МАРІЯ.

Я не лгу. Она была красавица, говорили мнѣ.

ЕРМАКЪ.

Красавица?

МАРІЯ.

Она была дочь какого-то боярина. Но какъ запомню, она ужъ не была красавицей, она все плакала, и я съ ней плакала; и у насъ не было боярскихъ платьевъ, иногда и хлѣба у насъ не было....

ЕРМАКЪ.

А отецъ твой, отецъ твой? Онъ къ вамъ никогда не приходилъ?

МАРІЯ.

Нѣтъ! онъ не приходилъ — я никогда не видала и не знала его....

ЕРМАКЪ.

И мать твоя заставляла тебя проклинать его?

МАРІЯ.

Нѣтъ! Она всегда заставляла меня молиться за отца моего поминать его въ молитвѣ моей утромъ и вечеромъ. И вотъ

когда она умирала, она надѣла мнѣ на шею этотъ крестикъ, и говорила, чтобы я берегла его, что онъ подарокъ отца моего, что если Богъ приведетъ мнѣ его увидѣть, онъ узнаетъ меня по этому крестику....

ЕРМАКЪ.

Крестикъ?... И ты хотѣла-бы видѣть твоего отца?

МАРІЯ.

Все на свѣтѣ отдала-бы я за свиданіе съ нимъ, за его благословеніе!

ЕРМАКЪ.

А если онъ злодѣй, если онъ погубилъ мать твою, если проклятіе и убійство лежитъ на головѣ его?

МАРІЯ.

Онъ отецъ мой! Ахъ! Ермакъ! Не зналъ-ли ты его, не зналъ-ли ты отца моего?

ЕРМАКЪ.

Зналъ-ли я его?... Нѣтъ! я не зналъ его!... Марія! я слышалъ — онъ былъ очень-несчастливъ — пожалѣй объ немъ.... И всегда, когда промыслъ Божій готовилъ ему радостную минуту жизни, демоны успѣвали омрачать ее, всегда, когда онъ готовъ былъ раскаяться въ грѣхахъ своихъ, они плясали вокругъ него, и съ адскимъ хохотомъ кричали ему: «Ты нашъ! Ты нашъ! Прошедшее невозвратимо! Ха, ха, ха, ха! Невозвратимо! Не оживутъ мертвецы, а только память былаго не проходитъ, совѣсть не умретъ — только грѣхъ, какъ гробовой червь будетъ точить неусыпно, точить, пока проточитъ грѣшнику насквозь сердце, и выпьетъ изъ него послѣднюю капли крови!...

(*Слышенъ шумъ казаковъ.*)

Сюда, сюда, братья, други, палачи!

АНДРЕЙ И МАРІЯ.

Ермакъ! (*Они бросаются къ нему.*)

ЕРМАКЪ.

Сюда, скорѣе сюда! Оторвите ихъ отъ меня, ведите ихъ на казнь! Прочь ихъ! Прочь ихъ! Разтерзать ихъ! Гуляй, душа, гуляй раздольно, весело! Мещерякъ! Братъ, другъ! Точи ножъ — рѣжь, рѣжь ихъ — сперва Марію, а потомъ Андрея.... Не смотри, что изъ очей моихъ каплетъ кровь — ничего! Слезъ у меня нѣтъ, а кровь собралась здѣсь, и прихлынула къ головѣ, и вотъ она каплетъ вмѣсто слезъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же, МЕЩЕРЯКЪ, КАЗАКИ.

МЕЩЕРЯКЪ.

Атаманъ! рѣшилъ-ли ты?

ЕРМАКЪ.

Рѣшилъ! Вы правы, друзья мои! Они злодѣи, преступники! Они нарушили обѣтъ нашъ, клятву нашу — они посрамили, обезчестили нашу дружину, сонмище людей праведныхъ, чистыхъ душею, не клятвопреступниковъ, не убійцъ, не пьяницъ! Да, они причиной, что побѣда забыла насъ! Возьмите ихъ, ведите ихъ, закуйте ихъ въ цѣпи, стерегите, чтобы они не убѣжали! (*Андрея и Марію уводятъ*). Завтра мы придумаемъ имъ казнь — ты придумаешь ее, Мещерякъ! У меня мозгъ высохъ — я ничего не выдумаю!

МЕЩЕРЯКЪ.

Атаманъ! ты пугаешь меня!

ЕРМАКЪ.

Пугаю тебя? Ха, ха, ха! А я такъ тебя не пугаюсь — видишь, какъ брата обнимаю тебя.... Нѣтъ, нѣтъ! я тебя не обнимаю, а только поведу съ собой.... Не бойся! Мы не въ адъ пойдемъ — еще рано Туда позовутъ насъ, а теперь вмѣстѣ пойдемъ мы въ бой.... Ночь темна, какъ твоя совѣсть — враги не ждутъ насъ — ударимъ дружно и разсѣемъ полчища ихъ! И когда воротимся съ побѣдой, на радостяхъ побѣды зарѣжемъ Андрея и жену его! Развѣ тебѣ впервые? А помнишь — въ Сарайчикѣ, когда ты схватилъ за ноги ребенка и ударилъ его головой объ стѣну, а мать его крикнула, умерла, пришла къ тебѣ ночью, и требовала у тебя сына, и по три ночи вопила у твоего изголовья....

МЕЩЕРЯКЪ (*трепеща*).

Ермакъ!

ЕРМАКЪ.

Ничего! У всякаго есть своя змѣя, а могила всѣхъ уравниваетъ — только за могилой-то плохо намъ будетъ.... Да, что намъ! Бей сборъ! Труби походъ! На битву, на послѣднюю битву! Бунтъ вашъ прощенъ, но на битву, и горе тому, кто не побѣдитъ, и переживетъ эту битву!

ВСѢ КАЗАКИ.

Ура! На битву!

КУЗЬМА.

Атаманъ! А мнѣ отдашь-ли ты знамя, которое несъ я отъ Волги до Искера? Виноватъ — согрѣшилъ!

ЕРМАКЪ.

Богъ тебя проститъ! Кто не грѣшилъ — вотъ и Мещерякъ, и онъ грѣшилъ, и я.... На мнѣ страшные грѣхи, и наказаніе за

нихъ страшное.... А знамя я тебѣ отдамъ, но умрешь-ли ты съ нимъ? Бой будетъ ужасенъ, а ты будешь впереди всѣхъ!

КУЗЬМА.

Живой не выйду — вотъ тебѣ клятва моя!

(*Онъ схватываетъ хоругвь.*)

ЕРМАКЪ (*въ-сторону*).

А я ужели живъ останусь? Нѣтъ! Господь милосердъ! Онъ не допуститъ меня дожить до того часа, когда.... когда.... О, волосы дыбомъ и кровь мерзнетъ въ жилахъ!... Въ бой! въ бой!

(*Спѣшитъ вонъ, и за нимъ вся толпой.*)

=

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

=

СИБИРЬ, ЗОЛОТОЕ ДНО.

=

Тюрьма, освѣщаемая почникомъ. Андрей, скованный, лежитъ на скамьѣ. Слышны выстрѣлы и отдаленные звуки трубъ и бубновъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АНДРЕЙ (*одинъ*).

О, Господи! за что́ ты казнь наслалъ!
Я могъ-ли отказать ей — въ сиротствѣ ее покинуть?

А не идти — не дать обѣта... Больно, горько,
Тяжко бьется ретивое!... Гдѣ-же ты,
Моя голубка? Стая коршуновъ нечистыхъ
Не растерзала-ли тебя?... И я защитить
Тебя не могъ! И атаманъ — Охъ! Богъ ему судья!
А какъ онъ страшенъ былъ.... Тамъ бой идетъ,
И на него мечи устремлены,
А я.... Андрею горемыкѣ, видно, Богъ судилъ
Невзгоду за невзгодой!...

ЯВЛЕНІЕ II.

МИТЬКА И АНДРЕЙ.

МИТЬКА (*у окна*).

Эй! Андрюша! Тутъ ты, что-ли?

АНДРЕЙ.

Кто тамъ?

МИТЬКА.

Аль не узналъ ты Митьки кашевара?

АНДРЕЙ.

Митя!

МИТЬКА.

Погоди!

(*Онъ отпираетъ дверь и входитъ*).

АНДРЕЙ.

Ахъ! Митя!

МИТЬКА.

То-то Митя!
Всѣ Митьку кашевара дуракомъ зовутъ,

А умному народу онъ-же помогаетъ!
Что́ сталъ? Сбивай скорѣе зарукавья!

(*Снимаетъ цѣпи*).

Щей сварить такъ не сумѣютъ, а вотъ кашу
Сварить ... Ну, обними меня, хоть за спасибо!

АНДРЕЙ.

Самъ Богъ тебя благословитъ! Но гдѣ она?

МИТЬКА.

Кто?

АНДРЕЙ.

Маша!

МИТЬКА.

Вотъ о чемъ забота! Невидаль какая!
Ну, здорова!

АНДРЕЙ.

Гдѣ она?

МИТЬКА.

Опять таки! Ну, здѣсь!
Поцѣловаться что́-ли хочешь?

АНДРЕЙ.

Видѣть,
Взглянуть!

МИТЬКА.

Такъ позови ее — вотъ здѣсь она!

АНДРЕЙ (*бросается въ двери*).

Маша, Маша!

МИТЬКА (*садится въ сторонѣ и напѣваетъ:* Ивушка, ивушка).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и МАРІЯ.

МАРІЯ.

Ахъ! Андрей!

АНДРЕЙ.

Душа моя!
Теперь-то только я узналъ, съ тобой въ разлукѣ,
Любовь мою къ тебѣ! Но какъ ты здѣсь?

МАРІЯ.

Онъ, Митя, вывелъ изъ тюрьмы меня.

АНДРЕЙ.

О, благодѣтель! Богъ тебя вознаградитъ!

МИТЬКА.

Да, не за что!

МАРІЯ.

Но, что намъ дѣлать?

АНДРЕЙ.

Убѣжимъ!

МИТЬКА.

Ну, братъ! ужъ этого нельзя!

АНДРЕЙ.

Ахъ, Митя! Смерть страшна,
Позорная, мучительная смерть — и съ нею!

МИТЬКА.

А чортъ велѣлъ кутить?

МАРІЯ.

Ты пощадишь насъ!

МИТЬКА.

Что́ тутъ за пощада! Видишь, какъ раздумалъ я:
Теперь тамъ свалка — атаманъ, всѣ казаки.
Ну, слышишь-ли, какъ жарятъ? А а Сибиряки
Дерутся на смерть — самъ слѣпой Кучумъ
На битву вышелъ. Вотъ я и раздумалъ:
Андрей-то молодецъ, и пара лишнихъ рукъ
Куда нелишнія! Чѣмъ тутъ ему сидѣть,
Пущу-ка я его? Ключи со мной — изъ кашеваровъ
Меня въ тюремщики произвели....

АНДРЕЙ.

Ахъ! Митя!
Самъ Богъ тебя наставилъ! Дай мнѣ саблю,
Пищаль!

МИТЬКА.

Постой, постой — дай мнѣ мнѣ додумать:
Коли его убьютъ — ну, со святыми упокой!
Вѣдь все равно казнятъ-же завтра?
А можетъ, онъ, чортъ знаетъ, что́ успѣетъ
Надѣлать! самого Кучума за хохолъ притащитъ!

АНДРЕЙ.

Пищаль!

МИТЬКА.

Такъ ладно?

АНДРЕЙ.

Саблю, саблю!

МИТЬКА.

Мигомъ будутъ!

(*Убѣгаетъ.*)

МАРІЯ.

Андрей! ты въ битву поспѣшаешь — а меня,
Меня покинешь ты? Безжалостный! меня....

АНДРЕЙ.

Не умоляй!
Я кровью заслужу вину мою!
Здѣсь я преступникъ — тамъ я витязь буду!

МАРІЯ.

Кровава битва — тамъ убьютъ тебя!

АНДРЕЙ.

Тогда — здѣсь помяни, и радуйся — за гробомъ
Увидимся и не разстанемся....

МИТЬКА (*прибѣгаетъ*).

Ну, вотъ пищаль и сабля,
Шапка, дротикъ!

АНДРЕЙ.

О мои друзья! Пищаль моя

Завѣтная, и ты, товарищъ, сабля!

(*Онъ вооружается.*)

МАРІЯ.

Андрей! и я съ тобой!

МИТЬКА.

Ну, бабье-ль дѣло
Воевать? А намъ работы развѣ здѣсь
Не будетъ? Мы молиться станемъ!

АНДРЕЙ.

О, молись,
Молись, моя Марія! Богъ тебя услышитъ!

(*Онъ бѣжитъ.*)

МАРІЯ.

Андрей! Андрей!

(*Спѣшитъ за нимъ.*)

МИТЬКА.

А, право, ладно я придумалъ!
Ну, а все толкуютъ: Митька кашеваръ дуракъ!
Дуракъ! Вотъ — велика бѣда! Нѣтъ! Не дуракъ,
А дурень, о которомъ пѣсенка поется:

Жилъ, былъ дурень,
Жилъ, былъ блажень,
Пошелъ дурень,
Пошелъ блажень....

(*Уходитъ.*)

—

На горѣ видѣнъ Искеръ. Въ сторонѣ большой камень. Рѣдкій лѣсъ. Слышны пальба, ружейные выстрѣлы, трубы и бубны, что̀ постепенно умолкаетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕРМАКЪ, И НѢСКОЛЬКО КАЗАКОВЪ.

ЕРМАКЪ (*едва идетъ, утомленный, опираясь на ружье*).

Довольно! Сборъ трубите!

(*Трубы.*)

Совершилось!
Хвала тебѣ, хвала, Создатель! Допустилъ ты,
Моими грѣшными руками довершить побѣду!
Моими грѣшными очами созерцать
Великое паденіе Сибири!
Боже! Силы
Изнемогли.... Воды, воды мнѣ дайте!

(*Садится на камень и снимаетъ шлемъ.*)

Здѣсь палитъ меня — здѣсь тяжко ноетъ,
И голова моя горитъ!

(*Приносятъ воду въ шлемъ. Онъ пьетъ.*)

Благодарю,
Благодарю, товарищъ!

(*Отвсюду сходятся воины. Ведутъ плѣнныхъ*)

1-й КАЗАКЪ.

Атаманъ! Искеръ сдается!

ЕРМАКЪ.

Сдается?

1-й КАЗАКЪ.

Изъ Искера идутъ послы — несутъ
Вѣнецъ Кучума и ключи.

(*Ермакъ безмолвно поднимаетъ руки къ небу.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ЕРМАКЪ, КАЗАКИ, МУРЗА АЛЕЙ И СВИТА ЕГО.

АЛЕЙ.

Вождь русскихъ силъ, могучій богатырь!
Ты побѣдилъ — прими покорность нашу.
Сибирь тебѣ прислала бить челомъ.
Нашъ Царь Кучумъ бѣжалъ — Пощада!
И вотъ ключи Искера — вотъ.... О горько
Изречь — и вотъ вѣнецъ сибирскаго царя!
Помилуй!

(*Онъ становится на колѣни, и на двухъ блюдахъ подноситъ ключи и вѣнецъ.*)

ЕРМАКЪ.

Я смиренное орудье Божьей воли:
Мнѣ-ль почести? Встань, старецъ, встань —
Встань — подданный Россійскаго Царя!
Ключи Искера! О, когда-бъ могли вы отворить
Мнѣ двери милосердія Господня! .. А! Вѣнецъ!
И третье царство покорилось!
Казань Сибирь и Астрахань, какъ три алмаза,
Горятъ въ коронѣ Русскаго Царя!
Вѣнецъ Сибири! Ты, предъ коимъ трепетали
Народы сильные! Что ты, судьбы игрушка?
Кучумъ бѣжитъ изгнанникомъ изъ царства,
А ты, предметъ гордыни, зависти боязни?
Тотъ, Кто дастъ, Кто отнимаетъ власть,

Изрекъ, и ты упалъ во прахъ! Какъ бѣдны,
Величіе и гордость человѣка!
Здѣсь поставить
Вѣнецъ царя сибири! Осѣнитъ его хоругвью!
Но, гдѣ хоругвь? Гдѣ знамя наше? Гдѣ Кузьма?

2-й КАЗАКЪ.

Онъ слово далъ тебѣ живымъ не выйти,
И онъ сдержалъ его — онъ палъ въ бою.

ЕРМАКЪ.

Кузьма! спасибо! Миръ, покой твоимъ костямъ!
Блаженъ, кто палъ за родину на брани!
Но знамя наше! — неужли враги
Его схватили? Или тамъ, на полѣ битвы,
Оно повержено, святое знамя наше?
Искать его! Бѣгите!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, МЕЩЕРЯКЪ И МИТЬКА.

МЕЩЕРЯКЪ (*тащитъ Митьку.*)

Атаманъ!
Суди, казни злодѣя!

МИТЬКА.

Атаманъ! помилуй!

МЕЩЕРЯКЪ.

Онъ выпустилъ преступниковъ, злодѣй!

МИТЬКА.

Помилуй!

МЕЩЕРЯКЪ.

Нѣтъ тебѣ пощады! Убѣжали
Андрей съ женой своей!

ЕРМАКЪ (*радостно*).

Они бѣжали!

МЕЩЕРЯКЪ.

Имъ не уйти, а между тѣмъ повѣсимъ Митьку!

ЕРМАКЪ.

Мещерякъ! тебя я въ битвѣ не видалъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Какъ — не видалъ? Да, я вездѣ былъ первый,
Я билъ, рубилъ, кололъ!

ЕРМАКЪ.

Какъ воронъ плотоядный,
Ты радость намъ побѣды хочешь отравить
Зловѣщимъ карканьемъ... Не бойся! Приговоръ
Исполненъ будетъ! Правосудья, мести
Не миновать преступнику — повѣрь!

МЕЩЕРЯКЪ (*смущаясь*).

Не миновать! Да, слышишь
Бѣжалъ преступникъ?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ (*въ одной рукѣ держитъ онъ хоругвь; другая рука подвязана.*)

Атаманъ! Ура!

У ногъ твоихъ святое знамя ставлю —
Я кровью выкупилъ его въ толпѣ враговъ!

ЕРМАКЪ (*схватывая хоругвь.*)

О наша свѣтлая хоругвь! О знамя чести!
Съ тобой возвращено благословенье намъ!
Что Мещерякъ? Преступникъ самъ на казнь явился!

АНДРЕЙ (*падая.*)

Дозволь мнѣ умереть у ногъ твоихъ, Ермакъ,
И помяни — и не оставь Маріи, не оставь....

ЕРМАКЪ.

Мой сынъ!
Скорѣе рану осмотрите!

(*Казаки садятъ Андрея на камень и окружаютъ его.*)

АНДРЕЙ.

А Марія?
Марія гдѣ? Скажите, ради Бога!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и 2-й КАЗАКЪ.

2-й КАЗАКЪ.

Тамъ, по Московской по дорогѣ, атаманъ,
Къ намъ ѣдутъ гости!

ЕРМАКЪ.

Гости?

2-й КАЗАКЪ.

Царскіе бояре!

ЕРМАКЪ.

Бояре! Страшно! Радостно! Стѣснило грудь!...
Казнь? Милость? О! Ермакъ не трепеталъ,
Когда на грудь его мечи враговъ и стрѣлы
Стремились, сыпались, какъ дождь — трепещетъ онъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и кольцо.

ГОЛОСЪ КОЛЬЦА.

Гдѣ царскій воевода?

ЕРМАКЪ (*трепеща*).

Царскій воевода!
Кто царскій воевода?

ГОЛОСЪ КОЛЬЦА.

Князь Сибирскій,
Князь Ермакъ!

ЕРМАКЪ.

О, другъ, Кольцо! Онъ обезумѣлъ!
Что говоритъ онъ?

КОЛЬЦО (*вбѣгая*).

Милость! Милость! Милость!

ЕРМАКЪ.

Царь-Государь простилъ меня? О, ради Бога!
Припомни — въ каждомъ словѣ смерть и жизнь!

КОЛЬЦО.

Я видѣлъ батюшку Царя, былъ за его трапезой,

Молился съ нимъ среди ликующей Москвы,
Когда въ Успенскомъ храмѣ возглашали
Многа, многа лѣта Ермаку!

ЕРМАКЪ.

Въ Успенскомъ храмѣ?
Многа лѣта?

КОЛЬЦО.

Царь пожаловалъ тебя
Сибирскимъ княземъ, царскимъ воеводой! Слышишь?
Тебѣ несутъ дары Царя — идутъ бояре!

(*Громкій маршъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, князь БОЛХОВСКОЙ, ТОБОЛИНЪ. *Свита ихъ несетъ золотую кольчугу, золотой шлемъ, золотой кубокъ, и соболью Царскую шубу.*

КНЯЗЬ БОЛХОВСКОЙ.

Царскій воевода, князь Сибирскій, Ермакъ Тимоѳеичъ! Царь и Великій Князь всея Руссіи, и царства Казанскаго, царства Астраханскаго, царства Сибирскаго Государь и Обладатель, за твою радѣтельную службу, что покорилъ ты подъ его высокую руку царство Сибиркое, во вѣки вѣковъ, доколѣ Всевышній благоволитъ стояти міру, велѣлъ намъ благодарить тебя. И жалуетъ онъ тебя своимъ царскимъ воеводою и княземъ Сибирскимъ. И посылаетъ онъ тебѣ золотую броню, съ своего стола золотой кубокъ, съ своего плеча шубу соболиную! Изъ кубка пей во здравіе, а шубу носи на здоровье!

ЕРМАКЪ.

Кольцо! Вѣдь это не сонъ, не мечта?

КНЯЗЬ БОЛХОВСКОЙ.

Облеките Ермака Тимоѳеича царскимъ жалованьемъ!

(*На Ермака надѣваютъ шлемъ и шубу*).

Здоровъ буди царскимъ жалованьемъ! Многая лѣта Ермаку Тимоѳеичу!

ВСѢ.

Многая лѣта Ермаку Тимоѳеичу!

(*Всѣ толпятся къ нему, плачутъ, цѣлуютъ его руки.*)

ЕРМАКЪ.

Царь-Государь! благослови тебя Господь!
Нѣтъ! не въ диковинку Царю Россіи царства,
Но милостью своею удивить.... И что-жъ за диво,
Что Русскій Царь великъ и милосердъ?
Когда величіе и милость розны были?
Когда отъ трона царскаго и жизнь, и свѣтъ,
Какъ отъ небеснаго свѣтила не сіяли?

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и МАРІЯ.

МАРІЯ (*бѣжитъ и падаетъ у ногъ Ермака*).

Ермакъ, Ермакъ! прости Андрея, моего супруга!
Отдай мнѣ моего Андрея — жизнь мою отдай!

КНЯЗЬ БОЛХОВСКОЙ.

Жена безумная!

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ! не безумная она!

Внимайте, братья и судите.
Много лѣтъ
Тому прошло — разбойникъ, атаманъ злодѣевъ,
Похитилъ онъ боярыню, увезъ и бросилъ,
И бѣдная въ слезахъ увяла, дочь
Она оставила, но дочь пропала. Тяжко
Каялся разбойникъ — часто почи не спалъ;
Кровавыми слезами плакалъ онъ;
Дочь милую искалъ, не находилъ,
И наконецъ нашелъ, когда
Господь его взыскалъ, благословилъ,
И Богъ и Государь его простили,
И милостью высокой вознесли.
Но дочь его была на казнь обречена —
Все преступленье бѣдной было, что она любила,
И не разсталась съ удальцомъ, который кровью
Царю и Богу крѣпко послужилъ.

Разбойникъ — я, а дочь — вотъ, вотъ она!
Ни передъ кѣмъ, окромѣ Бога и Царя,
Доселѣ Ермака колѣна не сгибались —
Я преклоняюсь передъ вами, други, братья!

(*Онъ падаетъ на колѣни*).

Простите дочь мою и зятя! Возвратите
Сына мнѣ и дочь — и не Ермакъ, не князь и воевода —
Отецъ васъ проситъ!

ВСѢ.

Князь Ермакъ! прощаемъ!
Живи — будь здравъ!

ЕРМАКЪ (*поднимаясь*).

Андрей! Марія!
Сынъ, дочь!

АНДРЕЙ И МАРІЯ.

Отецъ! Отецъ!

ЕРМАКЪ.

Какъ сердце полно,
И радость хлещетъ черезъ край его, какъ волны!

МЕЩЕРЯКЪ.

Ну, князь сибирскій! Поздравляю, а со мной разсчетъ
Еще не конченъ — кончимъ разомъ!

(Онъ бросается на Ермака съ кинжаломъ. Ермака заслоняютъ многіе).

КНЯЗЬ БОЛХОВСКОЙ.

Стой! Держи!

МЕЩЕРЯКЪ.

Не удалось? Такъ здѣсь удастся — къ чорту
Баранъ! Чѣмъ долго ждать — одинъ конецъ!

(Закалывается).

ЕРМАКЪ.

Несчастный! Не постигъ онъ тайны
Раскаянья святаго, мира и съ людьми и съ Богомъ!
О, слава въ вышнихъ Богу! Возликуемъ, братья!
Подайте царскій кубокъ — здравіе Царя!
Дай Богъ ему здоровья, отжени печали,
И долги лѣта даруй на земли!

КНЯЗЬ БОЛХОВСКОЙ.

Спѣши въ Москву.
Тамъ ждутъ тебя почетъ, привѣтъ, и мѣсто
Въ боярской думѣ, объ руку Царя!

ЕРМАКЪ. *(задумчиво).*

Нѣтъ! Нѣтъ! Не возвращаться мнѣ на Русь святую,
Мнѣ не видать Москвы золотоглавой,
Не услаждаться сердцу царской рѣчью,
И взоромъ свѣтлымъ батюшки-Царя....

Сибирь! ты примешь кости Ермака!
Въ твоихъ волнахъ, Иртышь велиководный,
Могила влажная готова мнѣ!
Будь воля Божья! Подвигъ совершенъ!
Орелъ Россіи! ты вознесся надъ-Сибирью,
Кучума царство — волость Русскаго Царя...
И кто попралъ царя сибирскаго гордыню?
Кто Русь святую царствомъ подарилъ?
Казакъ опальный!... Не гордись, Ермакъ:
Бога во́ля вела тебя, и — горы пали,
Лѣса дремучіе раздвинулись, и во́лны рѣкъ,
Какъ предъ Израилемъ морей пучина,
Передъ тобою высохли — и мразъ, и гладъ,
И полчища враговъ — все покорилось...
О, радуйся, душа моя, весельемъ многимъ!
Но что́ со мной? Исчезло время —
Грядущаго судьба ясна моимъ очамъ!
Черезъ Сибирь, на дальныя моря
Идетъ нашъ русскій человѣкъ, и тамъ находитъ
Міръ новый — пѣнитъ море кораблями.
Индіи богатой горъ алмазныхъ
Орла крыло коснулось — на ледяныхъ грудахъ океана
Покоится другое. Волны злата
Текутъ изъ нѣдръ и изъ песковъ Сибири.
Башкирецъ, Персъ, Монголъ, Индіецъ и Китаецъ
Намъ дань несутъ... О, какъ свѣтла, ярка,
Русь-матушка! твоя грядущая судьба:
Какъ русскій умъ она свѣтла — горитъ она,
Какъ предъ иконою свѣча, безсмертнымъ свѣтомъ!
А тамъ, на берегахъ Тобола,
Въ гранитѣ мой изсѣченъ образъ,
И онъ стоитъ огроменъ, величавъ —
И свѣтлою звѣздой летаетъ надъ Сибирью
Тѣнь Ермака, и говоритъ потомокъ:
«Ермакъ Сибирью Русь святую подарилъ!

(*Умолкаетъ въ восторгѣ*).

ПРОСТИ.

(Farewell).

Изъ Байрона.

Прости! и ежели другимъ
Помочь въ странахъ надзвѣздныхъ мѣстъ
Мы въ силахъ, съ именемъ твоимъ
Взойдетъ мольба моя до звѣздъ.
Къ чему слова и стоны мукъ?
Не такъ ужасенъ изъ груди
Преступной выдавленный звукъ,
Какъ слово то: прости, прости!

* * *

Въ очахъ нѣтъ слезъ, въ устахъ нѣтъ словъ;
За-то въ мозгу, въ груди больной
Тоска, незнающая сновъ,
Недугъ мучительный и злой.
Роптать горда душа моя,
Но ей страданій не снести.
Любили тщетно мы, и я
Твержу одно: прости, прости!

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИКИ.

МАЛИБРАНЪ.

Много было толковъ о томъ, что современная слава есть лучшая награда генію, а голосъ потомства чисто-вздорная вещь. Не входя въ сущность и разбирательство такого парадокса, мы замѣтимъ только, что въ немъ заключается неопровержимая истина, по-крайней-мѣрѣ, въ отношеніи къ сценическимъ артистамъ — актеру, пѣвцу, танцору, и къ виртуозамъ-исполнителямъ! Въ-самомъ-дѣлѣ, славнѣйшіе дѣлатели на поприщѣ искусства, все-же передаютъ потомству хоть что-нибудь: живописецъ — картину, скульпторъ — статую, архитекторъ — зданіе, музыкантъ партитуру.... Но что остается грядущимъ вѣкамъ отъ актера, пѣвца, танцора, виртуоза, — ровно ничего: одна холодная или восторженная, неправдоподобная сказка объ ихъ удивительномъ искусствѣ; одно преданіе о невѣроятныхъ торжествахъ, о народныхъ успѣхахъ.... Этимъ извольте довольствоваться; по этому только судите, каковъ былъ такой-то или такая-то! Если какой-нибудь артистъ былъ дѣйствительно великъ въ своемъ искусствѣ, то похвалы, воздаваемыя ему современниками, съ измѣненіемъ нравовъ, обычаевъ, направленій, духа вѣка, покажутся потом-

камъ сомнительными, мифическими, часто потому еще, что отрасль искусства, которая въ предъидущемъ вѣкѣ стояла на высокой степени совершенства, въ вѣкѣ послѣдующемъ находится въ упадкѣ. Такъ, давно-ли существовали славные пѣвцы восемнадцатаго вѣка, между тѣмъ чудеса, производимый ими, сдѣлались для насъ невѣроятными, преувеличенными, именно потому, что уже рѣдко встрѣчаютъ ту степень совершенства пѣнія, какой достигали помянутые пѣвцы. Впрочемъ за-чѣмъ ходить такъ далеко. Давно-ли существовала славная Марія Малибранъ; давно-ли приводила въ восторгъ своимъ дивнымъ, геніальнымъ пѣніемъ всю Европу? Давно-ли Италія приходила въ какое-то изступленіе отъ ея очаровательнаго таланта? Еще и десяти лѣтъ не прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ умерла незабвенная Марія, а между-тѣмъ эффектъ, производимый ея магическимъ пѣніемъ, для тѣхъ, кто не слыхалъ ее, кажется уже преувеличеннымъ, потому-что въ настоящее время не находятъ на сценѣ даже ничего подобнаго. Самое искусство пѣнія въ текущую эпоху, начинаетъ превращаться, къ какую-то крикливую, однообразную, и весьма неизящную декламацію. Новѣйшіе пѣвцы, — чему мы сами видимъ примѣры, — начинаютъ уже считать усовершенствованіе вокализаціи дѣломъ побочнымъ для искусства. Толи дѣло горланить? Кажется скоро кончится тѣмъ, что, за недостаткомъ хорошихъ пѣвцовъ, должно будетъ замѣнить ихъ въ оперѣ какими-нибудь инструментами-автоматами! — Какъ-бы то ни было, разскажемъ сказку о дивной пѣвицѣ-волшебницѣ нашего вѣка. —

Марія Малибранъ родилась 24 марта 1808-го года въ Парижѣ, куда не болѣе, какъ за два мѣсяца предъ тѣмъ, прибылъ изъ Испаніи отецъ ея, Мануилъ Гарціа. Блистательными успѣхами этого энергическаго, великаго пѣвца и притомъ композитора, было, такъ сказать, праздновано рожденіе той, которой предназначено было сдѣлаться въ-послѣдствіи удивительнѣйшею пѣвицею своего вѣка. По четвертому году Марія послѣдовала за семействомъ своимъ въ Италію. Въ 1813 году ребенокъ игралъ уже на театрѣ Фіорентини въ Неаполѣ дѣтскую роль въ *Агнесѣ* — оперѣ Пэра. Послѣ нѣсколькихъ представленій этой оперы маленькая Марія такъ хорошо запомнила музыку, что вдругъ принялась пѣть партію Агнесы, въ прекрасномъ дуэтѣ втораго акта, и удивленная публика, съ восхищеніемъ апплодировала неожиданной смѣлости ребенка, такъ много обѣщавшаго въ будущемъ. Чрезъ два года потомъ Пансеронъ, находившійся въ Неаполѣ, на-

чалъ учить Марію пѣнію, а Герольдъ, тоже пріѣхавшій туда, преподавалъ ей первоначальные уроки на фортепьяно. — Въ 1816 году Гарціа оставилъ Неаполь и переселился со всѣмъ семействомъ въ Парижъ, откуда въ концѣ 1817 года, переѣхалъ въ Лондонъ. Въ это время юная Марія говорила уже очень-хорошо на языкахъ испанскомъ, итальянскомъ и французскомъ; а въ теченіе двухъ лѣтъ съ половиною пребыванія въ Лондонѣ, она также хорошо ознакомилась и съ англійскимъ языкомъ. Позже, почти что шутя, выучилась нѣмецкому языку, не-смотря на его существенныя трудности. Во-время пребыванія въ Лондонѣ, Марія не оставляла упражняться въ игрѣ на фортепьяно. Уроки хорошихъ учителей и усиленныя занятія, къ которымъ принуждалъ ее отецъ, быстро развили талантъ ея, какъ піанистки; успѣхи ея на этомъ инструментѣ были до того блистательны, что когда, въ ноябрѣ 1819 года, она возвратилась съ семействомъ своимъ въ Парижъ, то уже разыгрывала сочиненія для клавесина С. Баха, котораго самъ Гарціа уважалъ и почиталъ со всею пылкостію своего испанскаго характера.

На пятнадцатомъ году жизни, для Маріи началось, такъ сказать, новое существованіе. Самъ отецъ принялся учить ее пѣнію, и своею превосходною методою развилъ высокій талантъ дочери, при посредствѣ котораго она затмила потомъ славу всѣхъ извѣстныхъ пѣвицъ своего времени. Уже въ ту эпоху можно было предвидѣть, чего должно ожидать отъ Маріи, при ея пламенной душѣ, обширномъ, чудномъ воображеніи, какими надѣлила ее природа. Не-смотря на страхъ, внушаемый строгостію отца, Марія часто предавалась порывамъ вдохновенія, которыя служатъ вѣрнымъ и явнымъ ручательствомъ проявленія генія въ искусствѣ. — Здѣсь кстати привесть анекдотъ, который можетъ показать, какъ строго обращался Гарціа съ дочерью въ преподаваніи своихъ уроковъ пѣнія. — Однажды извѣстный авторъ «Водовоза», Бульи, пріѣхалъ къ испанскому артисту, который жилъ въ то время, съ семействомъ Нальди, въ улицѣ Лувуа, и, проходя переднюю, услышалъ сквозь затворенную дверь женскій крикъ, выходившій изъ боковой комнаты. «Это кричитъ бѣдная Марія», сказалъ ему старый слуга тономъ состраданія» «ее наказываетъ баринъ за то, что она фальшиво пѣла». При этихъ словахъ, крикъ сдѣлался еще сильнѣе. Бульи вошелъ въ комнату и сказалъ Гарціа, котораго засталъ въ самомъ жару гнѣва: «Тысячу разъ прошу у васъ извиненія любезный другъ; но когда слышу женскій вопль, никакъ не могу быть спокоенъ».

Грозный отецъ выпустилъ изъ рукъ бѣдную дѣвочку, которая поспѣшно убѣжала въ уголъ и смотрѣла на своего избавителя взоромъ невыразимой благодарности. Гарціа и Бульи пошли въ рабочую комнату, гдѣ толковали о своемъ дѣлѣ больше часа. Наконецъ Бульи снова увидалъ бѣдную Марію, которая не смѣла произнесть ни одного слова; но взоръ ея ясно говорилъ: «Если ты не замолвишь за меня добраго слова, то коль-скоро уйдешь, меня опять начнутъ сѣчь». Бульи попросилъ Гарціа дать слово, что онъ не будетъ повторять своей экзекуціи, и получилъ его. Онъ приласкалъ Марію, подвелъ къ отцу, который невольно поцѣловалъ дочь свою. Тогда она крѣпко обняла поэта и шепнула ему на ухо: «Этого я никогда не забуду». Дѣйствительно, Бульи, защитникъ Маріи въ юномъ возрастѣ, остался навсегда лучшимъ другомъ ея и въ счастливое для нея время. Обстоятельство это показываетъ благородныя, прекрасныя чувства славной артистки. —

Въ 1824 году Марія дебютировала въ первый разъ въ музыкальномъ кругу любителей, изъ которыхъ Гарціа пытался было въ-послѣдствіи составить постоянное общество. Юная пѣвица произвела живѣйшее впечатлѣніе, и всѣ, слышавшіе ее тогда, не сомнѣвались, что славная будущность предназначена таланту Маріи, еще столько юному. — Чрезъ два мѣсяца послѣ этого Гарціа отправился въ Лондонъ, въ качествѣ перваго тенора королевскаго театра. Въ столицѣ Англіи славный артистъ открылъ курсы пѣнія, и здѣсь-то окончено было вокальное образованіе Маріи. Случившаяся болѣзнь Пасты поблагопріятствовала первой вскорѣ появиться на сценѣ. Въ два дни она выучила всѣ речитативы *Севильскаго цирюльника*; прочія мѣста оперы этой знала еще прежде. Наконецъ, 7 іюня 1825 года Марія дебютировала въ п вый разъ на сцен . въ роли *Розины*. Публика такъ благосклонно приняла новую пѣвицу, что дирекція театра тотчасъ-же ангажировала ее, за 500 фунтовъ стерлинговъ, на весь остальный сезонъ (около 6-ти недѣль). — 23-го іюля Марія исполняла роль Фелиціи въ первомъ представленіи *Crociato* Мейербера. — По окончаніи сезона, Гарціа со всѣмъ семействомъ и съ дочерью посѣтилъ Манчестеръ, Іоркъ и Ливерпуль, гдѣ они пѣли на музыкальныхъ торжествахъ. Въ послѣднемъ городѣ артистъ сѣлъ на корабль и переѣхалъ въ Америку. Тамъ онъ принялъ на себя содержаніе Нью-Іоркскаго театра, и здѣсь-то талантъ Маріи укрѣпился, получилъ ту твердость и основательность, которыя пріобрѣтаются только на сценѣ. Тамъ удиви-

тельныя способности ея развивались прогрессивно въ *Отелло Ромео*, *Донъ Жуанѣ*, *Танкредѣ*, *Чеперентолѣ* и въ *Amante astuto* и *Figlia dell'aria* — двухъ операхъ, написанныхъ собственно для дочери геніальнымъ отцомъ ея. Появленіе Маріи на сцену, въ каждомъ спектаклѣ возбуждало неистовый энтузіатмъ въ Американцахъ. Въ это время жилъ въ Нью-Іоркѣ французскій негоціантъ Малибранъ, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ; онъ считался богачомъ, хотя дѣла его съ давняго времени находились уже въ разстроенномъ положеніи. — Марія ему приглянулась; онъ испросилъ у Гарціа руку его дочери и получилъ согласіе, не-смотря на отвращеніе, какое она питала къ подобному союзу. Сватьба отпразднована была 25 марта 1826 года. — Бракъ этотъ не былъ, да и не могъ быть счастливымъ. Вѣроятно, мало найдется примѣровъ, чтобы соединялись бракомъ люди съ такими несходными характерами, каковы были Малибранъ и его супруга. Съ душою, въ высшей степени эксцентрическою, восторженною; страстно обожавшая искусство, жаждавшая славы и успѣховъ на поприщѣ сценическомъ, — Марія не могла понравиться и жить въ ладу съ негоціантомъ, который надѣленъ былъ умомъ холоднымъ, разсчетливымъ, и привыкъ къ регулярной, почти механической жизни. — Не прошло и года, какъ мужъ Маріи нашелся вынужденнымъ объявить свое банктротство. Самъ онъ не могъ оставить Америку до-тѣхъ-поръ, пока не устроятся дѣла его. Но Марія была свободна. Въ августѣ 1827 года она покинула Нью-Іоркъ, и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ прибыла во Францію.

Прежде, нежели Малибранъ вступила опять на европейской материкъ, журналы провозгласили уже талантъ ея чудомъ современной эпохи; они-же возвѣстили прибытіе ея въ Парижъ, и блестящіе успѣхи въ парижскихъ салонахъ ожидали Марію прежде дебюта ея предъ публикою. Наконецъ, въ январѣ 1828-го года, Малибранъ явилась на сценѣ Итальянской оперы въ *Семирамидѣ*, которая дана была въ бенефисъ славнаго basso-cantante — Галли. Геніальность пѣнія, новость фіоритуръ и нѣкоторыя проблески высокаго драматическаго чувства, ясно показывали, что̀ выйдетъ изъ этой молодой пѣвицы, не-смотря на то̀, что душевное волненіе, робость, вредили во многихъ мѣстахъ оперы надлежащему развитію ея рѣдкихъ способностей. Впрочемъ, въ ансамблѣ ея пѣнія замѣченъ былъ недостатокъ вкуса, ибо она уже слишкомъ много употребляла разнородныхъ украшеній и пассажей, не разбирая, есть-ли между ними необходимая связь,

и согласуются-ли онѣ съ мелодіею или даже съ гармоніею. Нѣсколько критическихъ замѣчаній въ журналахъ, частые случаи слышать хорошія произведенія, а всего болѣе удивительный природный инстинктъ, вскорѣ сообщили лучшее направленіе таланту геніальной артистки. Ангажированная къ Итальянской-оперѣ, Малибранъ явилась тамъ въ первый разъ 8-го апрѣля, и уже замѣтна была значительная перемѣна въ манерѣ ея пѣнія; она поняла справедливость критикъ, сдѣланныхъ послѣ перваго ея опыта. Однакожъ немногіе угадали тогда все могущество таланта славной пѣвицы. Казалось, самая публика находилась въ нерѣшимости, и только уже послѣ появленія въ *Отелло*, *Ченерентолѣ*, *Сорокѣ-воровкѣ*, артистка заняла наконецъ, въ общемъ мнѣніи, мѣсто первой пѣвицы своего времени. Въ операхъ этихъ Малибранъ показала свое неистощимое вдохновеніе, а новость и богатство идей доставляли ей случаи при каждомъ представленіи производить совершенно новые и разнообразные эффекты. Соединяя въ протяженіи своего чудеснаго органа два голоса — контральто и высокое сопрано, она приводила въ изумленіе всѣхъ слушателей, переходя изъ одного голоса въ другой, пассажами смѣлыми, быстрыми и непоходившими ни на что, дотолѣ слышанное. При всемъ разнообразіи своего пѣнія, Малибранъ обладала удивительнымъ талантомъ въ драматическомъ дѣйствіи и выраженіи. Хотя, впрочемъ, жаждая славы народной, одобреній и восторговъ массы, артистка допускала иногда довольно-странныя выходки и не пренебрегала ничѣмъ, для достиженія своей цѣли. Она рѣшалась даже прибѣгать къ нѣкоторымъ маленькимъ пособіямъ шарлатанизма, не смотря на то, что въ подобныхъ продѣлкахъ нуждалась меньше, нежели кто-либо другой!...

Въ это время Малибранъ жила съ семействомъ Нальди, которое нѣжно ее любило и обращалось съ нею, какъ съ ближайшею родственницею. Одинъ докторъ и другъ Нальди сопровождалъ всегда славную пѣвицу въ прогулкахъ верхомъ, слѣдовалъ за нею на охоту, — словомъ, исполнялъ при ней должность самаго усерднаго cavaliere servente. Хотя Малибранъ вполнѣ понимала выгоду имѣть возлѣ себя такого провожатаго, который по лѣтамъ и званію не могъ сдѣлаться предметомъ злословія, и служилъ ей защитникомъ отъ нападеній, которыя молодые, богатые и знатные дюди дѣлали на ея сердце; однакожь, при своемъ игривомъ, живомъ и веселомъ характерѣ, все это не мѣшало ей иногда посмѣяться или подшутить надъ докторомъ. Малибранъ была очень-дружна съ графинею Сп., и въ ея-то замкѣ сыграла съ

докторомъ шутку, которая можетъ показаться невѣроятною, но въ истинѣ которой ручались многіе. Вотъ она. Однажды молоденькая, хорошенькая крестьянка пришла къ доктору просить у него совѣта, на-счетъ болѣзни своей матери. По разсказамъ крестьянки, доктору показалось, что болѣзнь старухи происходитъ не столько отъ внутренняго разстройства, сколько отъ истощенія силъ, и онъ предписалъ ей бордосское вино съ сахаромъ; но полагая, что въ сосѣдней деревнѣ нельзя найти хорошаго вина, выпросилъ его у графини Сп. — На слѣдующій день, хорошенькая крестьянка является снова, одѣтая въ праздничное платье, и объявляетъ доктору, что мать ея выпила за одинъ разъ всѣ бутылки, которыя онъ далъ ей, и что этотъ пріемъ сдѣлалъ больной значительную пользу. Докторъ, предписавшій употребленіе вина только по одному стакану въ день, сталъ сердиться, потому-что больная, не слѣдуя его приказаніямъ, могла-бы только усилить свою болѣзнь. Гнѣвъ этотъ вскорѣ однакожъ прошелъ и превратился въ смѣхъ, когда молодая крестьянка старалась доказать ему, что матери ея было гораздо-лучше вылечиться въ одинъ день, принявъ вдругъ все лекарство, чѣмъ лечиться цѣлую недѣлю. Красота, остроуміе и любезность молодой дѣвушки, а также разные предлоги продлить свой разговоръ съ докторомъ, все это казалось ему чѣмъ-то необыкновеннымъ. За обѣдомъ онъ много толковалъ объ этомъ, дѣлая разныя предположенія. Малибранъ и графиня Сп. увѣряли доктора, что молодая крестьянка, вѣроятно, влюбилась въ него и что именно потому приходитъ такъ часто и остается съ нимъ наединѣ довольно-долго. Бѣдный докторъ находился въ затруднительномъ положеніи, но не могъ также и согласиться, что оно несправедливо. Съ одной стороны, ему казалось ненатуральнымъ, чтобъ въ его лѣта можно было внушить любовь; съ другой самолюбіе говорило ему, что это было неневозможно. Желая узнать хорошенько, въ чемъ было дѣло, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ новаго посѣщенія. Крестьянка не заставила себя дожидаться. На слѣдующій день, молодая дѣвушка явилась къ доктору; но въ этотъ разъ она была уже не въ праздничномъ платьѣ, а въ траурѣ, и, со слезами на глазахъ, объявила доктору, что мать ея умерла въ припадкѣ сильнѣйшей горячки. — «Вѣдь я говорилъ, что это случится, а всему причиною бутылки вина.» — Слова эти, сказанныя въ порывѣ сильнаго гнѣва, произвели въ минуту магическое дѣйствіе: онѣ превратили молодую дѣвушку въ артистку, которая мистифировала стараго доктора. Громкій смѣхъ, но уже

не грубый, не простодушный, а смѣхъ, заключавшій въ себѣ звуки того чуднаго голоса, которому такъ часто удивлялись въ вышепоказанныхъ операхъ, — поразилъ слухъ остолбенѣвшаго доктора. Предъ нимъ была Малибранъ, которую онъ, видя каждый день, не могъ узнать въ костюмѣ крестьянки, потому-что она обладала необычайнымъ искусствомъ измѣнять черты лица своего до невѣроятности.

Когда администрація парижской Италіянской-оперы положила правиломъ закрывать на лѣто свою залу и давать спектакли только съ начала октября до конца марта, то главные пѣвцы оперы стали заключать контракты съ лондонскимъ Королевскимъ-театромъ, сезонъ котораго начинался не раньше 1-го апрѣля. Уже въ 1828 году знаменитая Зонтагъ своимъ превосходнымъ талантомъ производила энтузіастическій восторгъ въ Kings-theatre, въ концертахъ и на музыкальныхъ торжествахъ, въ Лондонѣ. Въ 1829 году Малибранъ также рѣшилась побывать въ столицѣ Англіи, дабы одержать побѣду надъ тою, которую противупоставляли ей, какъ могучую соперницу. Однако-жъ артистка жестоко ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ, ибо пальма первенства не осталась за нею, а тріумфъ раздѣлился между обѣими пѣвицами. Но за то, обѣ вмѣстѣ оставили Англичанамъ воспоминаніе о двухъ превосходныхъ талантахъ въ различномъ родѣ. Первая являлась въ исполненіи великою, возвышенною, чудною, а иногда неровною и неправильною; вторая, менѣе возвышенная, но отличалась чистотою и совершенствомъ исполненія, и всегда руководима была нѣжнымъ, изящнымъ вкусомъ. — По возвращеніи въ Парижъ осенью того-же года, обѣ знаменитыя пѣвицы раздѣлили между собою любовь публики. Участвуя вмѣстѣ въ нѣкоторыхъ піесахъ, онѣ представляли чудеснѣйшій, никогда неслыханный ансамбль. Слушая ихъ въ *Танкредѣ*, *Семирамидѣ*, *Донъ-Жуанѣ*, Парижане приходили въ неизъяснимый восторгъ и выражали свое удовольствіе непстовыми аплодисментами и криками удивленія. — Впрочемъ надобно правду сказать, что въ то время весь составъ парижской Италіянской-оперы, былъ такъ хорошъ, что едва-ли въ новѣйшее время гдѣ-либо бывалъ подобный. Примадоннами были: *Малибранъ*, *Зонтагъ*, *Блазисъ* (превосходная пѣвица, умершая въ молодости) и *Пизарони* (первый контральтъ Италіи); теноры: *Бордоньи* и *Донцелли*, basso-cantante — *Зюккелли*, и многіе другіе отличные артисты.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1830 года, администрація Итальянскаго-Театра возобновила ангажементъ Малибранъ, съ условіемъ платить

за каждое представленіе по 1075 франковъ. — Вскорѣ послѣ того Зонтагъ вышла замужъ за графа Росси, въ то время Сардинскаго посланника въ Гагѣ, и навсегда покинула сценическое поприще. — Многіе говорятъ, что каждое появленіе Зонтагъ на сцену имѣло благодѣтельное вліяніе на развитіе таланта Малибранъ. Оно побуждало ее заниматься усовершенствованіемъ своего таланта, дабы стать на равную степень съ своею соперницею. Каждый разъ, когда громкое изъявленіе энтузіазма слѣдовало за пѣніемъ и игрою Зонтагъ, Малибранъ убѣгала изъ театра, бросалась на диванъ и заливаясь слезами, съ ребяческимъ простодушіемъ говорила: «Боже мой! За-чѣмъ она поетъ такъ прекрасно!» Впрочемъ оставшись одна, Малибранъ доказала, что не соперничество заставляло ее ревностно изучать искусство. — Талантъ ея съ каждымъ днемъ принималъ характеръ болѣе возвышенный; вокализація ея все болѣе и болѣе совершенствовалась. Она продолжала пѣть попеременно то въ Парижѣ, то въ Лондонѣ, и успѣхи ея съ каждымъ сезономъ пріобрѣтали болѣе блеска и росли въ неимовѣрной прогрессіи. — Въ 1830 же году Марія свела связь съ скрипачомъ Беріо и съ-тѣхъ-поръ артисты уже не разставались. Въ 1831 году они купили домъ въ Брюсселѣ, а потомъ устроили себѣ прелестное жилище въ одномъ изъ предмѣстій того города, и каждое лѣто проводили тамъ нѣсколько мѣсяцовъ, отдыхая отъ зимнихъ трудовъ. — Въ началѣ іюня 1832 года, когда свирѣпствовала въ Парижѣ холера, Лаблашъ возвращался изъ Англіи въ Италію, и въ проѣздъ чрезъ Бельгію, видѣлся тамъ съ Беріо и Малибранъ. Славный пѣвецъ шутя предложилъ имъ съѣздить въ Неаполь. Пылкому воображенію необыкновенной женщины, какимъ одарена была Малибранъ, не могла не понравиться подобная мысль и чрезъ нѣсколько часовъ послѣ разговора объ этомъ, всѣ трое уже летѣли въ почтовой каретѣ, по дорогѣ въ Италію.

Съ-этихъ-поръ начинается новая эпоха артистической жизни Малибранъ, если не болѣе блистательная, то по-крайней-мѣрѣ, болѣе бурная, и слѣдовательно, вполнѣ согласная съ ея характеромъ и наклонностями. По прибытіи въ Миланъ, Малибранъ пѣла тамъ на нѣсколькихъ вечерахъ у губернатора герцога Висконти. — Пѣніе, въ высшей степени новое, необычайное, — нѣжное и вмѣстѣ съ тѣмъ сильное, — привело въ величайшій восторгъ всѣхъ слушателей. Вообще поѣздка Малибранъ въ Италію составила для ней рядъ нескончаемыхъ тріумфовъ. Шесть представленій, данныхъ знаменитою пѣвицею на театрѣ *Valle*, въ Римѣ, изумили и восхи-

тили публику «вѣчнаго города». Въ началѣ августа, дебютъ въ Неаполѣ и тотъ-же успѣхъ. Въ концѣ сентября Малибранъ дебютировала въ Болоніи, гдѣ фанатизмъ публики дошелъ до чрезвычайной степени. Словомъ, пѣвица произвела здѣсь восторгъ, невиданный и неслыханный въ этомъ мирномъ городѣ. Болонцы не ограничились простыми аплодисментами, но изваяли мраморный бюстъ восхитившей ихъ пѣвицы, съ торжествомъ увѣнчали его и поставили въ своемъ театрѣ.

Возвратясь, въ ноябрѣ, въ Брюссель, Малибранъ подарила свѣту дочь (у нея былъ уже сынъ), которая однакожъ не осталась въ живыхъ. Весною 1833 года, славная пѣвица, прибывъ въ Лондонъ, играла тамъ въ англійской оперѣ на Друриленскомъ-театрѣ, который ангажировалъ ее на 40 представленій за 80,000 франковъ; къ чему надобно прибавить еще сборъ отъ двухъ бенефисовъ, простиравшійся до 50,000 франковъ. Получаемая Малибранъ плата за свое очаровательное пѣніе ежегодно увеличивалась въ неимовѣрной прогрессіи, какой еще не бывало примѣра. Такъ въ маѣ и іюнѣ 1835, лондонская итальянская опера заплатила ей за 24 представленія 2775 фунт. стерл. (69,375 фр.). Въ томъ-же году Малибранъ заключила контрактъ съ Миланскимъ театромъ на 185 спектаклей за 420,000 франковъ. Наконецъ, въ апрѣлѣ и маѣ 1836 года, она получила за 20 представленій огромную сумму 2,375 фунт. стерл. (59,375 франк.). А когда умерла, то оказалось, что у нея заключено контрактовъ съ разными театрами, почти на 600,000 франковъ.

Въ Лондонѣ она пѣла въ *Сонамбулѣ*, Беллини, и въ *Фиделіо* Бетховена (въ англійскихъ переводахъ). Потомъ возвратилась въ Неаполь, гдѣ оставалась до мая 1834-го года; послѣ отправилась въ Болонью, а оттуда въ Миланъ. Въ это время гремѣли по всей Италіи ея неслыханные успѣхи, и вездѣ повторялось имя ея съ неописаннымъ энтузіазмомъ. Въ Миланѣ Малибранъ дебютировала въ *Нормѣ*, въ которой незадолго предъ тѣмъ блистала тамъ Паста. Но успѣхъ новой пѣвицы заставилъ позабыть успѣхи великой трагико-лирической актриссы. Однакожъ Малибранъ участвовала только въ четырехъ представленіяхъ, потому-что поспѣшала въ Лондонъ, чтобы пѣть тамъ въ концертѣ, назначенномъ въ пользу ея брата, Мануэля-Гарціа. Пребываніе ея въ Лондонѣ въ этотъ разъ, было также самое непродолжительное. Въ іюлѣ она опять уже явилась въ Сенигалію, и пѣла тамъ во-время ярмарки. Въ августѣ мѣсяцѣ Малибранъ переѣхала въ Лукку, гдѣ ожидало ее новое торжество. По выходѣ изъ театра, послѣ

послѣдняго представленія, народъ выпрягъ лошадей изъ экипажа ея, и съ тріумфомъ везъ на себѣ до занимаемой ею квартиры. Въ сентябрѣ славная пѣвица возвратилась въ Миланъ, гдѣ герцогъ Висконти заключилъ съ нею контрактъ на многочисленный рядъ представленій, съ платою за каждое по 2,500 франковъ. Здѣсь артистка оставалась почти до самаго карнавала, потомъ переѣхала въ Неаполь, гдѣ, въ теченіе всей масляницы, пѣла на театрѣ Санъ-Карло. Во-время пребыванія ея въ Миланѣ, случилось съ нею непріятное приключеніе: карета ея, при поворотѣ изъ одной улицы въ другую, опрокинулась, и она вывихнула себѣ руку. Несчастіе это было такъ велико, что въ теченіе 15-ти дней, Малибранъ не могла являться на сцену, и даже потомъ уже, когда снова предстала предъ публику, то нѣсколькихъ представленіяхъ играла съ подвязанною рукою. По окончаніи сезона, артистка поѣхала изъ Неаполя, 4-го марта 1835-го года, въ Венецію. По приближеніи гондолы ея къ берегу, торжественные звуки трубъ возвѣстили прибытіе славной пѣвицы. Несмѣтныя толпы покрывали набережныя, и стеченіе народа до такой степени увеличилось потомъ, что когда Малибранъ шла чрезъ площадь св. Марка, то испугалась тѣсноты и укрылась въ церковь. Само-собою разумѣется, что въ храмъ тотчасъ-же нахлынули цѣлыя массы народа. Наконецъ, съ большимъ трудомъ успѣли проложить дорогу знаменитой пѣвицѣ къ назначенной для нея отели. Талантъ ея вполнѣ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Венеціянъ, и энтузіазмъ ихъ доходилъ до изступленія. Изъ Венеціи Малибранъ прибыла въ Парижъ, гдѣ оставалась лишь нѣсколько дней, и переѣхавъ въ Лондонъ, пѣла тамъ во весь лѣтній сезонъ. Въ августѣ она возвратилась въ Лукку, гдѣ ожидала ее нарочно-написанная для нея Персіани опера: *Ines de Castro*. Зиму Малибранъ провела въ Миланѣ. Энергія драматическаго ея пѣнія, казалось, пріобрѣла новое развитіе въ *Maria-Stuarta*, Доницзетти. Въ эту-же зиму, главный парижскій судъ объявилъ бракъ Маріи съ Малибранъ недѣйствительнымъ, подъ предлогомъ, что будто-бы онъ не былъ утвержденъ формальнымъ образомъ, подлежащими властями въ Нью-Іоркѣ. 29 марта 1836 года, празднована въ Парижѣ свадьба ея съ Беріо, и на другой день послѣ того, супруги отправились въ Брюссель, гдѣ явились предъ публикою въ первый разъ въ концертѣ, даномъ въ пользу бѣдныхъ, а потомъ въ собственномъ концертѣ, въ залѣ Королевскаго театра.

Среди упоенія своими блистательными успѣхами, Марія не предвидѣла въ будущемъ ничего, кромѣ славы и благоденствія; но грозная, неумолимая судьба рѣшила иначе. Прибывъ въ Лондонъ, въ концѣ апрѣля мѣсяца, знаменитая пѣвица, во-время прогулки верхомъ, которую она такъ любила, упала съ лошади, и послѣдствія этого роковаго случая были самыя прискорбныя. Испуганная лошадь тащила ее по мостовой на довольно-значительномъ разстояніи, такъ, что Марія изранила себѣ все лицо и получила нѣсколько жестокихъ контузій въ голову. Съ своею энергическою волею, она, казалось, преодолѣла такое несчастіе, возвратилась потомъ въ Брюссель, а оттуда ѣздила еще въ Ахенъ, гдѣ вмѣстѣ съ мужемъ давала два концерта. Но въ это время она была уже совершенно не то, что прежде: бѣдная Марія сама на себя не походила; характеръ ея измѣнился, сдѣлался мрачнымъ, и друзья поняли, что пагубное паденіе съ лошади имѣло вредное вліяніе на мозгъ ея. — По заключенному контракту, Малибранъ отправилась въ Англію, чтобы участвовать тамъ на музыкальномъ праздникѣ въ Манчестерѣ. Въ первый день этого празднества артистка пѣла благополучно; но на другой день, спѣвъ дуэтъ изъ *Andronico*, съ пѣвицею Карадори, несчастная Марія упала въ обморокъ. Ее отнесли домой. Лишь только она пришла въ чувство, съ нею начались жесточайшія конвульсіи. Не-смотря на всѣ медицинскія пособія, болѣзнь быстро развивалась, и 23-го сентября 1836 года, незабвенная артистка скончалась въ мучительныхъ страданіяхъ нервной лихорадки, 28-ми лѣтъ отъ роду. — Такова была смерть величайшей пѣвицы изъ всѣхъ, прославившихъ искусство своими талантами. Таковъ былъ преждевременный конецъ славной Маріи Малибранъ, которую неумолимая смерть въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ похитила у друзей и у музыкальнаго міра. — Ей сдѣлали въ Манчестерѣ великолѣпныя похороны, и сначала городъ хотѣлъ даже удержать смертные остатки знаменитой артистки, но потомъ, уступивъ требованіямъ, возвратилъ прахъ ея роднымъ покойной, которые привезли его въ Брюссель и предали землѣ, съ величайшею пышностью, на кладбищѣ Лекена. — Беріо поставилъ супругѣ своей великолѣпный мавзолей, съ мраморною статуею Маріи, работы славнаго скульптора Грефса.

Много было различныхъ и совершенно-противоположныхъ мнѣній о талантѣ Малибранъ; но никто не могъ оспаривать того, что Марія обладала качествами, которыя утверждали за нею первенство надъ всѣми другими пѣвицами ея времени и въ томъ-

же родѣ. Качества эти составляли принадлежность генія, который изобрѣтаетъ формы, создаетъ изъ нихъ типы и заставляетъ не только что принимать ихъ, но и подражать имъ. Природа надѣлила Малибранъ обширнымъ о́рганомъ, который въ протяженіи своемъ, около трехъ октавъ, соединялъ высокое сопрано и контральтъ. При полнотѣ, силѣ, звучности, выразительности, нельзя сказать однако-жъ, чтобы голосъ ея былъ уже вполнѣ прекрасенъ; въ немъ замѣтны были довольно-значительные недостатки, особенно въ среднихъ звукахъ (въ medium), которыя у нея были глуховаты и неровны. — Чтобы побѣдить эти несовершенства своего органа, артистка должна была каждое утро упражняться въ вокализаціи. Отъ природы Малибранъ надѣлена была выразительною чувствительностію; въ ея выходкахъ и выборѣ украшеній всегда проявлялась смѣлость, часто удачная, иногда довольно-дурнаго вкуса, а постоянное стремленіе соединять пространство двухъ голосовъ, контральто и сопрано, портило ея о́рганъ. И все-таки это не потому, чтобы Малибранъ не имѣла хорошаго вкуса; но, изыскивая всевозможныя средства для пріобрѣтенія успѣха народнаго, она весьма-часто, для удовольствія публики, непостигающей истиннаго искусства, исполняла то́, что́ въ душѣ своей находила дурнымъ и пензящнымъ. — Фетисъ старшій часто дѣлалъ ей упреки за подобную слабость. Онъ говорилъ ей: «Вы достигли до такой высокой степени совершенства въ искусствѣ, что вамъ надобно стараться, чтобы публика повиновалась вамъ, а не вы ей.» Но она всегда отвѣчала: «Милый мой ворчунъ, (любимое выраженіе въ разговорѣ съ нимъ): въ залѣ, гдѣ я пою, бываетъ неболѣе двухъ или трехъ знатоковъ; не отъ нихъ зависитъ мой успѣхъ, а его-то мнѣ и нужно. Когда буду пѣть для васъ однихъ, то стану поступать совсѣмъ иначе.» За-всѣмъ-тѣмъ Малибранъ была пѣвица съ высокимъ стилемъ, и когда умѣла избѣжать преувеличеній, стараясь остаться при истинномъ выраженіи, — исполненіе ея становилось безукоризненнымъ; тогда она достигала до высочайшей точки совершенства, и одна она могла подать понятіе о достоинствѣ дивныхъ пѣвцовъ восемнадцатаго вѣка. Ко всему этому надобно присоединить, что Малибранъ была великая актриса. Чтобъ вполнѣ постигнуть все величіе таланта необыкновенной женщины, надобно было слышать ее на сценѣ. Тамъ воображеніе ея воспламенялось, счастливѣйшія импровизаціи лились рѣкою, проявлялись неслыханно смѣлыя выходки, и никто немогъ противустать увлеченію ея въ высшей степени выразительнаго и патетическаго

пѣнія. Въ концертѣ часть этихъ преимуществъ исчезала, — въ залѣ она не производила такого эффекта. Нерѣдко случалось, что Малибранъ играла холодно въ первыхъ сценахъ какой-либо оперы. На этотъ счетъ она обыкновенно отвѣчала: «Публика кажется мнѣ корзиною, наполненною погашенными свѣчами. Если вдругъ развесть между ними большой огонь, то онѣ растаютъ; если-же зажигать ихъ постепенно, то онѣ доставятъ прекрасное освѣщеніе. Вотъ почему я зажигаю свою публику мало-по-малу.» —

Малибранъ написала много *ноктурнъ*, *романсовъ* и *пьесенокъ*. Изъ напечатанныхъ замѣчательны: Réveil d'un beau jour; Voix qui dit: je t'aime; Village; Tarentelle; Refrains; Rataplan; Bayadère; Résignation; Ménestrel; Enfans, ramez; Retour de la Tyrolienne. — По смерти Маріи собраны нѣкоторыя ея легкія произведенія послѣднихъ годовъ и напечатаны альбомомъ: «Dernières pensées musicales etc.» — Портретовъ Малибранъ множество; но лучшій тотъ, гдѣ она изображена въ роли Дездемоны, съ шотландскою арфою.

НА ЗОВЪ ДРУЗЕЙ.

(Изъ А. Барбье).

Къ чему вашъ зовъ, друзья? Тревожною тоскою,
Веселый, шумный пиръ къ чему мнѣ отравлять?
Въ восторженыхъ стихахъ, за влагой золотою,
Не въ силахъ Вакха я, какъ прежде, прославлять.

* * *

Не веселитъ меня разгульное похмѣлье,
И не кипитъ во мнѣ отвагой прежней кровь;
Исчезло дней былыхъ безумное веселье,
Исчезла дней былыхъ безумная любовь!

* * *

А, кажется, давно-ль, исполненъ упованья,
Довѣрчиво я взоръ въ грядущее вперялъ?
Не вѣдала душа сомнѣній и страданья,
И простодушно я о счастьи помышлялъ?

* * *

Въ ужасной наготѣ еще не представали
Мнѣ бѣдствія тогда страны моей родной;
И муки братьевъ духъ еще не возмущали;
Но нынѣ онъ прозрѣлъ — и чуждъ ему покой!

* * *

Вхожу-ли я теперь въ палаты золотыя,
Гдѣ въ наслажденьяхъ жизнь проводитъ сибаритъ,
Гляжу-ль я на дворцы, на храмы вѣковые —
Все мнѣ о вѣковыхъ страданьяхъ говоритъ!

* * *

Сижу-ли, окружонъ шумящею толпою,
На пиршествѣ большомъ, — мнѣ слышенъ звукъ цѣпей;
И предстаетъ вдали, какъ призракъ, предо мною
Распятый на крестѣ Великій Назарей!...

* * *

И стыдно, стыдно мнѣ! Отъ мѣста ликованья,
Взволнованъ, я бѣгу подъ мой смиренный кровъ;
Но тамъ гнететъ меня ничтожества сознанье,
И душу всю тогда я выплакать готовъ!

* * *

Счастливъ, кто прожилъ вѣкъ безъ тягостныхъ сомнѣній,
Кто взоры устремлялъ съ надеждой къ небесамъ;
Но я о счастьи томъ не знаю сожалѣній,
И за него моихъ страданій не отдамъ!

* * *

О! не зовите-жь вы меня, я умоляю,
Веселые друзья, на шумный праздникъ вашъ,
Ужъ бога гроздій я давно не прославляю!
И не забыться мнѣ подъ говоръ звонкихъ чашъ!...

А. П.Л . . . . . Ъ.

О НАЧАЛѢ ТЕАТРА

ВЪ

РОССІИ.

Театральныя представленія, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, служили самымъ дѣятельнымъ распространителемъ, быстрымъ проводникомъ образованности, какъ умственной, такъ и эстетической. Люди, даже низкаго званія, для которыхъ недоступна грамота, посѣщая театръ, вознаграждаютъ себя за лишеніе блага, котораго всей цѣны они и не подозрѣваютъ. Что-бы ни говорили суровые защитники строгой нравственности противъ сценическихъ представленій, но польза театра для развитія образованности между народомъ, и особенно низшимъ классомъ его, неоспорима. Скажутъ, что піесы, даваемыя на театрахъ, не всегда имѣютъ содержаніемъ и цѣлью поддержаніе *доброй нравственности*: — согласенъ; но 1-е, abusus non tollit usum, а 2-е, и въ книгахъ еще легче могутъ заразиться безнравственными правилами тѣ, кои, по природѣ, легко воспринимаютъ ядъ. Все имѣетъ хорошую и дурную сторону, смотря по тому, какъ вещью пользуются. И театръ также. Но сумма добра, разливаемаго театраль-

ными представленіями, значительно превышаетъ сумму зла, которое *можетъ* онъ *нѣкоторымъ* доставить. Периклъ однимъ распоряженіемъ объ увеличеніи Ѳеорикона (*) пріобрѣлъ право на признательность Аѳинянъ. Онъ убѣжденъ былъ, что наслажденія, доставляемыя образцовыми твореніями великихъ греческихъ драматурговъ, болѣе всего могутъ распространить образованность между народомъ, и возбудить въ душѣ истинно-высокія чувства и помыслы. Грекъ безъ книги изучалъ исторію своего народа, глядя на представленія Эсхила, Софокла, Эврипида; онъ живо видѣлъ, какъ въ годину тяжкихъ бѣдствій, любовь къ отечеству, несчитавшая никакихъ жертвъ великими для спасенія родной страны, какъ покорность волѣ боговъ, готовая безусловно исполнять всѣ велѣнія жреца, посредника между человѣкомъ и богомъ, всегда спасали, на краю гибели, народъ, вѣрный богамъ и своей отчизнѣ. Что долженъ былъ чувствовать Грекъ, взирая на представленія *Агамемнона*, *Персовъ*, гдѣ такъ наставительно изображена побѣда Грековъ надъ варварами? Какой высокій образецъ дѣтской любви и самоотверженія видѣлъ онъ въ *Антигонѣ*, и какъ онъ могъ не сочувствовать ей?... А комедіи Аристофана, гдѣ такъ живо и вѣрно изображена съ самой смѣшной и постыдной стороны современная жизнь, и общественная и частная, аѳинскаго народа, гдѣ такъ пророчески предсказывалъ великій гражданинъ гибель роднаго города (*) отъ превратнаго воспитанія (*Облака*), отъ чрезмѣрной склонности къ чувственнымъ наслажденіямъ (*Богатство*), отъ дурнаго и вреднаго правленія демагоговъ, подобныхъ Клеону (*Всадники*), отъ испорченности судопроизводства (*Осы*), отъ неблагоразумно-предпринятой войны Пелопонезской, лишившей народъ благъ, коими онъ наслаждался въ мирное время, и необѣщавшей ничего добраго (*Ахарнейцы*, *Птицы*, *Миръ*, *Лизистрата*) — всѣ эти комедіи, грозившія судьбѣ народа трагическою развязкою, не должны-ли были заставлять народъ плакать смѣясь? И могутъ-ли въ чтеніи драматическія

(*) Такъ называлась касса, предназначенная для уплаты издержекъ на театральныя представленія и вспоможеніе бѣднымъ. Периклъ увеличилъ ее огромнѣйшими суммами, чтобы доставить Аѳинянамъ болѣе средствъ образовать свой умъ и вкусъ.

(*) По общепринятому мнѣнію, Аристофанъ родился въ Аѳинахъ, хотя нѣкоторые писатели называютъ Родосъ и Эгину мѣстомъ его рожденія.

творенія произвести такое дѣйствіе, какъ въ живомъ представленіи на сценѣ?..

Но я уклонился отъ того, о чемъ хотѣлъ сказать, — именно, о началѣ театра въ Россіи.

Со времени Іоанна IV, сближаясь болѣе и болѣе съ западною Европою, преимущественно по дѣламъ торговли, мы все еще пятились назадъ отъ обычаевъ и знаній заморскихъ, и неохотно сдружались съ тѣмъ, въ чемъ опередили насъ чужеземцы. Ихъ плоды наукъ и искусствъ были не по вкусу намъ и не по зубамъ нашимъ. Всякая полезная новость, привезенная намъ Европейцами, не усвоялась нами, и нерѣдко встрѣчаема была непріязненно, какъ выдумка нечистой силы, опасная своимъ чародѣйствомъ. Вспомнимъ, чѣмъ встрѣтила Москва первыхъ основателей типографіи при Іоаннѣ Грозномъ. Напрасно Борисъ Годуновъ, свѣтлымъ умомъ своимъ постигавшій все превосходство умственнаго богатства западной Европы предъ Россіею, старался изгнать преобладающій азіятизмъ и замѣнить его европеизмомъ: его благодѣтельныя предпріятія были также неуспѣшны, какъ и намѣреніе его утвердить свой родъ на престолѣ русскомъ. Судьба и здѣсь его гнала.... Наступило несчастное время для Россіи послѣ его кончины, и его мудрыхъ учрежденій и предначертаній — *и память погибе съ шумомъ*. Не до просвѣщенія было намъ, когда самая жизнь Россіи была въ опасности. Съ восшествіемъ на престолъ дома Романовыхъ, опасность миновала; но въ первые года царствованія перваго Романова, надо было позаботиться собрать Россію, оградить ее отъ враговъ, и внѣшнихъ, и внутреннихъ, едва несокрушившихъ ее за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. И Михаилъ славно выполнилъ свое предназначеніе! Россія въ 1613 — и 1645 годахъ! Могла-ли въ 1613 году человѣческая мудрость предугадать, что тридцати лѣтъ много будетъ, чтобы создать вновь Россію. И не мудрѣйшій отъ человѣкъ воззвалъ ее къ жизни и передалъ въ державныя руки не искушеннаго годами и труднымъ опытомъ мужа, а въ руки юноши, видавшаго свѣтъ только изъ оконъ монастырской келіи. До Алексѣя Михайловича еще не рѣшенъ былъ утвердительно вопросъ: будутъ-ли постоянно терпимы иностранцы въ Россіи, и только терпимы будутъ-ли? Алексѣй Михайловичъ, достойный предтеча Петра Великаго въ дѣлахъ государственнаго устроенія Россіи, болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ старался пересадить Европу въ Россію. Отъ трудовъ государственныхъ, Алексѣй любилъ отдыхать и забавляться разными увеселеніями, на-

прим., соколиною охотою, памятникомъ которой остался составленный имъ «Уставъ Сокольниковъ»(*). Но примѣчательнѣйшее *потѣшное* заведеніе былъ театръ, которому начало, въ Москвѣ, положено въ царствованіе Алексѣя Михайловича, пріѣздомъ изъ Германіи актеровъ, танцовщиковъ и музыкантовъ. Представленія театральныя, увеселявшія только царское семейство и дворъ въ дни великихъ праздниковъ, заговѣнъ и на масляной, давались сначала въ домѣ перваго тестя царскаго, боярина Ильи Даниловича Милославскаго, и домъ этотъ получилъ названіе *потѣшнаго*. Послѣ смерти царицы Маріи Ильиничны, театръ перемѣщенъ былъ въ подмосковное село Преображенское. Первые актеры состояли исключительно изъ иностранцевъ, и находились въ вѣдѣніи Посольскаго Приказа и подъ особеннымъ начальствомъ царскаго любимца Артамона Сергѣевича Матвѣева, боярина умнаго, отлично-образованнаго, и ревностнаго поборника европейской образованности. Примадонною долгое время была *Анна Паульсонъ*, еще въ бытность свою въ Копенгагенѣ пріобрѣтшая извѣстность игрою на тамошнемъ театрѣ. Въ-послѣдствіи времени дворовые люди боярина Матвѣева, отданные въ науку иностраннымъ артистамъ, искусившись въ театральномъ дѣлѣ, дерзали также участвовать въ театральныхъ представленіяхъ съ нѣмецкими актерами, вѣроятно, по преимуществу въ роляхъ *лицъ безъ словъ*, а также въ оркестрѣ и балетѣ. Вотъ первое начало сценическаго искусства въ Москвѣ, которое въ Кіевѣ образовалось нѣсколько ранѣе, гдѣ носило первоначально характеръ духовный, подобно мистеріямъ среднихъ вѣковъ. Каково было въ своемъ младенчествѣ это искусство, относительно нынѣшняго его состоянія — рѣшить трудно, по недостатку удовлетворительныхъ извѣстій современниковъ. Для народа оно было недоступно, да и вельможамъ служило потѣхою, забавлявшею одно только зрѣніе. Но для Россіи важно было начало его. О театральныхъ тогдашнихъ представленіяхъ вотъ что записано въ Разрядныхъ Книгахъ 1676 года: «Была Комедія въ Преображен-«скомъ; тѣшили Великаго Государя иноземцы какъ Алаферна

(*) Заглавіе этого Устава слѣдующее: *Книга, глаголемая Урядникъ: новое уложеніе и устроеніе чина соколинаго пути.* Въ концѣ его рукою, Царя Алексѣя, написано: «Прилогъ книжный или свой: сія притча душе-«вне и тѣлесне, правды же и суда и милостивыя любве и ратнаго строя «николи же позабывайте: дѣлу время и потѣхѣ часъ».

«Царица Царю голову отсѣкла, и на органахъ играли Нѣмцы да «люди дворовые Боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева. То-«го-жъ году другая Комедія тамъ-же, какъ Артаксеркъ велѣлъ «повѣсить Амана и въ органы играли и на фіолахъ, и въ ин-«струменты, и танцовали. Въ третіе тамъ же тѣшили Великаго »Государя на заговѣнье Нѣмцы и люди Артамона Сергѣевича, «на органахъ и на фіолахъ, и на инструментахъ, и танцовали, «и всякими потѣхами разными».

Вызванное изъ-за границы сценическое искусство полюбилось нашимъ царямъ и боярамъ, и потѣхи театральныя не прекращались и послѣ смерти Государя Алексѣя Михайловича, особенно благоволившаго къ нимъ. Наслѣдникъ Алексѣя Михайловича, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, тщательно воспитанный знаменитымъ Симеономъ Полоцкимъ, не чуждался искусства театральнаго, давно уже усвоеннаго Европою, но въ Россіи еще бывшаго чудною новостью. Вѣроятно, наставникъ его, имѣвшій большое вліяніе на питомца своего (даже и въ государственныхъ дѣлахъ), поселилъ и развивалъ въ немъ любовь къ сценическимъ увеселеніямъ. Извѣстно, что Симеонъ Полоцкій самъ былъ авторъ нѣсколькихъ театральныхъ піесъ. При Софіи Алексѣевнѣ театральныя представленія не только не прекращались, но еще нашли въ ней самую усердную покровительницу: она сама съ придворными дѣвицами и знатнѣйшими царедворцами разыгрывала драмы въ комнатахъ своихъ, и даже сочиняла ихъ. Въ то-же время, въ Заиконоспасскомъ-монастырѣ, играны были комедіи, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія.

Петръ Великій, уничтожая въ Россіи все, что́ запечатлѣно было суевѣріемъ и предразсудками, и заимствуя отъ иностранцевъ, что́ только могло подвинуть Русскихъ впередъ въ цивилизаціи, обратилъ вниманіе и на театръ. До-сего-времени театръ служилъ забавою высшаго только сословія бояръ, а также увеселеніемъ молодыхъ академистовъ: Петръ Великій желалъ и прочіе классы народа сдѣлать участниками удовольствія, которымъ досего пользовались только немногіе. Но его желаніе сбылось уже послѣ его смерти. — Дабы усилить и улучшить бывшую тогда въ Москвѣ труппу нѣмецкихъ актеровъ, онъ, указомъ 1701 года, повелѣлъ, незадолго предъ симъ прибывшаго въ Россію изъ Венгріи актера Ивана Сплавскаго отправить въ Данцигъ для набранія въ русскую службу иностранныхъ артистовъ. Сплавскій успѣшно выполнилъ порученіе, и въ 1702 году возвратился въ Москву съ нѣмецкою труппою (изъ 9-ти человѣкъ), подъ управле-

ніемъ Ивана Куншта. Вслѣдъ за этимъ повелѣно было построить въ Москвѣ, на Красной-площади, *комедіяльную деревянную храмину*, въ довольно-большомъ размѣрѣ. Зданіе это имѣло длины 20, ширины 12, а вышины до потолка 6 саженей; и такъ-какъ въ скоромъ времени оно не могло быть окончено, то пока устроенъ былъ театръ въ Нѣмецкой-слободѣ, въ домѣ Лефорта. Петръ не удовольствовался вызовомъ въ Россію иностранныхъ актеровъ: онъ хотѣлъ и Русскихъ посвятить, въ тайны сценическаго искусства, и для того Куншту отданы были въ обученіе нѣсколько (12) человѣкъ Русскихъ, изъ молодыхъ подъячихъ, а также купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей. — Иванъ Куншт былъ до 1705 года директоромъ, режиссеромъ и главнымъ актеромъ этого театра; онъ-же и сочинялъ піесы разнаго содержанія. — Часто въ торжественныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ сочинять приличныя комедіи и разыгрывать ихъ: такъ приказано ему было къ одному торжественному вшествію въ Москву Петра и войска, послѣ первыхъ побѣдъ Русскихъ надъ Шведами, сочинить и представить *комедію*, въ которой-бы выставлены были подъ чужими именами побѣжденные шведскіе генералы.

Театральныя представленія давались обыкновенно два раза въ недѣлю — по понедѣльникамъ и четвергамъ. Вскорѣ послѣ того, какъ отстроилась на Красной-площади *комедіяльная храмина* обнародовано было московскимъ жителямъ: «Что въ тѣ назначен-«ные дни городовыя ворота въ Кремлѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломъ «городѣ въ ночное время до десятаго часа будутъ незаперты «и съ проѣзжихъ всякаго чина и людей, съ Русскихъ и иноземцевъ, проѣзжая указная пошлина брата не будетъ, чтобы смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно». — Такъ пріохочивалъ Государь Москвичей посѣщать театръ! Но теперь театръ все еще посѣщаемъ былъ высшимъ только сословіемъ народа, которое имѣло безденежный туда входъ, и мѣста занимало по чинамъ. Женскія роли выполняемы были бо́льшею частію мужчинами. — Кажется, что Петръ пользовался театромъ также, какъ заведенными имъ ассамблеями: театръ, по его мысли долженъ былъ способствовать усилію общежительности и искорененію господствовавшей до-сего-времени между высшими классами народа несближаемости другъ съ другомъ въ семейственномъ быту. Петръ часто самъ посѣщалъ театральныя представленія. Однажды *Театральною Дирекціею* объявлено было, что 1-го апрѣля дано будетъ представленіе, подобнаго которому еще никто никогда не видалъ. Въ назначенный день собралось чрезвы-

чайно-много посѣтителей, жаждавшихъ увидѣть невиданную «комедь»; прибылъ и самъ Царь. Поднимается занавѣсъ, — и зрители видятъ на транспарантѣ написанныя огромными буквами слова: *Апрѣля первое число.* Въ этомъ и состояла комедія, какой еще никто никогда не видалъ. Многіе были недовольны выдумкою *комедіанта*, какъ обморочившаго ихъ; другіе-же смѣялись шуткѣ Куншта. Петръ, скрывъ досаду, что подобно другимъ дался въ обманъ, сказалъ, смѣясь, окружавшимъ его: «Ну! сшутили надъ нами комедіянты», — и уѣхалъ. — Въ 1705 году мѣсто Куншта заступилъ Отто Фирштъ, и подъ его управленіемъ иностранные актеры продолжали разыгрывать комедіи на нѣмецкомъ языкѣ; въ то-же время русскими комедіянтами даваемы были на русскомъ языкѣ нѣмецкія піесы переводныя, а также оригинальныя русскія. Содержанія онѣ и духовнаго, и свѣтскаго. О внутреннемъ ихъ достоинствѣ судить трудно, потому-что до насъ онѣ бо́льшею частію не дошли, кромѣ оригинальныхъ русскихъ, изъ коихъ многія сохранились до настоящаго времени, особенно написанныя Симеономъ Полоцкимъ. Изъ послѣднихъ замѣчательны двѣ: 1) *Блудный Сынъ*, 2) *Навуходоносоръ и три отрока.* Первая, коей полное заглавіе: *Комидія, Притча о блудномъ сынѣ*, состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: прологъ, шесть частей (явленій) и эпилогъ. Въ прологѣ обращеніе *къ публикѣ.* Вотъ онъ вполнѣ:

Благороднїи, благочестивїи,
Государіе премилостивїи!
Не тако слово въ памяти держится,
Яко-же ане что̀ дѣломъ явится.
Христова притчю дѣйствомъ проявити,
Здѣ умыслихомъ и чиномъ вершити.
О Блудномъ сынѣ вся рѣчь будетъ наша,
Аки вещь живу узритъ милость ваша.
Всю на шесть частей притчю раздѣлихомъ,
По всяцѣй оныхъ нѣчто примѣсихомъ.
Утѣхи ради, убо все стужаетъ,
Что̀ едино безъ премѣнъ бываетъ;
Извольте убо милость си явити,
Очеса и слухъ къ дѣйству приклонити.
Тако-бо сладость будетъ обрѣтенна,
Не токмо сердцамъ, но душамъ спасенна.
Велію пользу можетъ притча дати,
Токмо извольте прилѣжно внимати. —

Часть I. *Изыдетъ отецъ со двома сыномa и со многими слуги, и начнетъ глаголати къ сынома:* — Отецъ, удрученный лѣтами и недугами, раздѣляетъ между сыновьями все свое огромное достояніе и даетъ имъ назидательныя поученія изъ житейской мудрости. Старшій сынъ изъявляетъ желаніе остаться съ отцомъ; меньшому хочется повидѣть свѣтъ, да и денежкамъ, отъ отца полученнымъ, промыть глаза. Онъ прощается съ отцомъ и братомъ. *(И пойдутъ вси за завѣсу, пѣвцы поютъ и будетъ intermedium).*

Часть II. Изыдетъ Блудный сынъ съ немноги слугами, и глаголетъ:... Блудный сынъ жалуется на то, что до-сихъ-поръ ни въ чемъ не имѣлъ свободы, изъявляетъ свою радость, что освободился отъ неволи и принужденія, въ коихъ до сего пребывалъ:

«Бѣхъ у отца моего, яко рабъ плѣненный
«Во предѣлахъ домовыхъ, якъ въ тюрьмѣ замкленный.
«Не что бяше свободно по воли творити,
«Ждахъ обѣда, вечери, хотяй ясти, пити.
«Несвободно играти, въ гости не пущано,
«А на красная лица зрѣти запрещано.»

Потомъ говоритъ слугѣ-паперснику своему, что желаетъ *погулятиі*, и приказываетъ ему найти слугъ, съ коими могъ-бы повеселиться. Слуга исполняетъ волю своего господина, приводитъ многихъ слугъ, — и начинается пированіе. Блудный сынъ приглашаетъ слугъ веселиться, виномъ прохладиться, играть въ карты, въ тавлеи, (*) *въ зерни*; проигрышъ всѣхъ беретъ на свой счетъ; играетъ самъ съ однимъ изъ слугъ *въ зерни*. (*«И тако сядутъ играти, будутъ похищати добро Блуднаго, и проигрываться»*). *А Блудный речетъ къ зернщику:*

«Добрѣ играеши, се сто рублевъ тебѣ,
«Но счастія ради напіймыся себѣ.
(*И напіется.*)

(*) »*Тавлеи* — игра, въ которой мечутъ двумя костями игральными, и »по числу точекъ, на нихъ означенныхъ, ставятъ на соотвѣтственныя оному »числу плитки, и далѣе переходятъ.» — «*Зернь* — игра въ кости.» *Общій Церковно-Славяно-россійскій Словарь С. П. Б.* 1834 *г.*)

Зернщикъ.

«Еще-ли, Государь! изволишь играти?

Блудный.

«Подвеселилъ есмь себе, лучше пойду спати.»

(*И тако Блудный сынъ пойдетъ слонялся, а за нимъ вси.*)

(*Птьвцы поютъ и буди intermedium.*)

Часть III. «*Изыдетъ Блудный сынъ похмѣленъ, слуги различно утѣшаютъ, онъ обнищаетъ.*» — Блудный сынъ страдаетъ съ похмѣлья болѣзнію, которая называется у нѣмецкихъ студентовъ *кошачьею немощью* (Katzenjammer), жалуется на головную боль, да съ непривычки еще и *о чести кручина.* Слуги, опытнѣе его въ этомъ дѣлѣ, предлагаютъ ему лекарство — выпить вина. Блудный сынъ принимаетъ совѣтъ, — и вчерашній день возвращается. Призываютъ музыкантовъ, пѣвцовъ. Блудный, восхищенный ихъ игрою и пѣніемъ, приказываетъ дать имъ побольше *злата*, но слуга-казначей объявляетъ ему:

«Государь мой! злато расточися,
«Все сокровище уже истощися.»

На завтра едва-ли будетъ на что́ купить хлѣба. Блудный не горюетъ: онъ увѣренъ, что слуги помогутъ ему, какъ добрые друзья, дадутъ ему въ-займы денегъ; но, увы! скоро узнаетъ на опытѣ горькую истину: нѣтъ денегъ, нѣтъ и друзей. Слуги начинаютъ его бранить, и наконецъ:

«Здѣ вси крикнутъ «емлимъ, емлимъ, емлимъ!» и расхитятъ останки. Единъ-же отъ нихъ, спрѣчь, слуга десятый, глаголетъ:

«Еще тебѣ милость сію сотворяемъ,
«Яко тя безумна въ живыхъ оставляемъ.»

Блудный *отходитъ плача.* (*Пѣніе, ему-же послѣдуетъ intermedium.*)

Часть IV. «*Изыдетъ Блудный гладенъ, продастъ послѣднюю одежду, облекается въ рубище, службы ищетъ, пристаетъ къ господину, посылается свинія пасти, пасетъ, ястъ съ свиніями, свинію погубилъ, біенъ, ищетъ, и плача глаголетъ, коль много хлѣба у отца моего и проч.*»

Блудный обмѣниваетъ у проходящаго *купчика* свои *ризы* на хлѣбъ, и нанимается, по рекомендаціи того купчика, къ одному господину пасти *прасята.* Голодъ мучитъ его, и онъ отнимаетъ у свиней *рожцы*, свиньи разбѣгаются; за это —

«Поведутъ Блуднаго за завѣсу, и біютъ плетьми, онъ кричитъ: Государь! пощади!

«*А прикащикъ глаголетъ:*

«Бій врага добрѣ, да вѣсть свое дѣло,

«Да пасетъ бодро, пасетъ стадо цѣло.»

«*И крикнетъ полно бити, часъ пустити,*» *ту приведутъ Блуднаго убита, къ нему же речетъ прикащикъ:*

«Ищи свиней, враже! блюдись погубити,

«Ибо до смерти велю тя убити.»

«*И отходитъ прикащикъ.*»

Блудный сынъ рѣшается идти къ отцу. «(И пойдутъ за завѣсу, ту пѣніе и intermedium, по немъ пѣніе паки).»

Часть V. Отецъ сокрушается о младшемъ сынѣ, не имѣя о немъ никакихъ вѣстей. Является вѣстникъ и докладываетъ ему, что сынъ, имъ оплакиваемый, возвратился. Отецъ исходитъ въ срѣтеніе сыну, обнимаемъ, цѣлуетъ его. Блудный сынъ, оборванный, голодный, проситъ отца, чтобы онъ принялъ его въ наемники, считая себя недостойнымъ называться его сыномъ. Отецъ приказываетъ слугамъ одѣть сына въ лучшую («*первую*») одежду, возложить на руку его перстень, оказывать ему *первую* почесть; потомъ повелѣваетъ заколоть тельца тучна, и уготовать пиръ.

«(*Пойдутъ за завѣсы, и тогда играютъ органы и прочая, и поютъ мало, токмо единъ слуга на театрѣ останетъ, котораго пришедъ сынъ старѣйшій вопрошаетъ.*)»

Старшій сынъ спрашиваетъ о причинѣ такого ликованія, и узнавъ въ чемъ дѣло, крѣпко огорчается предпочтеніемъ, какое

отецъ оказываетъ младшему сыну, блудному. Является отецъ и проситъ старшаго сына раздѣлить съ нимъ его радость и принять участіе въ пиршествѣ. Старшій сынъ изъявляетъ отцу свое огорченіе: онъ находился постоянно при отцѣ, работалъ для него усердно, — и отецъ никогда не велѣлъ *заклати и мала козлята*, чтобы повеселиться ему съ друзьями, между-тѣмъ какъ для сына, отца своего оставившаго, промотавшаго такъ безпутно все доставшееся ему родительское достояніе, уготовалъ такой пиръ. Отецъ говоритъ ему, что радоваться должно о возвращеніи того, кого считали погибшимъ, что все его имѣніе принадлежитъ старшему и этимъ имѣніемъ онъ можетъ располагать по своей волѣ и проч.

«*Сынъ старый къ отцу*:
«Не хочу ти отче ослушникомъ быти,
«Иду азъ съ тобою любовь сотворити.»
«(*Ту пѣніе и лики, посемъ intermedium, паки пѣніе, и пойдутъ за завѣсы.*)»

Часть VI. «*Изыдетъ Блудный одѣянъ и честенъ, хвалитъ Бога, яко возвратися.*)» Монологъ Блуднаго — хвалебная и благодарственная молитва Господу, непопустившему его погибнуть на пути беззаконія; выраженіе чувствъ благодарности отцу, неотвергнувшему его искренняго раскаянія, и проч.

«(*Пѣніе будетъ, а по немъ епилогъ.*)»

Въ эпилогѣ, такъ-же какъ и въ прологѣ, обращеніе назидательное къ публикѣ.

«(*Ту вси изшедше поклонятся, а мусикія запоетъ, и тако разыдутся гости.*)»

Я съ намѣреніемъ изложилъ здѣсь содержаніе и расположеніе этой *комидіи*, чтобы читатели могли судить о томъ, въ какой мѣрѣ доступно было драматическое искусство нашимъ писателямъ XVII столѣтія. Читатели могли увидѣть изъ этого краткаго очерка, что въ комедіи о Блудномъ сынѣ хитростей драматическихъ мало; завязка и развязка необстановлена никакими побочными, второстепенными предметами. Это просто *притча въ лицахъ*, безъ всякихъ прикрасъ, весьма-мало уклоняющаяся отъ евангельскаго разсказа.

Вторая комедія, написанная Симеономъ Полоцкимъ, подъ заглавіемъ: *Комедія о Навуходоносорѣ Царѣ, о тѣлцѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ въ пещи сожженныхъ*, состоитъ также изъ 3-хъ частей: предисловецъ, комедія и эпилогъ. И она написана рифмованными стихами.

Еще есть комедія, также подъ названіемъ «Навуходоносоръ» (Комедія Навуходоносоръ, Мемуханъ, Моавъ, Аммонъ, Неемanъ, Корей, Лепидоовъ, четыре протазащика и четыре спальника); она разыгрывалась также русскими артистами. Части ея: *предисловіе 7-мь дѣйствъ*, изъ коихъ въ 1-мъ четыре сѣни (явленія, сцены), во 2-мъ три, въ 3-мъ пять, въ 4-мъ три, въ 5-мъ пять, въ 6-мъ пять, въ 7-мъ четыре. Между 3-мъ и 4-мъ *дѣйствомъ* находится *междосѣніе*. Она написана прозою, кромѣ пѣсней, которыя написаны стихами. Это, вѣроятно, та комедія, о коей записано въ разрядныхъ книгахъ 1676 года «*Какъ Алаферна Царица Царю голову отсѣкла*», потому-что здѣсь Іюдиѳь отсѣкаетъ голову Олоферну.

Эти три піесы напечатаны въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ,» томъ VIII, изданія 2-го.

Комедій на нѣмецкомъ языкѣ, кои разыгрывались иностранною труппою, было много. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ; записка о нихъ составлена въ Посольскомъ-Приказѣ, 1709 года:

1. О Франталпеѣ, королѣ Эпирскомъ и Мирандопѣ, сынѣ его и прочихъ.
2. О честномъ измѣнникѣ.
3. Донъ Педро, почитанный шляхта, и Амариласъ, дочь его.
4. Прельщенный любящій.
5. Тюремный заключникъ или принцъ Пикель Гярингъ.
6. О крѣпости Грубетона, въ ней-же первая персона Александръ Царь Македонскій.
7. Сципій Африканскій, погубленіе королевы Софонисбы.
8. О графинѣ Тріерской Геневевѣ.
9. Два завоеванные города, въ ней-же первая персона Юлій Цесарь.
10. Постоянный Папиніянусъ.
11. Порода Геркулесова, въ ней-же первая персона Юпитеръ.
12. О Баязетѣ и Тамерланѣ.
13. Докторъ принужденный.

Вотъ репертуаръ московскаго театра. Вѣроятно давались еще и другія піесы, но я не могъ нигдѣ найти ничего объ этомъ. Разумѣется, не забыты были и тѣ комедіи, коими тѣшили нѣко-

гда Алексѣя Михайловича. Послѣднія, въ русскомъ переводѣ, разыгрывались русскими артистами.

По перенесеніи резиденціи Государя изъ Москвы въ Петербургъ, труппа нѣмецкихъ актеровъ переѣхала въ Петербургъ, и продолжала свои представленія безъ значительныхъ измѣненій или улучшеній до кончины Петра Великаго. Въ какомъ состояніи былъ театръ при Екатеринѣ I и Петрѣ II — ничего нельзя сказать вѣрнаго, по недостатку свѣдѣній объ этомъ. Надобно полагать, что нѣмецкіе артисты въ это время не пользовались особеннымъ покровительствомъ двора, и существованіе труппы театральной было довольно-ненадежно, особенно при Петрѣ II, когда вельможи, занятые своими раздорами и изысканіемъ средствъ погубить своихъ враговъ, не имѣли ни времени, ни охоты покровительствовать Нѣмцамъ - комедіянтамъ, тѣмъ болѣе, что при малолѣтнемъ Петрѣ II бородолюбцы помышляли уже о возстановленіи тяжолой старины, убитой Петромъ Великимъ. — Анна Іоановна, напротивъ, любила театръ и другія веселія. Забавы самыя странныя, нерѣдко смѣнялись удовольствіями, болѣе утонченными, проявлявшими образованность и хорошій вкусъ. И здѣсь замѣтна была еще борьба грубаго азіятизма съ утонченнымъ европеизмомъ.

Въ одинъ и тотъ-же день Императрица съ придворными присутствовала на ледяной свадьбѣ своего шута, или на родинахъ козы другаго шута, и смотрѣла игру нѣмецкихъ и италіянскихъ артистовъ. Послѣдніе прибыли въ Россію въ царствованіе этой Государыни. Піесы, даваемыя въ это время на театрѣ иностранными актерами, почти всѣ были, просто, сборъ безмыслія и безсмыслія. За содержаніемъ зрители не гонялись, лишь-бы глаза были довольны. А потому актеры преимущественное вниманіе обращали на декораціи и машины, для произведенія блестящаго эффекта. Въ то-же время, при дворѣ, особами обоего пола, по желанію Императрицы, давались и русскія представленія, называемыя интермедіями, какъ напр. *Фениксово ясно перышко*, *Баба-Яга* и проч. Во всемъ это видно мало вкуса; но нельзя было еще и требовать отъ тогдашняго общества утонченности нравовъ, когда оно только-что начало, могучею волею Петра Великаго, выходить изъ состоянія варварства. Уже и то хорошо, если зрители не засыпали въ театрѣ. — Между-тѣмъ потребность въ національномъ театрѣ начала обнаруживаться весьма-замѣтно и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Въ обѣихъ столицахъ давались иногда публичныя представленія на русскомъ языкѣ русскими любите-

лями театра: въ Москвѣ, на масляной и на святкахъ, студенты Академіи и приказные служители разыгрывали комедіи и драмы, и приводили ими въ восторгъ зрителей. — Правда, какъ піесы, такъ и средства, употребляемыя артистами-дилеттантами для произведенія удачнаго эффекта на зрителей, были довольно-грубы; такъ, наприм., непремѣнная принадлежность всякой піесы былъ арлекинъ, появлявшійся на сцену не только въ комедіяхъ, но и въ трагедіяхъ, и своими кривляньями и шутками забавлявшій и приводившій въ восторгъ зрителей. Но и въ наше время, на провинціальныхъ театрахъ, какъ часто комики превращаются въ плоскихъ фарсёровъ, въ балаганныхъ пѣвцовъ,—и почтеннѣйшая публика довольна подобными метаморфозами, и щедро, отъ всей полноты чувствъ, награждаетъ громкими рукоплесканіями такихъ потѣшниковъ.... Въ Петербургѣ, на праздникахъ, часто давались театральныя представленія воспитанниками Артиллерійской школы. Эти представленія привлекали толпу зрителей, отъ всей души, неподдѣльно восхищавшихся и умлявшихся комедіями и притчами. Мы, строгіе цѣнители, а паче хулители доброй старины, улыбаемся надъ восторгомъ добродушныхъ нашихъ предковъ, надъ ихъ геройскимъ терпѣніемъ, съ какимъ они слушали, не зѣвая, вирши. Но опять-же спрошу, нынѣшніе водевили (а, можетъ-быть, и посерьёзнѣе водевилей), появляющіяся на на-

театрахъ, не пустѣе-ли своихъ предшественниковъ отсутствіемъ всякаго содержанія, цѣли, идеи и красоты наружной формы?... Тогдашніе *авторы* не имѣли возможности умѣть написать хорошую драму или комедію, а нынѣшніе... но я вѣдь пишу о *началѣ* театра въ Россіи.

Потребность въ постепенномъ національномъ театрѣ чувствовалась все болѣе и болѣе. Нужно было только явиться человѣку, который съ пламенною любовію къ искусству, съ твердою волею— выполнить задуманное—соединялъ-бы знаніе дѣла и геній. И такой человѣкъ, творецъ постояннаго русскаго театра, явился въ лицѣ Ѳедора Григорьевича Волкова....

НИКОЛАЙ РЫНДОВСКІЙ.

ОДНА ГЛАВА

из

«СКАЗАНІЙ ОБЪ ОДНОЙ ТЕМНОЙ ЖИЗНИ.»

I.

Съ пирмонтскихъ водъ пріѣхалъ онъ,
Все также блѣдный и больной,
Все также тяжко удрученъ
Ипохондрической тоской...
И, добръ по прежнему со мной,
Онъ только руку мнѣ пожалъ
На мой вопросъ: «Что было съ нимъ,
Скитальцемъ по краямъ чужимъ?»
Но ничего не отвѣчалъ...
Его молчанье было мнѣ
Не новость... Онъ, по-старинѣ,
Разсказовъ страшно не любилъ
И очень мало говорилъ...
За то разсказывалъ я самъ
Ему подробно обо всѣхъ,
Кого онъ зналъ; къ моимъ словамъ

Онъ былъ внимателенъ — и грѣхъ
Сказать, чтобъ Юрій забывалъ
Кого онъ въ старину знавалъ...
Когда-жъ напомнилъ я ему
Про Ольгу... Къ прошлому всему
Печально-холоденъ — зѣвнулъ
Мой Юрій — и рукой махнулъ.

II.

Бывало, часто говорилъ
Онъ мнѣ, что отъ природы былъ
Онъ эгоистомъ сотворенъ,
Что въ этомъ виноватъ не онъ,
Что если нѣтъ въ душѣ любви
И вѣры нѣтъ, — то не зови
Напрасно ихъ: — спасенъ лишъ тотъ,
Кто самъ спасенья съ вѣрой ждетъ,
Что неотступно онъ ихъ звалъ,
Что мучась жаждою больной,
Все ждалъ ихъ, ждалъ — и ждать усталъ...
И разбирая предо мной
Свои мечты, свои дѣла,
Онъ мнѣ доказывалъ, что въ нихъ
Не только искры чувствъ святыхъ
Но даже не было и зла.
Онъ говорилъ, что для другихъ
Въ преданьяхъ прошлаго — залогъ
Любви и вѣры — а ему
Преданій дѣтства не далъ Богъ;
Что, вѣря одному уму,
Привыкъ онъ чувство разсѣкать
Анатомическимъ ножомъ
И съ тайнымъ ужасомъ читать
Лишь эгоизмъ сокрытый въ немъ
И знать — что въ чувство ни въ одно
Ему повѣрить не дано.

III.

Одну привязанность я зналъ
За Юріемъ... Не вспоминалъ
О ней онъ послѣ никогда,
Но знаю я, что ни года
Ни даже воля — истребить
Ея печальнаго слѣда
Не въ силахъ были: позабыть
Не могъ онъ ни добра, ни зла;
И та привязанность была
Такъ глубока и такъ странна,
Что любопытна, можетъ-быть,
И вамъ покажется она...
Не думайте, чтобъ могъ любить
Онъ женщину, хотя въ любовь
Бывало вѣровалъ вполнѣ,
Хоть въ немъ кипѣла тоже кровь...
Но неспособенъ былъ вдвойнѣ
И въ тѣ лѣта влюбиться онъ:
Онъ былъ и вѣтренъ и уменъ.
За то въ душѣ иную страсть
Носилъ онъ . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

IV.

Его я зналъ... Лицо его
Васъ поразить-бы не могло;
Одно высокое чело
Носило рѣзкую печать
Господнихъ думъ... Но угадать
Вамъ было-бъ нечего на немъ...
Да взглядъ его сіялъ огнемъ...

Какъ бездна теменъ и глубокъ,
Тотъ взглядъ одно лишь выражалъ —
Высокій помыслъ иль упрекъ...
На немъ такъ ясно почивалъ
Судьбы таинственный призывъ...
Къ чему — Богъ вѣстъ! Не совершилъ
Изъ думъ любимыхъ ни одной,
Въ деревнѣ, при смерти больной
Онъ смерти вѣрить не хотѣлъ —
И умеръ... И его удѣлъ
Могилой темною сокрытъ...
Но цвѣтъ больной его ланитъ
Давно пророчилъ для него
Чахотку — больше ничего!

V.

Его я зналъ — и никого,
И никогда не уважалъ
Я такъ глубоко, хоть его
Почти по виду только зналъ
Иль зналъ какъ всѣ, не больше.... Онъ
Ко всѣмъ былъ холоденъ равно
И неприступно затаёнъ
Отъ всѣхъ родныхъ и чуждыхъ; — но
Та затаенность не могла
Васъ оттолкнуть — она влекла
Къ себѣ невольно. — Но о немъ
Довольно... Къ дѣлу перейдемъ.

VI.

Одно я знаю: Юрій мой
Былъ гордъ до странности смѣшной.
Ко многимъ — къ тѣмъ кто выше былъ

Его породой — или слылъ
Аристократомъ (но у насъ
Скажите — гдѣ-же высшій классъ?)
Не слишкомъ ѣздить онъ любилъ...
Но къ князю часто онъ ѣзжалъ
И свой холодный, рѣзкій тонъ
Съ нимъ въ разговорѣ оставлялъ...
Хоть съ Юріемъ, быть-можетъ, онъ
Былъ даже вдвое холоднѣй
Чѣмъ съ прочими — въ любви своей
Былъ Юрій мой неизмѣнимъ
И вѣчно гордъ — въ сношеньяхъ съ нимъ
Былъ слабъ и страненъ, какъ дитя...
Да! онъ любилъ его, хотя
На сердца искренній привѣтъ
Встрѣчалъ одинъ сухой отвѣтъ....

VII.

Онъ помнилъ вечеръ — такъ ясна
Плыла апрѣльская луна,
Такой молочной бѣлизной
Сіяла неба синева, —
Такъ было грустно одному
И такъ хотѣлося ему
Открыться хоть кому-нибудь
И перелить въ чужую грудь
Хоть разъ одинъ — что онъ таилъ
Какъ злой недугъ въ себѣ самомъ,
Чему онъ съ вѣрою служилъ
И что мучительнымъ огнемъ
Его сжигало — и теперь,
Въ груди его открывши дверь,
На Божій міръ взглянуло разъ
И съ нимъ слилося въ этотъ часъ
Въ созвучьи тайномъ... Въ этотъ мигъ
Зачѣмъ судьба столкнула ихъ —
Богъ вѣсть!....

VIII.

Случалось вамъ видать,
Когда пачнутъ издалека
Сбѣгаться къ бурѣ облака,
И вѣтромъ ихъ начнетъ сдвигать
Одно съ другимъ? Огонь и громъ
Они несутъ — и ожидать
Сдвиженья страшно вамъ... Потомъ
Противный вѣтеръ раснесетъ
Ихъ по противнымъ сторонамъ..
Скажите: грустно было вамъ
Иль было весело? . . . . . .

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ЮМОРИСТИКА.

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЗѢВАКИ.

§ IV.

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКО-ФИЛОСОФИЧЕСКО-ТИПИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Географія и статистика Большаго-театра. — Характеристика оперной и балетной труппы. — Сословіе театраловъ. — Театралъ по призванію. — Театралъ по необходимости. — Театралъ-любитель. — Театралъ отъ бездѣлья. — Старый театралъ. — Псевдотеатралъ. — Маскарады. — Мѣста сходокъ театраловъ. — Нашествіе Итальянцевъ. — Послѣдній театралъ.

Тамъ, гдѣ Крюковъ-каналъ, изливаясь изъ знаменитой Фонтанки, гордо катитъ волны свои у стѣнъ Жолтаго рынка и Градской тюрьмы, отдѣляя патріархально-баснословную Коломну отъ прочихъ частей Петербурга, тамъ, на широкой площади, вымощенной, для разнообразія, булыжникомъ разнаго вида и разной формы, и умащаемой во всякое время года разными сортами

влаги, на которую не скупится слезливо-чувствительное небо нашего города; тамъ — наконецъ — отдѣлясь отъ прочихъ строеній, возвышается скорѣе широкое, чѣмъ высокое четырехъ-угольное зданіе, чисто-русской архитектуры, сверху нѣсколько приплюснутое, верхній этажъ котораго составляетъ входящій уступъ въ сравненіи съ другими. Зданіе это, стоящее отдѣльно отъ прочихъ строеній, носитъ оффиціальное названіе *Большаго*-театра, хотя въ народѣ до-сихъ-поръ слыветъ подъ именемъ *Каменнаго*. Въ немъ, со времени раздѣленія русской труппы на двѣ части — драматическую и балетно-оперную, въ 1836 году, даются одни балеты и оперы. И гласъ Мельпомены и Таліи никогда не раздается въ стѣнахъ, которыя, говоря высокимъ слогомъ процвѣтавшей нѣкогда миѳологіи, скончавшейся въ цвѣтѣ лѣтъ, посвящены исключительно служенію рѣзвой Терпсихорѣ и Эвтерпѣ съ компаніею (*). Съ перваго взгляда, непросвѣщенному наблюдателю можетъ показаться, что театръ этотъ выстроенъ не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ. Къ сѣверу отдѣляется онъ Крюковымъ-каналомъ отъ сытнаго зданія Жолтаго-рынка и угрюмой — Градской-тюрьмы; съ востока его окружаютъ домъ Г. Нѣмкова и часть Коммиссаріата, съ юга какіе-то вѣтхіе, жолтые, частные дома, съ запада — Адресъ-Контора. Но поглядѣвъ на все это топкимъ, политическимъ взглядомъ, нельзя не сознаться, что всѣ вышепоименованныя зданія имѣютъ съ театромъ хотя тонкую, но тѣмъ не менѣе крѣпкую связь. Самое положеніе его весьма-удобно, потому-что, находясь на границахъ Коломны, онъ въ то-же время однимъ фасадомъ своимъ смотритъ на Поцѣлуевъ-мостъ, ведущій въ элегантную Большую-Морскую, извѣстную своею торцовою мостовою и аристократическими заведеніями. Такимъ-образомъ, порою въ стѣнахъ его сливаются два разнородные элемента петербургской жизни, и гордая обитательница Невскаго-проспекта изъ блестящихъ ложъ бель-этажа съ любопытствомъ осматриваетъ оригинальную толпу коломенскихъ франтовъ, тѣснящуюся въ пятирублевыхъ креслахъ. Конечно, подобныя смѣшенія очень-рѣдки, и въ послѣднее время сдѣлались даже невозможными, но тѣмъ не менѣе—они бывали прежде, и всегда

(*) Въ 1843 году, лѣтомъ, во-время передѣлки Александринскаго-театра, на Большомъ давали нѣсколько драмъ, послѣ которыхъ, однакоже, его тотчасъ начали чистить.

представляли истинно-умилительное зрѣлище. Посѣтители этого театра нисколько не похожи на тѣхъ, которые бываютъ въ Александринскомъ. Объ нихъ-то хотимъ мы представить нашу глубокомысленную диссертацію, основанную на тщательномъ изученіи, долговременномъ опытѣ и неутомимыхъ изысканіяхъ. Характеристика главныхъ типовъ трупы Большаго-театра по своей огромности и разнообразію должна быть предметомъ отдѣльныхъ статей, и потому мы не будемъ говорить объ ней, а попробуемъ набросать очеркъ публики Большаго-театра, очень-замѣчательной во многихъ отношеніяхъ. Предупреждаемъ однако всѣхъ и каждаго, что очеркъ нашъ относится къ временамъ давнопрошедшимъ, и мы беремъ на себя въ этомъ случаѣ роль лѣтописца, а не современнаго правописателя. Смѣетъ увѣрить въ то-же время, что статья наша заслужитъ вниманіе всѣхъ умовъ, слѣдящихъ за развитіемъ общей идеи гуманности въ отдѣльныхъ частностяхъ. —

На Большомъ-театрѣ, какъ всѣмъ извѣстно, играютъ оперы и балеты,—оперы—россійскія, нѣмецкія, и въ послѣдніе два года—итальянскія, балеты — разнокалиберные, индѣйскіе, злодѣйскіе китайскіе, царевококшайскіе, комическіе, фантастическіе, филантропическіе, упоительные, утомительные, разорительные, шумные и умные, со смысломъ и безъ онаго. — Тотъ и другой родъ зрѣлищъ имѣетъ свою особенную публику, которая, кромѣ того, еще подраздѣляется на другіе, совершенно отдѣльныя группы.

Не вдаваясь въ историческія подробности и изслѣдованія, посмотримъ на Большой-театръ со дня его втораго возобновленія и существованія отдѣльной жизнью, стараясь не входить ни въ какія частности и подробности и ограничиваясь однимъ общимъ очеркомъ характеристическихъ особенностей, имѣющихъ, разумѣется, какъ вездѣ и во всемъ, свои исключенія, и составляющихъ въ настоящую эпоху преобладанія Итальянцевъ — невозвратимо-прошедшее.

Съ половины 1843 года для Большаго-театра наступила новая эпоха, имѣющая свои лыбопытные типы и своего представителя: *дилетанта*; слѣдовательно наша статья разбираетъ уже несуществующіе «средніе вѣка», немногимъ знакомые и памятные.

Большой-театръ начинаетъ свои годовые спектакли съ послѣднихъ дней Пасхи и оканчиваетъ ихъ на второй день великаго-

поста. Въ самое цвѣтущее время на немъ давалось до шести представленій въ недѣлю и сборы его были очень-велики (*). До прибытія итальянскихъ пѣвцовъ, Петербургъ съ удовольствіемъ слушалъ нѣмецкихъ и россійскихъ, и былъ ими чрезвычайно-доволенъ. У публики были свои любимцы, которыхъ она встрѣчала съ громкими знаками одобренія, встрѣчаетъ еще и теперь, по старому знакомству, хотя они, вмѣсто пѣнія, потрясаютъ стѣны пустаго театра какими-то дико-сиповато-фальшивыми звуками. Театръ ломился, когда давали Роберта (русскаго и нѣмецкаго), Фенеллу, Капулетовъ и Жизнь за Царя. Въ другихъ операхъ было меньше, но рѣдко было мало народа; длинные ряды каретъ тянулись по обѣимъ сторонамъ театра, толпы кучеровъ и форейторовъ живописно зябли у разложенныхъ огней, фойé пестрѣлъ въ антрактахъ шумными групами гуляющихъ, въ ложахъ не доставало стульевъ для сверхкомплетныхъ посѣтителей, въ буфетѣ задыхались отъ табачнаго дыма, потѣли отъ каламбуровъ, и капельдинеры съ довольною улыбкою укладывали въ свои бездонные карманы обильную дань гривенниковъ и двугривенныхъ, за ихъ *неусыпное бдѣніе* надъ плащами и шинелями (реторическая фраза, означающая въ переводѣ: за то, чтобы они не спали на плащахъ и шинеляхъ). Въ первыхъ рядахъ креселъ сидѣли тогда важныя физіономіи, съ одобрительной улыбкой иногда качавшія головою, непозволявшія себѣ никакихъ другихъ неприличныхъ знаковъ одобренія, и съ чувствомъ глубокаго состраданія посматривавшія на отчаянныхъ дилеттантовъ, которые, развалившись въ креслахъ, какимъ-то особеннымъ голосомъ выкрикивали: «*Браво*» и «*C'est charmant*» самыми неистовыми тонами. Въ первомъ-же ряду, въ креслахъ, ближайшихъ къ краю, сидѣли обыкновенно *театралы*, на которыхъ, «съ головы до пятокъ» былъ «особый отпечатокъ». На нихъ-то обратимъ мы вниманіе читателей, потому-что они заслуживаютъ тщательныхъ наблюденій. Во второмъ и третьемъ ряду, гдѣ всегда было много пустыхъ креселъ, усаживались обыкновенно посѣтители высшаго круга и театралы, непомѣстившіеся въ первомъ.

Туда-же перебирались подъ шумокъ, послѣ втораго и третьяго актовъ, другіе посѣтители, которымъ было не такъ удобно ви-

(*) По понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ — балеты, по вторникамъ и воскресеньямъ — русскія, по четвергамъ и субботамъ нѣмецкія оперы.

дѣть изъ 10-го ряда, и которые на убѣдительныя просьбы капельдинеровъ, преслѣдовавшихъ подобныя переселенія, возвратиться на свои мѣста, дѣлали скромныя замѣчанія, что вѣдь кресла эти все-же равно остаются пустыми. Съ 4-го ряда и часто вплоть до 13-го усаживалась густая компактная масса лицъ разныхъ родовъ, племенъ, парѣчій и состояній, въ которой однако-же господствовало чинное чиновное сословіе. Эти ряды рѣдко позволяли себѣ громкія замѣчанія объ игрѣ и пѣніи, но разговаривали въ антрактахъ тишкомъ и шопотомъ, не вставая и не перекочевывая въ буфетъ, смиренно держали между колѣнками шляпу и прилежно читали аффишку, съ неправильными удареніями на фамиліяхъ актеровъ. Ряды эти усердно поддерживали всякаго начинающаго аплодировать, въ полной увѣренности, что тотъ, кто первый захлопаетъ, вѣрно, знаетъ, зачѣмъ это онъ дѣлаетъ, и что, вѣрно, оно тамъ такъ и нужно. У немногихъ изъ этихъ рядовъ были маленькія скромныя зрительныя трубочки, на которыя завистливо поглядывали сосѣди, несмотрѣвшіе никогда на Божій міръ въ другія стекла, кромѣ оконныхъ. Изъ этого числа, разумѣется, надо исключить близорукихъ франтовъ въ очкахъ, средней руки, которые позволяли себѣ иногда вставать во-время антракта, облакачиваясь спиною на голову сидящаго передъ ними смиреннаго зрителя, переговаривались съ пріятелями черезъ нѣсколько человѣкъ и даже черезъ рядъ, произносили рѣзкія сужденія о музыкѣ, заглядывали подъ шляпки сосѣдокъ, надвинутыя на самый лобъ, и по временамъ издавали даже какіе-то неопредѣленные звуки въ родѣ чего-то похожаго на пѣніе. Въ лѣтнее время ряды эти блестѣли другими лицами, являвшимися въ Петербургѣ, вмѣсто тѣхъ, которыя уходили въ лагерь, или уѣзжали въ деревни. Тогда слышались по временамъ въ креслахъ таинственно-гоголевскіе разговоры. Что, Собачниковъ, ты послѣ театра — *туды!* — Да! *туды!* — Ну и я *туды!* И Рубаковъ и Простяковъ *туды-же!* И Хмырянко и Перепотѣльниковъ то-же *туды!* — Послѣ подобныхъ фразъ разговаривающіе обыкновенно покрякивали съ довольною миною и выразительно прищолкивали языкомъ. Въ послѣднихъ рядахъ креселъ усаживались обыкновенно даровые посѣтители: артисты балетно-оперной труппы, незанятые въ этотъ день, и артисты съ Александринской сцены, явившіеся посмотрѣть на своихъ поющихъ и пляшущихъ собратій; также лица, занимающія при театрѣ разныя должности, чиновники театральной конторы, и т. д. Здѣсь-же уса-

живались также часто театралы, чтобы собрать новый запасъ закулисныхъ сплетней и узнать драматическія новости, чтобы передать черезъ услужливаго артиста интересное посланіе къ извѣстной особѣ или получить отъ него таковое-жъ. — Мѣста за креслами (теперь уже несуществующія) наполнялись обыкновенно чиновниками мелкаго разряда, съ ихъ семействами, и бородоносцами разныхъ торгующихъ сословій. Первый ярусъ, въ большіе сборы занятый тою-же публикою, какъ и въ бель-этажѣ, въ обыкновенные наполнялся бо́льшею частью актрисами французской труппы и другими, очень-любопытно одѣтыми дамами. Въ бенуарахъ помѣщались или провинціяльныя семейства или какія-то таинственныя лица, вѣроятно, имѣвшія важныя причины прятаться въ антрактахъ въ самую глубину ложи. — Бель-этажъ бывалъ довольно-часто полонъ нашимъ высшимъ кругомъ. По праздникамъ нерѣдко мелькали въ немъ дамскіе чепцы чисторусской архитектуры и удивленныя лица добродушныхъ провинціяловъ пріѣхавшихъ полюбоваться на чудеса Петербурга. Второй ярусъ почти всегда былъ полонъ разнымъ чиновнымъ народомъ и купечествомъ; на лѣвой сторонѣ его обыкновенно раздавались даровыя ложи семействамъ театральныхъ чиновниковъ и воспитанницамъ театральнаго училища, длинный рядъ которыхъ, составленный изъ голубенькихъ платьицъ и бѣлыхъ пелеринокъ, представлялъ очень-занимательное и пріятное зрѣлище. Крайнія ложи къ сценѣ и литерныя были населены обыкновенно театралами, полъ-представленія сидѣвшими задомъ къ сценѣ. Третій ярусъ занималъ классъ разныхъ служащихъ лицъ, по всѣмъ возможнымъ частямъ и вѣдомствамъ. Балконъ всегда отдавался въ добычу актерамъ и ихъ пріятелямъ. Въ немъ впрочемъ часто можно было встрѣтить лица, которымъ почему-то нельзя было сидѣть въ креслахъ и на которыхъ какъ-то неловко сидѣли мѣшковатые сюртуки. — Въ галлереѣ четвертаго яруса франтили лакеи высшаго тона и горничныя лучшаго круга, въ костюмахъ своего собственнаго изобрѣтенія; между ними порою мелькали странныя, пасмурныя и небритыя физіономіи, въ сюртукахъ сомнительнаго цвѣта, застегнутыхъ до верху, съ толстыми грязными руками и нечищенными двухъ съ полтинными сапогами. Они угрюмо и равнодушно смотрѣли на сцену, но со вниманіемъ прислушивались къ разговорамъ сосѣдей, и по временамъ произносили неясныя жалобы на судьбу, съ изобиліемъ угощая себя *бобковымъ* изъ картонной табакер-

ки. — Пятый ярусъ составлялъ, до вторженія итальянскихъ народовъ, исключительное владѣніе армячной Россіи и лакейскаго человѣчества; но съ того времени, какъ Петербургъ сдѣлался дилеттантомъ и распѣваетъ на каждомъ шагу: *Ah m'abbraccia!* въ райкѣ появляются часто лица, которыя въ прежнія времена съ презрѣніемъ смотрѣли на эти горнія мѣста.

=

Этотъ поверхостный очеркъ публики Большаго-театра, конечно, не можетъ дать объ ней полнаго понятія; много есть въ ней отдѣльныхъ и замѣчательныхъ типовъ, но типы эти сдѣлались нынче такъ щекотливы, что каждый абрисъ характера принимаютъ за злонамѣренную личность. Странно, какъ, читая описаніе какого-нибудь лица, всѣ лица, обладающія носомъ, ртомъ и прочими благородными частями, не возопіютъ, что и это ужаснѣйшая личность! Но этому-то мы, не задѣвая щекотливой амбиціи нѣкоторыхъ лицъ, представимъ одни общіе типы.

=

Въ представленія балетовъ общій характеръ публики былъ почти тотъ-же самый. Число незанятыхъ ложъ бель-этажа нѣсколько увеличивалось; въ креслахъ появлялось нѣсколько болѣе молодежи, въ ложахъ втораго яруса болѣе кадетъ и дѣтей — все прочее оставалось какъ и въ представленія оперъ. Но главною, неотъемлемою принадлежностью всякаго балета былъ и будетъ — (если балеты не на-повалъ еще убиты итальянскими операми) — великій *театралъ*. Существо, носящее это странное имя, и опи-

санное однажды довольно-вѣрно, хотя и весьма-плохими стихами, — въ-самомъ-дѣлѣ, заслуживаетъ долгаго и внимательнаго изученія. Слово это, составленное самими-же театралами и весьма-недавно получившее право гражданства въ русскомъ языкѣ, удивительно вѣрно выражаетъ заключающуюся въ немъ идею и не имѣетъ себѣ равносильнаго ни на какомъ другомъ діалектѣ, потому-что французское *l'habitué* далеко не равняется всеобъемлющему значенію «театрала». Театралъ, въ общемъ смыслѣ этого слова, есть душа театра, жизнь театра, символъ, квинтессенція, коефиціентъ, необходимый эпитетъ театра, раждающійся и умирающій вмѣстѣ съ нимъ. Безъ театрала не было-бы театра, точно-также, какъ безъ театра не было-бы театрала. Они необходимы другъ для друга, какъ воздухъ для огня, какъ вода для рыбы, какъ благоволеніе начальства для усерднаго чиновника. Театралъ есть ходячая лѣтопись театра, репертуаръ за весь годъ, живая аффиша настоящихъ и прошедшихъ спектаклей. Онъ питаетъ такую страстную любовь къ театру, о которой не имѣетъ и понятія нашъ эгоистическо фельетонный вѣкъ. Онъ любитъ театръ больше, чѣмъ страстный юноша свою любовницу, больше, чѣмъ сынъ отца, журналистъ — подписчика, больше, чѣмъ какой-нибудь совѣтникъ любитъ свою безпорочную пряжку. Театралъ любитъ все, что относится къ театру: каждую кулису, каждое кресло, каждое па танца, каждую ноту музыки, каждую складку костюма, каждый гвоздь въ полу. Самый воздухъ Большаго-театра для него пріятнѣе и здоровѣе воздуха горъ и приморскихъ странъ, Ниццы и Швейцаріи. Взгляните на него во-время представленія любимаго балета, и вы постигнете, въ чемъ состоитъ наслажденіе «интюитивной контемплаціи», въ которую погружаются поклонники Вишны и Лингвама на тонкихъ берегахъ Брахмапутры. Онъ счастливъ, онъ больше чѣмъ счастливъ, больше, чѣмъ кто-либо можетъ быть счастливъ въ сей юдоли страданій. Что ему всѣ радости седьмаго неба, магометанскаго, индѣйскаго и другихъ тому подобныхъ раевъ. Не показывайте ему картинъ блаженства, не давайте ему эссенціи жизни и счастія — ничего не возметъ онъ, и одного только попроситъ у васъ, какъ Діогенъ у Александра, чтобы вы не заслоняли отъ него его солнца — театра. Взгляните, какъ каждая жилка въ лицѣ его дышетъ жизнью и восторгомъ, какъ судорожно движутся всѣ мускулы его смугло-желтоватаго лица, точно подъ ударами сильной гальванической батареи, какое неистово-восторженное пламя блеститъ изъ-

подъ очковъ пляшущихъ на носу его подъ тактъ балетнаго танца, какой въ немъ:

Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ!

Какими рѣзкими, невольными движеніями рукъ и ногъ выражаетъ онъ свое удовольствіе! Театралы раздѣляются на слѣдующіе разряды: 1) *театралъ по призванію*, 2) *театралъ по необходимости*, 3) *театралъ-любитель*, 4) *театралъ отъ бездѣлья*, 5) *старый театралъ* и наконецъ 6) *псевдо-театралъ*. Каждый изъ этихъ разрядовъ имѣетъ свои особенныя, отличительныя черты. Первое мѣсто между ними занимаетъ *театралъ по призванію, par vocation;* это чистый типъ настоящаго театрала. Онъ никогда не пропускаетъ ни одного спектакля; если его нѣтъ въ театрѣ, то это значитъ, что онъ или при смерти, или посаженъ на цѣпь; только эти два препятствія могутъ остановить его. Ему все равно, что-бы ни давали; онъ на все смотритъ съ одинаковой улыбкой, и точно также счастливъ при первомъ представленіи Тальйони, какъ при 65-мъ «Аскольдовой Могилы.» День его обыкновенно начинается очень-поздно, часу въ первомъ по-полудни. Первое слово, которое произноситъ онъ, проснувшись отъ пріятнаго сновидѣнія, полнаго всѣми возможными и невозможными па, есть — *аффишу!* И когда заспанный лакей подноситъ ему этотъ давно-ожидаемый четырехъ-угольный листокъ сине-грязной бумаги, нерѣдко наполненный опечатками, съ какимъ наслажденіемъ пробѣгаетъ онъ съ самаго начала этотъ листокъ, гдѣ красуется многозначущее заглавіе: *На Большомъ-театрѣ*, до самаго конца, гдѣ выставлено: *Начало въ 7 часовъ*. И до этихъ завѣтныхъ семи часовъ онъ проводитъ время, думая, говоря и читая только объ одномъ театрѣ. Есть театралы этого разряда, занимающіеся и другими посторонними предметами, даже службой, но такія, впрочемъ весьма-рѣдкія явленія, составляютъ исключеніе, аномалію въ этомъ царствѣ. Подобный театралъ есть *monstrum theatrale, mirabile et horrendum.* — Истинный театралъ даже ничего не читаетъ, кромѣ аффишъ, балетныхъ программъ, разборовъ спектаклей, драматическихъ новостей и произведеній своей собственной театральной непечатной литературы, состоящей изъ передѣлокъ извѣстныхъ поэмъ и оперъ, изъ восторженныхъ посланій къ обожаемымъ предметамъ, и разныхъ стихотвореній, описывающихъ истинныя происшествія и событія, въ родѣ извѣстной баллады:

Мнѣ разсказывалъ квартальный,
Какъ изъ школы театральной....

или другаго знаменитаго стихотворенія:

Еще отъ самой колыбели
Къ театру страсть зажглась во мнѣ,
Мнѣ Аполлонъ и Музы пѣли
О незабвенной старинѣ, —

или пѣсни хористокъ изъ «Аскольдовой могилы»:

Ахъ, подруженьки прекрасныя,
Бокомъ сѣлъ весь первый рядъ,
Знать соперницы опасныя
За кулисами стоятъ.... и т. д.

Изъ другихъ изящныхъ искусствъ театралъ интересуется живописью, очень-любя картинки представляющія разныя лица, принадлежащія къ театру. Кромѣ-того, утро театрала занято прогулками мимо одного дома, угрюмой наружности, россійской архитектуры съ венеціанскими окнами, въ которыхъ по-временамъ мелькаютъ голубенькія платьица и востренькіе глазки. Въ блаженные года незабвенной древности, театраламъ удавалось иногда, подъ протекціей пріятеля-капельдинера, заглянуть изъ темныхъ ложъ на таинственныя репетиціи балетовъ, гдѣ при тускломъ свѣтѣ нѣсколькихъ лампъ, въ заманчивомъ полумракѣ, носятся подъ крики балетмейстера и режиссера, бьющихъ тактъ, существа, не слишкомъ эфирныя, въ бѣлыхъ коротенькихъ платьяхъ и казенномъ трико. Теперь — увы! — этотъ родъ запрещеннаго плода имѣетъ очень-строгихъ аргусовъ, и бѣдному театралу остается только бродить у театральнаго подъѣзда и ждать когда тронутся въ обратный путь темно-зеленыя кареты и еще

одинъ длинный, странный экипажъ, чрезвычайно-похожій на Ноевъ ковчегъ, — разумѣется, только въ отношеніи къ его вмѣстительности, а не къ существамъ, въ немъ находящимся. Удовольствіе провожать этотъ экипажъ сдѣлалось обязанностью всякаго театрала, и составляетъ отличительную черту, по которой его тотчасъ можно узнать. Во-время спектакля театралъ по призванію восхищается всѣмъ и всѣми. Попробуйте сказать что-нибудь дурное объ исполненіи или обстановкѣ, — онъ засыплетъ васъ восклицаніями: Что вы? да какъ вы? да съ чего вы взяли!!! Рѣдкій изъ нихъ волочится за какой-нибудь одной танцоркой: большею частью онъ влюбляется во всѣхъ по-очереди, по-мѣрѣ появленія ихъ на сценѣ, и въ-особенности страстный охотникъ до новыхъ дебютовъ и дебютантокъ. Если-же онъ и избираетъ какой-нибудь постоянный предметъ своего обожанія, то это не мѣшаетъ ему восхищаться другими жрицами Терпсихоры и быть всегдашнимъ покровителемъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ и каждой въ особенности. Нечего и говорить о томъ, что онъ знаетъ всю родословную и всю подноготную каждой танцорки, не исключая и тѣхъ, которыя танцуютъ — говоря техническимъ театральнымъ терминомъ — *у воды*, то-есть, въ послѣднихъ рядахъ. Онъ знакомъ также со всѣмъ театральнымъ міромъ, но особенно привязанъ только къ одному балету и балетнымъ. У него есть своя театральная географія и статистика. Онъ подробно знаетъ, гдѣ, какъ и чѣмъ живетъ каждое лицо, принадлежащее къ театру. Бѣда ему, если онъ позабылъ имя какого-нибудь балетнаго героя, или званіе, которое дано ему въ аффишѣ, - собраты его непремѣнно назначатъ ему какое-нибудь наказаніе на ихъ засѣданіяхъ, въ которыя они собираются толковать

О томъ, о семъ, а больше ни о чемъ,

и куда приглашаются нарочно для того изготовляемыми повѣстками. Оставляетъ онъ театръ только тогда, когда по волѣ судьбы или въ-слѣдствіе разныхъ непріятныхъ обстоятельствъ, переселяется куда-нибудь изъ Петербурга. Онъ не знаетъ другаго знакомства, кромѣ себѣ подобныхъ — и вотъ почему всѣ театралы составляютъ тѣсно-связанный между-собою кругъ, какое-то *status in statu*, какое-то особенное общество, у котораго существуютъ свои термины, свои обычаи и свои условія. Въ посту театралъ *par vocation*, за неимѣніемъ лучшаго, ходитъ въ кон-

церты, драматическіе и музыкальные вечера, на представленія разныхъ заѣзжихъ фигляровъ, и даже на публичныя лекціи сельскаго хозяйства — зрѣлища очень-поучительныя въ своемъ родѣ.

Театралъ по необходимости — есть лицо служащее при театрѣ и до такой степени сроднившееся съ своей должностью, что бредитъ только однимъ театромъ. Онъ также не видитъ нигдѣ недостатковъ и рѣшительно отъ всего безъ-ума. Онъ прекрасно знаетъ всю офиціальную, видимую часть театра, но всѣ анекдоты, тайныя происшествія и сплетни, знакомыя какъ нельзя лучше театралу по призванію, для него всегда бываютъ тайною. Онъ ничему не хочетъ вѣрить и когда ему говорятъ о чемъ-нибудь особенномъ, случившемся при театрѣ, онъ отвѣчаетъ: «Полноте! Какъ мнѣ не знать того, что у насъ дѣлается! Вѣдь я самъ, слава Богу, служу при театрѣ. «Эта спокойная увѣренность — причиною того, что онъ всегда всѣмъ доволенъ Въ каждомъ дебютантѣ онъ видитъ счастливое пріобрѣтеніе, въ каждомъ статистѣ — признакъ великаго дарованія, которое еще не развилось, но со-временемъ непремѣнно разовьется.

Театралъ-любитель есть самый благоразумный родъ этого многочисленнаго семейства. Онъ ходитъ каждый вечеръ въ театръ потому, что любитъ искусство и не любитъ выѣздовъ въ свѣтъ, баловъ и визитовъ. Не питая исключительно страсти къ балетамъ, онъ напротивъ-того болѣе привязанъ къ операмъ, ѣздитъ изрѣдка въ Александринскій и Михайловскій-театры, и позволяетъ себѣ пропустить часто нѣсколько спектаклей съ ряду, тогда, какъ театралъ по призванію бываетъ въ Александринскомъ только во-время представленій драмъ съ танцами, а на Михайловскомъ въ концертахъ съ живыми картинами. Не уважая безусловно всѣхъ и все, онъ отдаетъ справедливость достойному и порицаетъ дурное, не хлопая неистово такой-то, за то, что у нея большія, чорныя брови, или за то, что она очень-хорошо *отвѣчаетъ* такому-то. Онъ не садится исключительно въ крайнія ложи и кресла, не заботится узнать всевозможныя сплетни, и не знакомится съ послѣднимъ плотникомъ при театрѣ, потому-только, что онъ *театральный*. Если онъ и *предпочитаетъ* кого-нибудь изъ фигурантокъ, то не пялится изъ ложи на сцену при ея появленіи, непзъявляетъ бѣснующагося восторга, не бѣгаетъ смотрѣть, какъ она садится въ карету у театральнаго подъ-

ѣзда, а ведетъ дѣла свои съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой. Если онъ и очень-привязанъ къ театру, то все-таки театръ не составляетъ для него главной цѣли его существованія. Театралъ-любитель можетъ годиться на все, что вамъ угодно, кромѣ театра; тогда, какъ театралъ по призванію — рѣшительно больше никуда не годится. — Къ немногочисленному, но очень-замѣчательному разряду *театраловъ отъ бездѣлья* принадлежатъ большею-частью люди пожилыхъ лѣтъ, высшаго круга, которые ѣздятъ въ театръ только для того, чтобы быть тамъ, потому-что дома имъ дѣлать нѣчего, а въ обществѣ скучно. Театралы эти, незанятые ни чѣмъ въ своей жизни, ѣздятъ въ театръ отъ скуки и по-привычкѣ; они напротивъ почти ничѣмъ не восхищаются, все бранятъ, являются въ театръ очень-поздно и никогда не могутъ досидѣть до конца. Ихъ ничто не занимаетъ и не привлекаетъ особенно; многіе изъ нихъ безъ церемоніи дремлятъ, сидя въ креслахъ, и проснувшись отъ пенстовыхъ криковъ и аплодисментовъ сосѣдей, съ презрѣніемъ посматриваютъ вокругъ себя. — Они хлопаютъ только европейскимъ знаменитостямъ, уже прославленнымъ Парижемъ и другими законодательными столицами лѣтъ за тридцать тому назадъ, и которыя, по словамъ одного изъ нашихъ водевилистовъ,

Съѣзжаются на старости
Сюда со всѣхъ сторонъ....

Все остальное по словамъ ихъ — ниже посредственности, — и они безъ пощады, охрипшимъ голосомъ, осмѣиваютъ предметы восхищенія театраловъ по призванію, которые, не-смотря на это, очень уважаютъ своихъ важныхъ собратій.

Старымъ театраломъ дѣлается обыкновенно театралъ-любитель, въ-слѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ на нѣсколько лѣтъ отлучавшійся изъ Петербурга. Театралъ по призванію никогда не обращается въ стараго театрала: онъ или умираетъ въ своемъ прежнемъ званіи, или вдругъ, неожиданно, исчезаетъ, пропадаетъ неизвѣстно куда, какъ сонъ, какъ метеоръ, какъ падучая звѣзда — и никто не знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось и въ какое новое существо онъ превратился. Старый театралъ недоволенъ всѣмъ настоящимъ, вздыхаетъ о какихъ-то баснословныхъ балетахъ въ родѣ *Кесаря въ Египтѣ* или *Вулкановыхъ ев-*

тей, и постоянно ворчитъ на всѣхъ молодыхъ театраловъ и на молодые предметы ихъ обожанія. Съ восторгомъ разсказываетъ онъ о томъ, что̀ дѣлалось въ прежніе годы, и умильно смотритъ на уцѣлѣвшія, хотя и аккуратно подновляемыя, развалины давнопрошедшихъ красотъ заслуженныхъ фигурантокъ. Любимая фраза его: «Да что̀ вы? Да какъ вы! То̀-ли было въ наше время? Такъ-ли кутили наши театралы»! — однимъ-словомъ, все то̀, что̀ упоминается *въ пѣснѣ стараго театрала*, на голосъ «Вотъ какъ жили при Аскольдѣ» и оканчивающейся припѣвомъ:

Вотъ какъ жили театралы,
Наши дѣды и отцы»!

Старый театралъ безъ пощады браннтъ новые спектакли и теперешнюю публику, и счастливъ только въ тѣ дни, когда на аффишѣ является многозначущая фраза: *Въ первый разъ по возобновленіи*. Онъ самъ тогда, такъ сказать, возобновляется: обыкновенно-угрюмыя черты лица его проясняются, насупившіяся брови распрямляются, привѣтливая улыбка появляется на вѣчно-вытянутыхъ губахъ и онъ, одобрительно качая головою, напѣваетъ давно неслыханный мотивъ изъ какого-нибудь Діанина Древа.

Псевдо-театралъ, какъ самое названіе показываетъ, есть фальшивый театралъ, неимѣющій возможности быть истиннымъ театраломъ, а старающійся имъ казаться. Рѣдко является онъ въ театрѣ, но кричитъ всѣмъ и каждому, что не пропустилъ ни одного представленія «Руслана» и «Жизели». Онъ не знаетъ почти никого изъ дѣйствующихъ лицъ, а называетъ ихъ по фамиліи своему сосѣду, очень-часто не впопадъ. Онъ больше всѣхъ кричитъ и коверкается въ креслахъ, чтобы привлечь на себя общее вниманіе, то увѣряя, что всѣхъ знаетъ и знакомъ со всѣми, то посылая къ совершенно-незнакомой ему танцоркѣ фразы, въ родѣ слѣдующей: «Хорошо, Маша, очень-хорошо! Сегодня за ужиномъ я тебя за это расцѣлую». Спросите его о какомъ-нибудь танцорѣ, онъ, вѣрно, съ нимъ обѣдалъ еще вчера. Назовите какую-нибудь фигурантку, и онъ, значительно улыбаясь и величая ее по имени и отчеству, отвѣтитъ, что очень *коротко* знакомъ съ нею. Когда сборъ полный, псевдо-театралъ не показывается въ театрѣ, потому-что обыкновенно проскальзываетъ въ кресла даромъ, разными окольными путями. Онъ хвастаетъ и напѣваетъ дикіе мотивы безъ мило-

сердія, утихая только, когда мимо его проходитъ истинный театралъ *pure sang*. Хорошо еще, если этотъ самозванецъ между театралами забирается въ кресла только для того, чтобы пошумѣть и поважничать, но иногда онъ нарочно принимаетъ на себя этотъ видъ, чтобы скрыть подъ нимъ свое настоящее званіе, какой-нибудь литературно-театральной тли. Тлю эту, впрочемъ, легко можно узнать по примѣтамъ. Она обыкновенно одѣта въ истертый фракъ съ металическими пуговицами и сидитъ въ послѣднихъ рядахъ, смотря изъ подлобья на театраловъ и выжидая антракта, чтобы учтиво предложить имъ подписаться на какой-нибудь издаваемой ею художественно-театральный альбомъ, съ портретами современныхъ знаменитостей труппы. По временамъ тля эта, поймавъ какого-нибудь юношу-писателя, проситъ украсить его произведеніемъ готовое къ выходу изданіе и написать біографію артиста или разборъ піесы, обѣщая за это приличную плату. Этотъ родъ существъ самый опасный и гадкій.

Всѣ описанныя выше породы театраловъ, кромѣ послѣдней, живутъ удивительно какъ дружно между-собою, и чрезвычайно-довольны, когда, при небольшомъ сборѣ, они почти одни царствуютъ въ театрѣ, вполнѣ располагая знаками неодобренія и благорасположенія. Подобные спектакли они называютъ *домашними*. Бывали иногда даже такія представленія, въ которыхъ вся кресельная публика говорила другъ другу *ты*. Театралы съ восторгомъ вспоминаютъ объ этихъ дняхъ. Хотя они хлопаютъ всякому женскому личику, но нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ ихъ особенное благоволеніе, и тогда въ антрактахъ заботливые театралы перебѣгаютъ отъ одной группы своихъ пріятелей къ другой, усердно упрашивая похлопать такой-то. Партій, подобныхъ парижскимъ, у петербургскихъ театраловъ не имѣется. У театраловъ по-призванію есть, правда, антипатія къ одной извѣстной танцоркѣ, но это происходитъ совершенно отъ постороннихъ причинъ, и притомъ бо́льшая часть изъ нихъ отдаетъ ей должную справедливость въ вакхическихъ па, когда съ кастаньетами въ рукахъ, вырывая невольные крики восторга, пылая страстью и нѣгою, она изгибается какъ змѣя, подъ звуки бѣшенаго сальтарелло. Кромѣ спектаклей, театралы собираются еще въ маскарадахъ Большаго-театра, нѣкогда блистательныхъ и знаменитыхъ. Тамъ, между прочею публикою, бродятъ они важно и торжественно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, то дружною

стѣною, то отдѣльно, то подъ-руку съ маскою, обыкновенно чѣмъ-нибудь отличающеюся, хоть-бы непомѣрнымъ развитіемъ бюста. Такъ ходятъ они, смотря на пустыя ложи, на свѣчи въ люстрахъ, зѣвая и лѣниво передвигая ноги до самаго разсвѣта, потому-что истый театралъ долженъ непремѣнно выдти послѣднимъ изъ маскарада.

Внѣ театра театралы встрѣчаются во всѣхъ кофейныхъ и кандитерскихъ, гдѣ всесильная мода утвердила свое пребываніе. Они ѣдятъ разстегаки у Излера, бифстексъ у Доминика, мороженое у Беранже. Скромная кандитерская у Большаго-театра въ былое время укрывала ихъ шумныя собранія въ разныхъ фантастическихъ костюмахъ. Въ знаменитой ресторація, очень-остроумно въ одномъ водевилѣ названной *Отель-Морда*, угощали они порою театральныхъ паразитовъ изъ актеровъ-на-выходъ, за разныя услуги по исполненію возлагаемыхъ на нихъ щекотливыхъ порученій. Заведеніе это было свидѣтелемъ многихъ комическихъ и трагическихъ сценъ. Здѣсь собирались самыя свѣжія новости, приготовлялись планы будущимъ дѣйствіямъ, получались и отправлялись разнаго рода посылки, и псевдо-театральная тля уносила подъ мышкой пущенную въ нее бутылку съ шампанскимъ, по счастью неразбившуюся....

И все это должно прекратиться въ скоромъ времени надолго, можетъ-быть, даже навсегда. Опустѣла зала Большаго-театра, пріуныли кассиры и капельдинеры, не дѣлаетъ сбора ни «Русланъ», ни «Пери», ни «Аскольдова Могила»; исчезаютъ, разсѣяваются театралы по всему лицу земли русской, стрѣляютъ фигурантки съ отчаянія въ самые послѣдніе ряды креселъ, и въ рѣдкіе дни спектаклей глухо отдаются въ опустѣлой залѣ рукоплесканія какого-нибудь отчаяннаго театрала. Изъ-за синяго моря, изъ страны далекой, изъ итальянской нѣмечины, пріѣхали, нахлынули гости невиданные, неслыханные, не съ статуями и макаронами, какъ обыкновенно, но съ голосами такими чудными, отъ которыхъ невольно забились сладостнымъ, неиспытаннымъ чувствомъ булыжныя петербургскія сердца, пламенѣвшія до-тѣхъ-поръ только любовью къ годовому окладу награжденія и къ семи въ червяхъ. Убили эти заморскіе соловьи нашихъ доморощенныхъ соловушковъ; странно и дико кажется намъ теперь пѣніе, нѣкогда насъ восхищавшее. Исчезли съ Невскаго-Проспекта

и други хъарпстократическихъ улицъ мотивы «Руслана», «Роберта», «Фенеллы» и «Жизни за Царя». Урчитъ и мяучитъ весь православный городъ пѣсни хитрыя, басурманскія, не дающіяся русскому уху, превращающіяся въ русскомъ горлѣ въ какую-то музыкальную кашу, весьма-похожую, по выраженію Гоголя, на сапоги въ-смятку. Теперь, только въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Коломны, Пескова и полковъ мурлыкаютъ допотопные франты: «Злато мечтанье пустое» и скромныя красавицы чирикаютъ у раскрытаго окошечка: «Виновата-ли я, что мой милый Русланъ всѣхъ милѣй для меня»! Даже чиновныя лица, встрѣчаясь, привѣтствуютъ другъ друга словами: *Буонъ-Жорна*, что по ихъ мнѣнію, должно означать: «Будьте здоровы»! Убили, на-повалъ убили Итальянцы бѣдныхъ театраловъ. Стирается съ лица земли это любопытное поколѣніе, и скоро займетъ мѣсто между давно уже несуществующими животными, между плезіозаурусами, аноплотеріями и мастодонтами. Къ вамъ взываю я, испытатели природы и глубокомысленные философы! Спѣшите, пока еще есть время изучить это странное существо. Теперь, это, нѣкогда процвѣтавшее общество, ограничивается весьма-немногими представителями; но скоро придетъ ужасная минута, исчезнетъ навсегда театральство, и надъ гробомъ послѣдняго театрала исторія напишетъ печальную эпитафію:

«Подъ камнемъ симъ лежитъ *послѣдній театралъ*,
Здѣсь неоставившій достойнаго потомства.
Съ балетомъ умеръ онъ и, жертва вѣроломства,
Кончалсь, онъ мотивъ изъ *Пери* напѣвалъ,
И Итальянцевъ проклиналъ».

СМѢСЪ.

ИЗДАЛИ И ВБЛИЗИ.

РАЗСКАЗЪ Г-ЖИ МАРІИ ЭКАРЪ.

Сильвенъ Ренье, молодой студентъ юридическаго факультета сидѣлъ одинъ въ боковой ложѣ третьяго яруса, въ Комической-Оперѣ, и не-смотря на то, что давали *Посланницу*, все вниманіе его было обращено на одну изъ ложъ втораго яруса; въ оправданіе его должно однакожъ сказать, что оперетку эту давали не въ первый разъ, что второстепенные актеры занимали главныя роли и что, наконецъ, въ ложѣ, на которую былъ устремленъ взоръ Сильвена, сидѣла дѣвица, въ полномъ цвѣтѣ красоты и молодости.

Дверь въ ложу Сильвена отворилась и новый зритель сѣлъ возлѣ молодаго студента, котораго сердце и зрѣніе такъ были заняты хорошенькой дѣвицей, что онъ не замѣтилъ вошедшаго.

— Какъ она мила! Какъ она прелестна! говорилъ по-временамъ Ренье: какіе очаровательные глаза! Какая привлекательная улыбка! Какіе прелестные волосы!

— Влюбленные чрезвычайно-безпокойный народъ! проговорилъ вновь-прибывшій.

Сильвенъ взглянулъ при этихъ словахъ на своего сосѣда. То былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, обыкновенной наружности, одѣтый просто, но опрятно, и на лицѣ котораго выражалось болѣе проницательности, нежели благородства.

— О, если-бъ вы знали ее, такъ восхищались-бы не менѣе меня!

— Можетъ-быть, если-бъ я былъ въ вашихъ лѣтахъ и влюбленъ.

— Да и возможно-ли не любить ея? вскричалъ студентъ, и съ нескромностію, свойственною двадцатилѣтнимъ влюбленнымъ, онъ указалъ пальцемъ на ложу, въ которой находился предметъ его страсти.

— Правда, она недурна, сказалъ незнакомецъ.

— Недурна! Повторилъ Сильвенъ: — э, Боже мой! Найдите-же мнѣ другую дѣвушку, которая могла-бы сравниться съ нею? Посмотрите, какой нѣжный цвѣтъ лица, какая очаровательная круглота руки, которую только портитъ проклятый браслетъ!...

— Я смотрю и вижу, что вы ужасно влюблены, сказалъ незнакомецъ.

— Какъ безумецъ! Днемъ я всюду слѣжу за нею, ночью вижу ее во снѣ.

— Мужчина, который сидитъ за дѣвицей, вѣроятно, ея отецъ?

— Да, отвѣчалъ Сильвенъ:—это г. Дюбюиссонъ, отецъ Евгеніи.

— Вы знаете ее?

— Нѣтъ; я случайно узналъ ея фамилію и имя.

— Въ такомъ случаѣ явитесь къ г. Дюбюиссону и просите у него руку дочери.

— Боже мой! сказалъ Сильвенъ, пожавъ плечами: — сейчасъ видно, что вы не Парижанинъ и не знаете ни Дюбюиссона, ни меня.

— Извините; правда, я не Парижанинъ и даже весьма-рѣдко пріѣзжаю въ столицу, прибавилъ незнакомецъ съ улыбкой: но знаю, что Г. Дюбюиссонъ богатый банкиръ, а вы, студентъ....

— Вы забыли прибавить — бѣдный,... сказалъ Сильвенъ.

— Правда, бѣдный студентъ; бѣдный деньгами и — познаніями.

— Милостивый государь!... съ гордостію произнесъ Сильвенъ.

— Милостивый государь, продолжалъ странный незнакомецъ: я правъ; молодой человѣкъ, небывающій никогда на лекціяхъ и бѣгающій цѣлый день по слѣдамъ молодой дѣвушки, не можетъ быть богатъ познаніями.

— Но вѣдь она такъ мила и я такъ люблю ее!... отвѣчалъ Сильвенъ, какъ-бы увлеченный привычкой выслушивать выговоры профессоровъ и родныхъ. Вы правы: я студентъ, бѣдный познаніями и деньгами; но, увѣряю васъ, я не желаю ни богатства, ни славы, сопровождающей таланты; я желаю только ея любви и больше ничего!

— Хижину и ея сердце, насмѣшливо сказалъ незнакомецъ.

— Вы смѣетесь, возразилъ Сильвенъ: но, клянусь вамъ, я не шучу.

— Если-бъ вамъ удалось понравиться дочери банкира и же-

ниться на ней, то вы могли-бъ жить не въ хижинѣ, а во дворцѣ — она очень-богата.

— Знаю, отвѣчалъ Сильвенъ: это-то и приводитъ меня въ отчаяніе; я желалъ-бы, чтобъ она была бѣдна!

— Зачѣмъ отчаяваться? Вы молоды, недурны собою; слѣдовательно, можете понравиться,— стóитъ только захотѣть.

— Никогда, никогда!... Боже мой! Чтобы г. Дюбюиссонъ согласился отдать за меня дочь, надобно, чтобы какая-нибудь благодѣтельная фея доставила мнѣ состояніе, подобное состоянію самого Ротшильда.

— Вы жéнитеся на ней, холодно сказалъ незнакомецъ.

— Я?

— Вы! Вамъ стóитъ только захотѣть.

Изумленіе, выразившееся на лицѣ молодаго человѣка, не помѣшало ему однакожъ замѣтить, что дѣйствіе кончилось и что Г. Дюбюиссонъ собирался съ дочерью выдти изъ ложи.

— Она уходитъ, она уходитъ! вскричалъ студентъ, обратившись къ сосѣду.

Сосѣдъ изчезъ.

Сильвенъ Ренье вышелъ изъ ложи и побѣжалъ по коррндору, надѣясь догнать человѣка, который такъ утвердительно обѣщалъ ему руку дочери Дюбюиссона. Надежда проникла въ душу молодаго человѣка.... но онъ тщетно обошелъ всѣ корридоры, заходилъ въ фойе, воротился въ ложу.... незнакомца нигдѣ не было.

— Онъ насмѣхался надо мною, подумалъ Сильвенъ: люди страстные никогда не должны вступать въ разговоръ съ людьми холодными; послѣдніе не могутъ понимать ихъ или, чтó еще хуже, насмѣхаются надъ ними.

Между-тѣмъ банкиръ уѣхалъ съ дочерью, и Сильвену не удалось даже проводить ее до кареты. Съ грустью въ сердцѣ отправился онъ домой, въ мансарду, находившуюся противъ дома той, которую онъ столько любилъ.

Погруженный въ философическія размышленія, онъ подошелъ къ двери, позвонилъ, осторожно затворилъ за собою дверь, и скоро пробѣжавъ мимо комнатки привратника, вступилъ на лѣстницу.

— Послушайте!... закричалъ ему вслѣдъ привратникъ.

— Это я, это я!... скоро отвѣчалъ Сильвенъ: у меня ключъ съ собой.

— Да выслушайте-же, мосьё Ренье....

— Говорятъ вамъ, что у меня ключъ съ собой! — отвѣчалъ молодой человѣкъ не останавливаясь.

Сильвенъ былъ долженъ за два мѣсяца за квартиру, а потому видъ лица привратника былъ ему крайне непріятенъ.

— Куда-же вы идете? продолжалъ церберъ.

— Къ себѣ.

— Да вы ужъ прошли мимо вашей квартиры.

— Что? прошелъ?

—Вы изволите жить въ первомъ этажѣ.

— Что за глупыя шутки?

— Я столько уважаю васъ, что не позволю себѣ неприличной шутки... Вы изволите жить въ первомъ этажѣ, какъ я уже имѣлъ честь докладывать; квартира ваша прекрасно убрана, слуги ваши ждутъ.... прежняя квартира ваша уже отдана....

Сильвенъ съ изумленіемъ спустился нѣсколько ступеней. Онъ стоялъ на площадкѣ передъ дверью квартиры перваго этажа. По почтительному и покорному виду привратника нельзя было предполагать, что-бы онъ шутилъ; Ренье заключилъ, что во всемъ этомъ было какое-нибудь недоразумѣніе.

— Но вѣдь это квартира г. N***, депутата?

— Г. N*** занималъ ее прошлаго году, но въ нынѣшнемъ онъ еще не пріѣхалъ, а потому мы уступили ее вамъ.

— Мнѣ!

— Точно такъ.

Привратникъ позвонилъ. Маленькій грумъ, въ голубой ливреѣ съ малиновыми каймами, отворилъ дверь. Сильвенъ Ренье вошелъ въ переднюю. Мансарда его была уже отдана, слѣдовательно, онъ не могъ-же спать на лѣстницѣ. Едва вступилъ онъ въ переднюю, какъ какой-то господинъ, въ чорномъ фракѣ, съ бѣлыми манжетками, вышелъ къ нему на встрѣчу, со свѣчой въ рукахъ.

— Вы, сударь, изволили сегодня рано воротиться, сказалъ онъ съ полу-почтительнымъ, полу-фамилярнымъ видомъ слуги, повѣреннаго всѣхъ тайнъ своего господина:— я ожидалъ васъ не ранѣе полуночи.

— Вы ожидали меня?

— Это моя обязанность.

— Да вы кто?

— Жоржъ, каммердинеръ вашей милости, если вамъ угодно принять мои услуги.

— Да я-то кто?

— Г. Сильвенъ Ренье, изъ Бордо, студентъ.

— Увѣрены-ли вы въ томъ?

— Вы, сударь, изволите шутить....

— Да, да, я шучу.... сказалъ Сильвенъ, котораго, какъ студента, присутствіе духа не покидало въ важныхъ случаяхъ.

Онъ съ важностію сталъ прогуливаться по компатамъ; любовался убранствомъ и меблировкой залы, столовой, кабинета, купальни, спальни; въ послѣдней комнатѣ Жоржъ сказалъ:

— Вы, вѣроятно, сударь, не думаете еще ложиться спать?... Теперь еще очень-рано.... не прикажите-ли подать ужинъ?

— Именно, именно, сказалъ Сильвенъ, — подавай ужинать.

Такъ какъ Сильвенъ пообѣдалъ въ весьма-скромномъ трактирѣ за двадцать-два су, то не удивительно, что съ большимъ ап-

петитомъ съѣлъ цѣлую холодную куропатку и выпилъ бутылку бордо; потомъ выкурилъ сигару и приказалъ себя раздѣть. Улегшись на мягкой постелѣ, подъ теплымъ одѣяломъ, онъ сталъ раздумывать о томъ, что происходило съ нимъ. Это было недоразумѣніе или мистификація.

— О! вскричалъ онъ внезапно, ударивъ себя по лбу: — я и забылъ про своего сосѣда въ комической-оперѣ....

Эта мысль овладѣла умомъ Сильвена. Незнакомецъ явился неизвѣстно откуда и изчезъ неизвѣстно куда. Кто былъ этотъ незнакомецъ?... Не избралъ-ли онъ Сильвена орудіемъ какого-нибудь ужаснаго преступленія?... Не напоилъ-ли его почтенный каммердинеръ Жоржъ напиткомъ, отъ котораго онъ погрузится въ глубокій сонъ?... Одному Богу извѣстно, какую роль его заставятъ играть во время этого сна!... Твердо рѣшившись не смыкать глазъ во всю ночь, онъ однакожъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, какъ двадцатилѣтній влюбленный послѣ вкуснаго ужина.

Сильвенъ проснулся довольно-поздно, и не открывая еще глазъ, вспомнилъ о странномъ своемъ приключеніи.

— Какой вздоръ! подумалъ онъ: я видѣлъ все это во снѣ и, вѣроятно, по прежнему нахожусь въ своей мансардѣ.

Онъ открылъ глаза.

— Нѣтъ! Это не сонъ.... удивительно!

Онъ позволилъ; явился каммердинеръ.

— Портной ждетъ, сударь, сказалъ Жоржъ.

— Портной!... Ахъ, разбойникъ, онъ преслѣдуетъ меня за старый должокъ.

— Точно такъ, сударь; я ему сегодня все заплатилъ.

— Вы заплатили моему портному?

— Заплатилъ; можетъ-быть не слѣдовало?

— Нѣтъ, слѣдовало, очень слѣдовало!... Но какими деньгами?

— Вашими, сударь.

— Моими?

— Точно такъ, сударь; деньгами, которыя доставилъ мнѣ вашъ управляющій, на ваши расходы.

— Мой управляющій?

— Да; прикажете впустить портнаго?

— Пускай идетъ.

Портной вошелъ съ полнымъ гардеробомъ; онъ умолялъ Сильвена выбрать себѣ все, что только ему понравится. Сильвенъ выбралъ полный новый гардеробъ. Потомъ явился каммердинеръ съ журналами и письмами. Молодой человѣкъ распечаталъ первое письмо, которое попалось ему въ руки. Оно было отъ г. Дюбюиссона. Банкиръ покорнѣйше просилъ студента зайти къ нему.

Сильвенъ поспѣшно одѣлся, и тотчасъ-же отправился къ Дюбюиссону.

Богачъ банкиръ ждалъ его въ кабинетѣ; при входѣ студента онъ всталъ, пошелъ къ нему на встрѣчу и просилъ сѣсть.

— Вы любите мою дочь? Сказалъ онъ съ перваго слова.

— Позвольте....

— Вы любите ее, продолжалъ Дюбюиссонъ: — зачѣмъ отнѣкиваться?... вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ мы встрѣчаемъ васъ на каждомъ шагу.... Я согласенъ выдать за васъ свою дочь.

— О! какъ я вамъ благодаренъ! вскричалъ Сильвенъ: — но знаете-ли вы, кто я?

— Очень-хорошо знаю; неужели вы думаете, что я согласился-бъ отдать свою дочь за незнакомца? Вы — Г. Сильвенъ Ренье, изъ Бордо, студентъ, сынъ г. Марсіала Ренье, отставнаго капитана.... Извините, мнѣ надо кончить нѣкоторыя письма; теперь я васъ болѣе не задерживаю, но надѣюсь, что вы не откажетесь раздѣлить нашъ семейный завтракъ... тутъ-же я буду имѣть случай представить васъ моей женѣ и дочери.

Сильвенъ воротился домой, полный изумленія и счастія

— Жоржъ, Жоржъ! вскричалъ онъ:— ты долженъ непремѣнно открыть мнѣ, кто мой добрый геній?

— Вашъ добрый геній?

— Да, да!... я его знаю; ему лѣтъ сорокъ пять, физіономія довольно-обыкновенная, но глаза — чудо! Я долженъ благодарить его.... ступай, ступай къ нему!

— А какъ его зовутъ и гдѣ онъ живетъ? спросилъ Жоржъ.

— О, Боже мой! я съ ума схожу, подумалъ Сильвенъ: я самъ не знаю, что говорю.... Жоржъ, одѣваться!

Онъ сталъ одѣваться съ заботливостью человѣка, желающаго понравиться, и въ десять часовъ отправился къ г. Дюбюиссону.

Надо была только перейдти черезъ улицу. Онъ уже вступилъ на противуположный троттуаръ, когда за нимъ остановился кабріолетъ и кто-то дружески ударилъ его по плечу; онъ оглянулся и увидѣлъ незнакомца, котораго онъ наканунѣ встрѣтилъ въ Комической-Оперѣ и котораго называлъ своимъ добрымъ геніемъ. При дневномъ свѣтѣ лицо незнакомца казалось красивѣе и благороднѣе, но въ чертахъ его было лукавое и саркастическое выраженіе, которое почти испугало Сильвена Ренье.

— Ну что? сказалъ незнакомецъ: я сдержалъ слово, — вы женитесь на вашей Евгеніи и вамъ не нужна хижина, потому-что вы окружены роскошью и всѣми удовольствіями огромнаго богатства.... Смѣлѣе, молодой человѣкъ,— куйте желѣзо, пока оно горячо, пользуйтесь благорасположеніемъ г. Дюбюиссона; не упускайте удобнаго случая.

Сильвенъ хотѣлъ что-то сказать, требовать объясненій, но незнакомецъ ударилъ по лошади и въ одно мгновеніе и кабріолетъ, и незнакомецъ изчезли на поворотѣ въ другую улицу.

Сильвенъ твердо убѣдился, что онъ былъ игрушкой человѣка

богатаго, прихотливаго. Съ этой непріятной мыслью онъ вошелъ въ домъ банкира.

Дюбюиссонъ представилъ его женѣ съ положительнымъ лаконизмомъ дѣловаго человѣка.

— Милая Евгенія, сказалъ онъ дочери: – вотъ г. Сильвенъ Ренье, который тебя страстно любитъ; ты не можешь въ томъ сомнѣваться, потому-что, вѣроятно, сама замѣтила, что онъ всюду преслѣдуетъ тебя. Любовь и прекрасныя качества его заслуживаютъ награды; а ты достойна такого мужа.

Евгенія была нѣсколько блѣдна. Сильвенъ наблюдалъ за нею: при внезапномъ предложеніи отца, она опустила глаза, но не покраснѣла, съ видомъ дѣвушки, безпрекословно соглашающейся на предложенную сдѣлку. Г-жа Дюбюиссонъ показалась студенту хитрой, скрытной женщиной, узкія, сжатыя губы которой не обѣщали будущему зятю большой доброты.

За завракомъ всѣ были скучны, молчаливы, озабочены, исключая, однакожъ, хозяина, который пилъ чай и ѣлъ бѣлый хлѣбъ съ масломъ, съ тѣмъ спокойствіемъ и тою аккуратностью, съ какими онъ исполнялъ всѣ свои дѣла.

Послѣ завтрака молодые люди остались одни; для Сильвена наступила критическая минута.... Въ первый разъ видѣлъ онъ такъ близко ту, которую любилъ и, къ дополненію счастія или лучше сказать, смущенія, онъ былъ съ нею наединѣ. Хотя любовь его была по-прежнему сильна, однакожъ неожиданное и внезапное счастіе устрашало его, потому-что невольно онъ приписывалъ его коварнымъ замысламъ, жертвой которыхъ избрали его. Наконецъ, вблизи Евгенія казалась ему не такою хорошенькою; какъ въ чертахъ, такъ и въ цвѣтѣ лица онъ находилъ нѣкоторыя неправильности.... Послѣ минутнаго молчанія Сильвенъ преодолѣлъ смущеніе и рѣшился вступить въ затруднительный разговоръ.

— Сударыня, сказалъ онъ, вы видите предъ собою до крайности изумленнаго и осчастливленнаго человѣка.... Да, я люблю васъ; въ продолженіе шести мѣсяцевъ я всюду слѣдую за вами и когда остаюсь наединѣ, прелестный образъ вашъ не покидаетъ меня; но какъ-бы дерзки ни были желанія и мечты мои, я не могъ надѣяться, что они осуществятся.... и теперь еще я сумнѣваюсь....

— Вы слышали, что́ сказалъ мой батюшка, отвѣчала молодая дѣвушка, опустивъ глаза.

— Да, онъ сказалъ, что я буду вашимъ мужемъ,— онъ говоритъ, что я богатъ.... Вчера еще, когда я видѣлъ васъ въ Комической-Оперѣ, я не зналъ этого...

— Вы были въ Комической-Оперѣ?

— Былъ, потому-что вы были тамъ.

— И вы не знали...

— Я зналъ, что я бѣдный студентъ и сожалѣлъ о томъ, что

вы дочь богатаго банкира, когда какой-то человѣкъ, добрый или злой геній мой, предсказалъ мнѣ то, что со мною сегодня случилось.

При послѣднихъ словахъ Евгенія гордо подняла голову и Сильвенъ поспѣшилъ прибавить:

— Позвольте мнѣ объясниться: я называю его злымъ геніемъ только въ такомъ случаѣ, если съ вашей рукой вы не отдадите мнѣ и сердца.

Молодая дѣвушка церемонно поклонилась и отвѣчала:

— Я исполню волю моего отца.

Она встала, подошла къ фортепіано и аккомпанируя себѣ одной рукой, запѣла куплетъ, слышанный ею наканунѣ въ театрѣ. Въ то-же мгновеніе вошла г-жа Дюбюиссонъ; она взяла за руку будущаго своего зятя и отвела его въ другой уголъ комнаты.

— Слышите, сказала она съ граціозно улыбкой, которая показалась Сильвену насмѣшливой и двусмысленной: — слышите-ли, какъ она хорошо играетъ!... и какой у нея нѣжный и вмѣстѣ звучный голосъ.... Ахъ, да! я должна съ вами условиться въ одномъ: я не хочу разлучаться съ дочерью; вы будете жить въ Парижѣ, а не въ Бордо; намъ обѣщали это исполнить, когда свадебный контрактъ былъ заключенъ.

— Заключенъ! съ изумленіемъ вскричалъ Сильвенъ; а позвольте узнать, когда онъ былъ заключенъ?

— Будто вы не знаете! Вчера вечеромъ; когда мы воротились изъ театра, мужъ мой принялъ предложеніе вашего повѣреннаго.

Сильвенъ разсчиталъ, что это было въ то самое время, когда привратникъ показывалъ ему повую квартиру и когда каммердинеръ подчивалъ его холодной куропаткой.

— Впрочемъ поймите меня, продолжала г-жа Дюбюиссонъ:— жить въ Парижѣ не значитъ оставаться въ немъ безвыѣздно; я нисколько не противлюсь тому, чтобы вы купили имѣніе въ Бри, или Мо, или въ другомъ мѣстѣ, только, понимаете, не въ дальнемъ разстояніи отъ Парижа.... Тамъ мы вмѣстѣ будемъ проводить лѣто.... Не правда-ли, это очень-мило? Но, извините, Евгеніи пора одѣваться.... Будете-ли вы на гуляньи?.. Во всякомъ случаѣ, вы обѣдаете у насъ.

Мать и дочь удалились, а Сильвенъ, озадаченный, изумленный, воротился домой, чтобы тамъ привесть нѣсколько свои идеи въ порядокъ и поразмышлять о странномъ положеніи своемъ.... Ему казалось, что надъ нимъ висѣлъ мечъ Дамоклеса.

Въ передней встрѣтилъ его каммердинеръ, блѣдный, встревоженный.

— Боже мой! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ: — какое несчастіе! Вы, сударь, затра женитесь....

— Завтра? Кто тебѣ сказалъ?

— Вашъ управляющій; какая бѣда, сударь! Между платьемъ, которое вы изволили выбрать сегодня, нѣтъ синяго фрака....

Нельзя-жъ вамъ, сударь, обойтись безъ синяго фрака; это не водится.... Однакожъ я надѣюсь поправить все дѣло ... Вы, сударь, ѣдете на гулянье?...

— Кто тебѣ сказалъ?

— Управляющій; какъ изволите ѣхать — верхомъ, въ кабріолетѣ или въ коляскѣ?

— Убирайся къ чорту!

— Слушаю, сударь.

— Жоржъ, когда приходилъ управляющій?

— Четверть часа спустя послѣ того, какъ вы изволили выдти.

Оставшись одинъ въ кабинетѣ, Сильвенъ щупалъ себѣ пульсъ, щипалъ себя, смотря въ зеркало, чтобы удостовѣриться, не находился-ли онъ подъ вліяніемъ магнетическаго сна.

— Нѣтъ, говорилъ онъ:—я не сплю, все это происходитъ на яву!... Но что-же это значитъ?... Неужели Евгенія обольщена, и меня избрали, чтобы прикрыть проступокъ ея? Неужели и отецъ, и мать въ заговорѣ? А Богъ знаетъ, что со мною сдѣлаютъ, когда я женюсь на ней!... Управляющій, который плотитъ мои долги и знаетъ все, что я намѣренъ дѣлать, скажетъ мнѣ тогда, что у меня ничего нѣтъ, что я прежній бѣднякъ, и что я долженъ молчать и закрывать глаза, если хочу пользоваться милостями его!... Милостями моего управляющаго!... Чортъ знаетъ, что это такое!... Можетъ быть, онъ самъ въ связи съ дочерью банкира.... я женюсь, и этотъ человѣкъ, который располагаетъ мною, какъ самимъ-собою, пошлетъ меня въ Италію или куда-нибудь подальше, а самъ останется съ г-жою Ренье!... Какой низкій замыселъ!... И мать сама принимаетъ въ немъ участіе!... Ага! хитро придумано, но не искусно.... они слишкомъ поспѣшили и это открыло мнѣ глаза!

Сильвенъ не поѣхалъ на гулянье. Онъ не захотѣлъ пользоваться ни экипажемъ, ни лошадьми, которыя ему не принадлежали. Вѣжливость, однакожъ, требовала, чтобы онъ пошелъ обѣдать къ г. Дюбюиссону. Притомъ-же онъ надѣялся, что теперь хладнокровнѣе будетъ наблюдать за всѣмъ и, вѣроятно, откроетъ настоящую цѣль заговора, составленнаго противъ него.

Не будучи знакомъ съ обычаями свѣта вообще и съ обычаями дома Дюбюиссона въ особенности, онъ пришелъ слишкомъ рано. Хозяина не было еще дома; жена его была за туалетомъ; слуги были заняты; въ передней не было никого, кто-бы доложилъ о немъ. Однакожъ въ залѣ кто-то разговаривалъ. По робости или по любопытству, Сильвенъ посмотрѣлъ въ небольшое отверзтіе, остававшееся между открытой дверью и неплотно задернутой занавѣсью.

Вотъ что онъ увидѣлъ и услышалъ:

Евгенія задумчиво сидѣла въ креслахъ, на спинку которыхъ опирался молодой человѣкъ, пріятной наружности, съ золотисты-

ми кудрями, съ тоненькой тальей, одѣтый съ щегольскою изысканностію; онъ небрежно игралъ локонами молодой дѣвушки.

— Итакъ рѣшено: ты выходишь за́-мужъ?

— Да, отвѣчала Евгенія печально.

— Бѣдняжка!... Надѣюсь, однакожъ, Евгенія, что мы оттого не будемъ видѣться рѣже.

— Рѣже, Оскаръ! возразила Евгенія: — напротивъ, когда я буду за́-мужемъ, то мы будемъ видѣться каждый день.

— Итакъ до вечера....

— Да, да, до вечера.... отвѣчала Евгенія.

Оскаръ посмотрѣлъ на часы и вскричалъ съ испугомъ:

Пять часовъ!... Боже мой! Насъ могли застать!

Съ этими словами онъ нѣжно обнялъ молодую дѣвушку, взялъ шляпу и поспѣшно пошелъ къ двери. Сильвенъ только успѣлъ посторониться; Оскаръ промелькнулъ мимо его какъ тѣнь, какъ молнія.

Сильвенъ, взбѣшенный, вышелъ изъ передней, проклиная всю семью Дюбюиссоновъ, не исключая Евгеніи, которую онъ еще наканунѣ любилъ такъ страстно.

— Оскаръ, Оскаръ! говорилъ онъ переходя черезъ улицу: вѣроятно, какой-нибудь скандинавскій князекъ, иностранецъ который не хочетъ жениться на француженкѣ и тратитъ свои деньги, чтобы достать мужа той, которую онъ любитъ!... Охъ, ужъ мнѣ эти иностранцы! они большіе охотники до француженокъ вообще и до парижанокъ въ особенности!... проучатъ онѣ ихъ!... И всему этому виноватъ проклятый управляющій! Вѣрно, какой-нибудь Гасконецъ! Они вѣчно мѣшаются въ чужія дѣла, чтобы устроивать свои собственныя....

Сильвенъ не пошелъ обѣдать къ банкиру. Онъ зашелъ въ ресторанъ; въ уединенномъ углу отобѣдалъ очень-скромно, удовольствовавшись салатомъ вмѣсто жаркова и воротился домой.

— Ахъ, сударь!... сказалъ ему Жоржъ: васъ нетерпѣливо ждутъ къ г. Дюбюиссону.... разъ двадцать присылали.

— Хорошо, хорошо; если опять придутъ, говори, что меня дома нѣтъ. Ты мнѣ сегодня не нуженъ, и можешь идти со двора.

И Сильвенъ Реньé заперся въ своемъ кабинетѣ.

— Какой развратъ въ этой семьѣ! думалъ онъ: и отецъ, и мать, и дочь... Евгенія, которую я считалъ чистой, непорочной... Нѣтъ! они ошиблись; они нашли во мнѣ не такого человѣка, которой готовъ играть гнусную, отвратительную роль!

Углубленный въ тысячи самыхъ запутанныхъ мыслей, Сильвенъ просидѣлъ до одиннадцати часовъ вечера въ своемъ кабинетѣ. Было темно. Молодой человѣкъ подошелъ къ окну, отодвинулъ нѣсколько занавѣсъ и при слабомъ свѣтѣ звѣздъ увидѣлъ у окна противуположнаго дома Евгенію, которая, какъ-будто кого-то ожидала.... Она ждала не долго. Оскаръ вскорѣ

постучался тихонько, ему немедленно отворили и Евгенія отошла отъ окна. Первымъ движеніемъ Сильвена было бѣжать къ банкиру, собрать слугъ и въ-расплохъ застать преступную; второе движеніе его выразилось глубокимъ презрѣніемъ; онъ сѣлъ къ столу и написалъ къ г. Дюбюиссону елѣдующую записку:

«Милостивый государь!

«Причины, которыхъ нѣ за чѣмъ объявлять, принуждаютъ ме-«ня отказаться отъ чести жениться на вашей дочери; между на-«ми уже нѣтъ ничего общаго.»

Онъ позвонилъ. Явился неизбѣжный Жоржъ.

— Ты здѣсь? вскричалъ Сильвенъ. Зачѣмъ ты не воспользовался позволеніемъ, которое я тебѣ далъ?

— Я болѣе дорожу своими обязанностями, нежели удовольствіями, отвѣчалъ каммердинеръ.

— Снеси это письмо къ г. Дюбюиссону.

— Я очень-радъ, что вы пишете къ нему; этого требуетъ вѣжливость.

— Ступай, ступай!... Я самъ раздѣнусь.

Жоржъ почтительно поклонился и вышелъ.

Сильвенъ легъ въ постель, но долго не могъ заснуть.... На другой день онъ проснулся очень-поздно, зѣвнулъ, потянулся, отдернулъ занавѣсъ и увидѣлъ въ креслахъ, возлѣ своей постели ... незнакомца, спокойно ожидавшаго его пробужденія. Сильвенъ съ живостію вскочилъ.

— А! Это вы! вскричалъ онъ: — скажите мнѣ, ради Бога, кто вы? Волшебникъ, промышленикъ, торгующій честью и безчестьемъ, или геній...?

— Геній, геній! прервалъ его незнакомецъ, поклонившись: — геній, въ своемъ родѣ.... я фениксъ дѣловыхъ людей и повѣренный по дѣламъ вашего батюшки.

— У отца моего, сказалъ съ неудовольствіемъ Ренье, не было никогда такихъ дѣлъ, которыя....

— Точно, не было, опять прервалъ его незнакомецъ: — но теперь есть.

— По какому случаю?

— Онъ разбогатѣлъ.... дядя....

— Ха, ха, ха! Дядя изъ Америки? не такъ-ли?

— Нѣтъ, очень серьёзно отвѣчалъ повѣренный: — дяди изъ Америки водятся только въ комедіяхъ; но въ Англіи есть еще, хоть и немного, но есть дяди, у которыхъ племянники французы.... у вашего батюшки былъ такой дядя.

— А! не Тимоте-ли Ренье, эмигрантъ, бѣжавшій изъ Франціи въ 1789 году?

— Переселившійся въ Англію, продолжалъ повѣренный, въ Бирмингамъ, гдѣ онъ основалъ фабрику packingneedlees, большихъ иголокъ, для шитья парусовъ. Удивительныя были иголки! изъ

чистѣйшей стали, никогда не притуплялись и не ломались; а по тому....

— Но вѣдь этотъ дядя женился въ Англіи и имѣлъ дѣтей.

— Только одного сына, который, не оставивъ наслѣдниковъ, умеръ за недѣлю до своего отца; слѣдовательно, единственнымъ и полнымъ наслѣдникомъ дядюшки остался вашъ отецъ; ему принадлежитъ теперь и мануфактура и все, что́ она заработала иглами, триста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, то-есть, около восьми милліоновъ франковъ.

— О! произнесъ съ изумленіемъ Сильвенъ.

— Очень натурально, что по-этому случаю, батюшкѣ вашему понадобился повѣренный и онъ удостоилъ меня этимъ званіемъ. Онъ послалъ меня въ Парижъ, чтобы нанять вамъ приличную квартиру; надѣюсь, что я исполнилъ это порученіе какъ нельзя лучше: у васъ образцовые слуги, особенно каммердинеръ — настоящій кладъ! Наконецъ, такъ-какъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ, вы въ вашихъ письмахъ только и говорите о любви вашей къ дочери Дюбюиссона, то батюшкѣ вашему не угодно было противиться наклонности вашего сердца; онъ сказалъ: сынъ мой богатъ, пусть-же онъ будетъ счастливъ!—Основываясь на этомъ, я посватался отъ вашего имени и Дюбюиссонъ охотно согласился, потому-что банкиръ никогда не отказывается отъ зятя, у котораго восемъ милліоновъ.

— Какъ! вскричалъ Сильвенъ: — и вы спокойно помогали мнѣ вступить въ глупый и постыдный союзъ?

— Почему?

— Потому-что у этой дѣвицы, которую любилъ я до безумія, есть любовникъ; она любовница какого-нибудь скандинавскаго князька; я засталъ ихъ, когда они цѣловались и вечеромъ поздно она впустила къ себѣ этого Оскара!...

— Оскара? Позвольте, позвольте.... не молоденькій-ли бѣлокурый мальчикъ?

— Точно.

— Это братъ ея; отецъ не хочетъ знать его и не принимаетъ его у себя въ домѣ, потому-что онъ разоряется для какой-то танцовщицы. Впрочемъ, онъ хочетъ исправиться и вчера вечеромъ, мать и сестра Оскара сговорились ввести его тайкомъ въ кабинетъ г-на Дюбюиссона, гдѣ онъ долженъ былъ броситься къ ногамъ отца, испросить прощеніе и покляться, что на-всегда оставитъ свою танцовщицу. Вѣроятно, они теперь помирились.

— О небо! вскричалъ Сильвенъ: — а я отказался отъ руки Евгеніи!... Да и за-чѣмъ вы обманывали меня? За-чѣмъ вы скрывали отъ меня мое богатство? Очень-естественно, что я дѣлалъ самыя нелѣпыя предположенія.... Къ чему вся эта таинственность?

— У меня были двѣ причины: привязанность моя къ вашему батюшкѣ и расположеніе къ вамъ.

— Ко мнѣ?

— Да, батюшка вашъ соглашался на этотъ бракъ по слабости; у него были другіе виды на васъ, и я хотѣлъ услужить ему, расторгнувъ этотъ бракъ безъ ссоры съ вами.

— И чтобы расторгнуть этотъ бракъ, вы просили для меня руки Евгеніи?

— Именно; я хотѣлъ сначала услужить вамъ исполненіемъ пламеннѣйшаго изъ вашихъ желаній; но устроился такимъ-образомъ, что тотчасъ-же поставилъ васъ въ такое положеніе, въ которомъ вы невольно должны были хладнокровнѣе подумать о своей страсти. Я надѣялся, что холодность молодой дѣвушки нѣсколько охолодитъ и вашу любовь, оскорбивъ ваше самолюбіе; я надѣялся, что хитрый и лукавый взглядъ г-жи Дюбюнссонъ вамъ не понравится, и что вы, наконецъ, не захотите пожертвовать собою для дѣвицы, которая васъ не любитъ.... потому-что, будьте въ томъ увѣрены, Евгенія васъ не любитъ,—она только повинуется своему отцу. По счастію для меня, мнѣ помогъ еще мосьё Оскаръ....

Слушая послѣднія слова повѣреннаго, Сильвенъ всталъ и сталъ поспѣшно одѣваться; онъ былъ уже готовъ, когда на дворѣ послышался шумъ пріѣхавшаго экипажа.

— Если я не ошибаюсь, вскричалъ повѣренный, то это вашъ батюшка.

— Мой отецъ!

— Я жду его съ минуты на минуту.

Точно, это былъ богатый наслѣдникъ Бирминэмскаго капиталиста, Тимое Ренье. Онъ пріѣхалъ къ сыну, но не одинъ, а съ хорошенькою, восемнадцати лѣтнею брюнеткой, дальней кузиной Сильвена и подругой дѣтскихъ игръ его. Съ малолѣтства она привыкла называть Сильвена своимъ маленькимъ мужемъ, а онъ ее своей маленькой женой. До полученія наслѣдства, бракъ съ кузиной былъ-бы счастіемъ для Сильвена, потому-что она была богаче его. Бракъ этотъ былъ условленъ между родителями, слѣдовательно, измѣнить слову при полученіи огромнаго наслѣдства казалось отцу Сильвена дѣломъ неблагороднымъ. Не желая однако-жъ противиться счастію сына, онъ рѣшился во всякомъ случаѣ, для оправданія себя, удѣлить порядочную часть своего имѣнія молодой дѣвушкѣ.

По-счастію, все уладилось, какъ нельзя лучше. При первомъ взглядѣ на кузину, Сильвенъ вспомнилъ про свою первую любовь. Притомъ-же тутъ не было ни скучнаго тестя, ни хитрой тещи. Повѣренный г. Ренье тотчасъ-же замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на Сильвена красавицей кузиной и, воспользовавшись первой удобной минутой, онъ отвелъ его въ сторону.

— Не смотря на письмо, которое вы написали къ Дюбюнссону, сказалъ онъ, можно еще уладить все дѣло; ступайте къ банкиру и признайтесь ему во всемъ откровенно. Вѣдь въ поступкѣ

вашемъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Банкиръ пойметъ васъ и примирится съ вами; тѣмъ болѣе, что вы такъ богаты....

— Да, да, сказалъ Сильвенъ, изъ уваженія къ моему богатству.

— Конечно, это правда....

— Притомъ-же Евгенія гораздо лучше издали....

— И то правда; бываютъ такіе странные случаи: вотъ посмотрите хоть на вашу кузину.... Она удивительно хороша вблизи...

— Правда; притомъ-же я долженъ повиноваться волѣ отца....

НОЧНЫЕ ТОВАРИЩИ.

Нѣсколько молодыхъ людей, собравшихся въ Парижѣ 31-го декабря прошлаго года, за великолѣпнымъ ужиномъ, заключали между собою торжественное условіе.

На жертвенникѣ, составленномъ изъ пустыхъ бутылокъ, они поклялись, что начиная съ 1-го января до послѣдняго дня карнавала, они рѣшительно отказываются отъ дневнаго свѣта.

Каждый членъ этого договора обѣщался жить только ночью, въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцовъ. Они подписали условіе, за нарушеніе котораго обязывались платить штрафъ во сто луйдоровъ. Никакая отговорка не допускалась.

Члены этого общества назвались *Ночными Товарищами*.

Едва наступаетъ вечеръ, они выходятъ изъ квартиръ своихъ, и возвращаются домой за нѣсколько лишь минутъ до солнечнаго восхода.

Ночью *Товарищи* толпами являются на балы, на маскарады, съ энергіею и силами, возстановленными продолжительнымъ отдыхомъ и регулярною, въ своемъ родѣ, жизнію. Въ восемъ часовъ вечера они завтракаютъ, въ четыре часа утра обѣдаютъ.

Очень-естественно, что подобный родъ жизни служилъ поводомъ ко многимъ забавнымъ и непріятнымъ приключеніямъ. Недавно одно довольно-серьёзное обстоятельство поколебало основные законы общества.

Это было на одномъ изъ маскарадовъ въ Большой-оперѣ.

Одного изъ *Товарищей* интриговало прелестное домино, которое въ самую интересную минуту покинуло его и обратилось къ другому мужчинѣ. Товарищъ былъ изъ тѣхъ людей, которые неохотно и нескоро упускаютъ случай свести пріятное знакомство. Онъ хотѣлъ возобновить прерванный разговоръ, но соперникъ его былъ настойчивый, упрямый Англичанинъ. Помѣнявшись сначала крупными словами, Товарищъ далъ англичанину пощечину, послѣ него они помѣнялись и карточками.

— Требую удовлетворенія! вскричалъ Англичанинъ.

— Требованіе ваше очень-справедливо, отвѣчалъ Товарищъ.

— Въ Венсенскомъ лѣсу, на пистолетахъ, завтра утромъ.

— Не возможно, отвѣчалъ обидчикъ.

— Отъ-чего невозможно? Что̀ это значитъ?

— Венсенскій лѣсъ, по моему мнѣнію, очень удобное мѣсто; пистолетъ—оружіе, отъ котораго я также отказаться не могу, но вы прибавили — завтра утромъ, — это невозможно..

— Назначьте жь вы сами время.

— Я могу быть готовымъ къ вашимъ услугамъ не раньше 28-го февраля.

— Вы шутите или забываете, что теперь январь.

— Не шучу и ничего не забываю; только покорнѣйше прошу подождать пять недѣль.

— И вы думаете, что я соглашусь?

— Не думаю, а желаю; впрочемъ неперпѣливость ваша очень понятна и я могу представить вамъ только одно средство — не угодно-ли вамъ драться сейчасъ?

— Но теперь темно.

— Потому то я и могу располагать собою.

Это невозможно, невозможно!

— Отъ-чегоже? Мы уйдемъ въ уединенную улицу и станемъ подъ газовымъ фонаремъ.

— Невозможно, говорятъ вамъ! Я умѣю стрѣлять только днемъ.

— Коли такъ, то ждите до 28-го февраля.

Англичанинъ былъ упрямъ. Товарищъ сталъ просить у общества небольшое отступленіе отъ наложенныхъ правилъ, въ его пользу, и получилъ рѣшительный отказъ. Надо было объясниться.

Условіе было показано Англичанину.

— Вы видите, сказалъ ему Товарищъ, что если я уступлю вашимъ, впрочемъ весьма справедливымъ, требованіемъ, и явлюсь на солнечный свѣтъ, то долженъ буду заплатить сто луидоровъ. Признаюсь вамъ, что въ настоящее время я рѣшительно не въ состояніи истратить такой суммы.

Англичанинъ подумалъ съ минуту, потомъ отвѣчалъ:

— Это можно устроить.

— Не забудьте, что я подписалъ и кромѣ того далъ честное слово.

— Не бѣда!... Я за васъ заплачу̀ штрафъ.... Безъ отговорокъ, прошу васъ! Теперь всѣ препятствія устранены, и если вы будете еще отговариваться, то я въ-правѣ думать, что вы хотите уклониться отъ дуэли.

— Прекрасно; послѣднія слова ваши совершенно убѣждаютъ меня.

На другой день Товарищъ понучилъ пулю въ шляпу, а самъ всадилъ пулю Англичанину въ плечо.

Нельзя сказать, чтобы Англичанинъ сдѣлалъ выгодную спекуляцію, заплативъ сто луидоровъ за пощечину и рану; но честь

его была возстановлена, миръ заключенъ и онъ приглашенъ къ гастрономическому торжеству или торжествамъ, которыя будутъ даны по истеченіи срока на штрафныя деньги.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕАНСЪ ВЪ ТЮЙЛЬЕРИ.

Легуве, не представляя еще во Французскій-Театръ своей трагедіи *Смерть Генриха IV*, счелъ долгомъ сообщить ее Наполеону, который согласился прослушать ее. Чтеніе назначено было въ двѣнадцать часовъ. Академикъ прибылъ въ Сенъ-Клу, въ сопровожденіи Тальмы, который долженъ былъ читать піесу. Когда они вошли, сестры императора и дамы, ихъ сопровождавшія, хотѣли остаться въ *голубомъ салонѣ*, гдѣ долженъ былъ происходить этотъ литературный сеансъ, но были учтиво удалены Наполеономъ, объявившимъ имъ, что это только частное собраніе, въ которое онъ никого не желалъ допустить, кромѣ императрицы и гофъ-маршала, и самъ заперъ задвижкою дверь, извнутри этого салона, имѣвшаго сообщеніе съ главнымъ отдѣленіемъ дворца; потомъ, указывая Легуве на стулъ, попросилъ его сѣсть; замѣтивъ, что Легуве не рѣшался на это, онъ сказалъ ему съ тою грубостію, которая означала его благосклонность:

— Такъ вы хотите, чтобы я стоялъ?

Тальма началъ чтеніе піесы.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Генрихъ IV, въ тяжкой исповѣди, говоритъ Сюлли о своихъ страданіяхъ, безпрестанно увеличивающихся, которыхъ причиною — надменная Медичи, Наполеонъ ласково улыбнувшись Жозефинѣ, казалось, благодарилъ ее за кротость и неизмѣнную преданность; далѣе, при изображеніи истинной дружбы, соединявшей Генриха IV и Сюлли, этого счастія — имѣть вѣрнаго и преданнаго друга, на котораго можно было-бы во всемъ положиться, счастія, такъ рѣдко встрѣчаемаго вѣнценосцами, Наполеонъ сдѣлалъ рукою дружеское движеніе Дюроку, который стоялъ, облокотясь на спинку креселъ, и съ большимъ вниманіемъ слушалъ піесу. Когда Тальма произнесъ эти стихи, которые въ устахъ Беарнца были предзнаменованіемъ его будущей кончины:

Я трепещу. какое-то мрачное предчувствіе....

Наполеонъ прервалъ чтеніе и сказалъ Легуве:

— Я надѣюсь, что вы перемѣните это выраженіе: государь можетъ трепетать, онъ такой-же человѣкъ какъ и вы, но онъ никогда не долженъ въ этомъ сознаваться.

Легуве тотчасъ-же взялъ изъ рукъ Тальмы рукопись и перемѣнилъ такъ:

Я содрагаюсь, какое-то мрачное предчувствіе...

Наконецъ заговоръ, составленный противъ Генриха, приводится въ исполненіе, и король падаетъ подъ ножомъ Равальяка,

направленнымъ изступленными монахами Сюлли, пораженный горестью и страхомъ, повѣствуетъ о покушеніи на жизнь короля.

— Несчастный человѣкъ, превосходный человѣкъ! повторилъ нѣсколько разъ живо-тронутый Наполеонъ, между-тѣмъ какъ Жозефина заливалась слезами: — вы хорошо сдѣлали, сказалъ онъ, обращаясь къ Легуве, что назвали здѣсь по-имени виновниковъ этого гнуснаго злодѣянія; вамъ надобно приготовиться ко многимъ критикамъ, но я предсказываю вашей трагедіи огромный успѣхъ.

По окончаніи чтенія, Наполеонъ разговаривалъ съ поэтомъ о прочихъ его произведеніяхъ и изъявилъ свое намѣреніе наградить его талантъ достойнымъ образомъ; но Легуве скромно отвѣчалъ ему, что онъ уже получилъ эту награду — въ общественномъ уваженіи и въ томъ, что избранъ въ члены Академіи.

— Такъ вы ничего не желаете, спросилъ его Императоръ, бросивъ на него испытующій взглядъ: — даже пенсія не можетъ васъ соблазнить? Но я вѣдь знаю, что вы небогаты.

— Государь, я имѣю честь подтвердить вашему величеству, что я ни въ чемъ не нуждаюсь.

— Вы, любезный Легуве, настоящій поэтъ.

На другой день Наполеонъ отдалъ приказаніе артистамъ Французскаго-театра разыграть піесу въ самомъ скоромъ времени, предупреждая ихъ, что онъ и Императрица будутъ присутствовать при первомъ представленіи. Недѣлю спустя, театральная аффиша возвѣстила о первомъ представленіи драмы Легуве. Кажется, что въ эту эпоху гг. артисты не откладывали въ долгій ящикъ репетицій полученныхъ ими піесъ.

КАЛАМБУРЪ.

По случаю участія оперныхъ артистокъ въ празднествѣ, даномъ Наполеономъ въ Рамбулье, министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ приказаніе сдѣлать каждой изъ нихъ приличный подарокъ. Министръ, безъ сомнѣнія, не желая отяготить своего бюджета, послалъ имъ въ великолѣпныхъ переплетахъ книги, какія случились подъ рукою. Такой подарокъ, какъ должно предполагать, не очень былъ лестенъ для танцовщицъ. Нѣсколько времени спустя, Наполеонъ, собираясь устроить другой праздникъ во всемъ похожій на первый, спросилъ у своего министра, какую онъ въ тотъ разъ послалъ *благодарность* оперными артисткамъ.

— Государь, я имъ послалъ книги (livres).

— Какъ, книги? воскликнулъ съ удивленіемъ Наполеонъ: конечно, книги (livres, ливры) *золотыя?* прибавилъ онъ.

— Нѣтъ, государь: очень-любопытныя сочиненія, въ сафьянныхъ переплетахъ и съ позолоченнымъ обрѣзомъ.

И онъ прочелъ ему заглавія всѣхъ книгъ.

— Г-нъ министръ, сказалъ ему съ улыбкой Наполеонъ: — я хочу чтобъ теперь этимъ оперным госпожамъ было заплачено франками, а не книгами (ливрами).

ЗАБАВНАЯ СЦЕНА ВЪ ПАРИЖСКОЙ ПОЛИЦІИ.

Между различными способами воровать, Тиже избралъ для себя особенный способъ, подъ названіемъ *мое почтеніе*. Вотъ въ чемъ состоялъ этотъ способъ: рано поутру онъ являлся въ какую-нибудь богатую гостинницу, входилъ въ первую встрѣтившуюся комнату, когда она была не заперта, и забиралъ все, что̀ попадалось подъ руку. Если въ то время жилецъ, когда отворялась дверь, просыпался, Тиже говорилъ «*мое почтеніе*», дѣлая видъ, что зашелъ не туда, куда слѣдуетъ, спрашивалъ первое пришедшее ему на мысль имя и отправлялся дальше искать лучшаго счастья.

Нѣсколько дней назадъ тому, Тиже вышелъ изъ дому на разсвѣтѣ, и при томъ не позавтракавши, по весьма-простой причинѣ: ему было не на что̀! По этому онъ пламенно желалъ, посредствомъ *моего почтенія*, поправить худыя обстоятельства своего кармана и желудка. Онъ вошелъ тихонько въ гостинницу Вильямъ, ни слова не сказалъ привратнику и отправился на лѣстницу. Взойдя во второй этажъ, онъ увидѣлъ на перилахъ трое панталонъ, два сюртука и одно пальто: все это положено было тамъ трактирнымъ слугою, который занимался чисткою платья въ гостинницѣ. Тиже разсудилъ, что гораздо лучше взять то, что̀ можно, чѣмъ идти свидѣтельствовать кому-нибудь «свое почтеніе», можетъ быть не совсѣмъ удачно, — забралъ все платье и ушелъ, не будучи никѣмъ замѣченъ.

Черезъ четверть часа, онъ продавалъ свою добычу платяному торгашу, а черезъ другую четверть часа, шелъ, въ сопровожденіи двухъ солдатъ, къ полицейскому комиссару, съ которымъ имѣлъ слѣдующее объясненіе.

— Какъ васъ зовутъ? — Мутонъ. — Ваше званіе? — Студентъ. — Гдѣ вы живете? — На Эстрападной площади. — Гдѣ взяли вы платье, которое сейчасъ хотѣли продать? — Я взялъ его въ своемъ шкапу. — Для чего вы хотѣли сбыть его съ рукъ? — Я намѣренъ путешествовать. Хочу ѣхать на каникулахъ домой... Я ужъ три года не видался съ родными, и горю нетерпѣніемъ обнять ихъ. — Это платье дѣйствительно ваше? — Я думаю мое, если я говорю это. — Но вотъ эти панталоны вершка на два короче вашихъ ногъ. — Я много подросъ, съ-тѣхъ-поръ какъ сшилъ ихъ. — А вотъ эти слишкомъ длин-

ны. — Отъ того-то я и продаю ихъ, — мой портной ошибся.— Вотъ этотъ сюртукъ втрое шире васъ. — Я недавно былъ сильно боленъ и страшно похудѣлъ послѣ болѣзни. — Вы говорите, что вы студентъ и живете на Эстрападной площади? — Такъ точно. — Хорошо! такъ васъ отведутъ сейчасъ на квартиру, чтобъ убѣдиться въ справедливости вашего показанія. — Вы тѣмъ крайне меня обяжете, г. комиссаръ.

Два солдата повели новаго студента на Эстрападную площадь. Тише весело шелъ впередъ, какъ человѣкъ, которому вовсе нечего опасаться; но, дойдя до роковаго мѣста, онъ оборотился къ своимъ провожатымъ и сказалъ: «Мнѣ кажется, друзья, что я ошибся, и что квартира моя не здѣсь, а въ полиціи... Если вы непремѣнно хотите, вы можете отвести меня туда, — и въ этотъ разъ, надѣюсь, вы пройдетесь не по-напрасну».

Предложеніе Тише было исполнено, — его отвели въ полицію, а оттуда въ тюрьму на двухлѣтнее заключеніе.

КАКЪ СКОРО ПОЛУЧАЮТЪ ВЪ ПАРИЖѢ ЕВРОПЕЙСКУЮ ЗНАМЕНИТОСТЬ.

Еще нѣсколько недѣль тому назадъ, былъ въ Парижѣ молодой, безъизвѣстный человѣкъ, жившій въ бѣдной мансардѣ, съ горемъ и нуждою пополамъ, человѣкъ, впрочемъ, полный силы, вдохновенія и надеждъ. Случай улыбнулся этому человѣку: онъ нашелъ средство дать публичный концертъ, въ которомъ сыгралъ свое произведеніе, и на другой день весь Парижъ огласился новымъ именемъ, которое въ короткое время пролетѣло всю Европу. Имя этого человѣка — *Фелисіанъ Давидъ*.

Извлекаемъ изъ множества журналовъ краткую біографію этого замѣчательнаго артиста.

Фелисіанъ Давидъ родился, 8-го марта 1810-го года, въ небольшомъ городкѣ Кадене (въ Воклюзскомъ департаментѣ). Замѣтивъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ проявившіяся въ немъ большія музыкальныя способности, родители отвезли малютку въ Э и помѣстили въ хоръ пѣвчихъ при тамошней соборной церкви: — больше ничего не въ состояніи были сдѣлать эти бѣдные люди для его музыкальнаго образованія. Тамъ юный Давидъ скоро изучилъ все, что только зналъ самъ его учитель, прекрасный, но не обширнаго образованія человѣкъ. Дальнѣйшее образованіе получилъ Давидъ въ іезуитской коллегіи въ Э.

На 19-мъ году, ученикъ заступилъ мѣсто учителя: по собственному предложенію этого послѣдняго, онъ получилъ мѣсто директора хора. Не долго, однако, оставался онъ при этой сухой и однообразной должности: въ 1830-мъ году, отправился онъ въ Парижъ и вступилъ въ консерваторію, гдѣ пользовался наставленіями профессора Фетиса. Тамъ также подружился онъ съ

ровеснпкомъ ему по лѣтамъ, Генрихомъ Реберомъ, также замѣчательнымъ компонистомъ, въ особенности по своимъ симфоніямъ. Въ это время, увлекла молодаго композитора секта Сенъ-Симонистовъ; скоро сдѣлался онъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей отца Анфантена и когда, въ 1832 году, братство это удалилось въ Менильмонтанъ (Menilmontant), Давидъ вышелъ изъ консерваторіи и былъ однимъ изъ числа *Сорока*, хотѣвшихъ основать тамъ главное мѣстопребываніе послѣдователей этой секты. По закону этой секты, всякому сочлену ея назначался кругъ дѣйствія: Давидъ былъ сдѣланъ композиторомъ этого общества; хоры его охотно исполнялись сочленами, но, понятно, никогда не выходили изъ-за стѣнъ заведенія.

Извѣстно, что обстоятельства принудили общество Сенъ-Симонистовъ, къ концу 1832 года, уничтожиться. Нѣкоторые члены его обрили себѣ бороды, одѣлись въ обыкновенное платье и пустились снова въ треволненія житейскія; но самые ревностные послѣдователи, числомъ двѣнадцать, отправились на Востокъ. Въ числѣ ихъ, находился Барро (Barrault), въ настоящее время, политическій писатель, и Фелисіанъ Давидъ. Безъ всякой подпоры, безъ денегъ, безъ кредита, отправились туда эти фанатики, распространители новаго ученія, и съ ними фортепіано, подаренное молодому Давиду какимъ-то лионскимъ инструментальнымъ мастеромъ. Въ Марсели, сѣли они на корабль. Въ Константинополѣ, по приказанію Хозрева Паши, были посажены въ тюрьму, перетерпѣли много непріятностей и, наконецъ, отправлены въ Смирну. Оттуда отправились они въ Египетъ. Мегметъ-Али принялъ странниковъ благосклонно, убѣдилъ нѣкоторыхъ вступить къ нему въ службу и пользовался ихъ познаніями. Самъ отецъ Анфантенъ остался тутъ; но Барро и Давидъ отправились далѣе. Въ Каирѣ, какъ и прежде въ Смирнѣ, послѣдній давалъ уроки музыки и, такимъ-образомъ, добывалъ скудное пропитаніе себѣ и своему товарищу. Язва принудила ихъ покинуть Египетъ; они черезъ пустыни отправились къ берегамъ Сиріи и вѣрное фортепіано съ ними. Въ минуты роздыха, среди самыхъ дикихъ племенъ пустыни, Давидъ, при звукахъ этого фортепіано, забывалъ всѣ трудности, все бѣдственное положеніе свое. Солнце сожгло ему кожу, губы его сдѣлались толсты, волосы длинны и курчавы, одежда его вся въ лохмотьяхъ — но съ восторженными, пламенными взорами пѣлъ онъ, окружаемый полунагими дикими толпами, свои пѣсни и походилъ на пророка, передающаго народу внушенія неба. Особенное впечатлѣніе производили на дикихъ Давидовы народныя мелодіи. Вездѣ принимали странниковъ дружески и часто считали ихъ, а особенно піаниста, за существа сверхъестественныя. Но однажды дикое племя бедуиновъ, вообразившее, что въ фортепіано находится злой духъ, рѣшилось уничтожить его, и послѣ тщетной за-

щиты, привязанный къ дереву Давидъ съ горестію видѣлъ, какъ разрушали его драгоцѣнный инструментъ.

Въ 1835 году Давидъ воротился во Францію. Онъ издалъ семь тетрадей, собранныхъ имъ и оранжированныхъ для фортепіано восточныхъ мелодій; но они остались совершенно-незамѣченными. Обезкураженный этимъ, онъ удалился въ деревню къ одному другу своему, который тоже былъ *Египтянинъ*. Въ этомъ сельскомъ уединеніи, Давидъ безвозмездно преподавалъ уроки музыки всякому, кто ни приходилъ къ нему. По воскресеньямъ и по праздникамъ онъ игралъ на органѣ, и сельскіе жители, между коими тоже есть люди не глупые и знатоки въ музыкѣ, скоро замѣтили его значительный талантъ, и у Давида собирался постоянно большой кругъ слушателей. Съ 1836 по 1839 годъ Давидъ написалъ нонетъ (nonett) для духовыхъ инструментовъ и симфонію въ fa. Оба эти произведенія съ большимъ успѣхомъ даны были въ концертахъ Vivienne и St.-Honoré, но за всѣмъ тѣмъ все-таки остались незамѣченными публикою. Въ 1840 году началось новое поприще композиста. Съ этого времени и до 1844 года онъ написалъ множество квинтетовъ, симфоній и пѣсенъ (Египтянка, Отсутствіе, Сальтарелла, Le jour des morts, Ласточки и пр.). Въ 1844 году наконецъ началъ онъ свое главное твореніе, оду-симфонію, какъ онъ называетъ его – «*Пустыня*».

Текстъ для нея написалъ ему то-же одинъ изъ «Египтянъ», Августъ Коленъ, знакомый съ пустынею не по-наслышкѣ, и потому между композиторомъ и поэтомъ является такое согласіе, что, кажется, будто-бы музыка и слова написаны одною и тою-же рукою. Черезъ посредство то-же прежняго единовѣрца Мишеля Шевалье открылись скромному композитору залы Консерваторіи и тамъ, 8-го декабря прошлаго года, исполнена была въ первый разъ его «Пустыня». Никто не зналъ композитора, никто не интересовался имъ.... Но вотъ началась его музыка: скоро она обращаетъ на себя особенное вниманіе слушателей; участіе съ минуты на минуту возрастаетъ и превращается наконецъ въ энтузіазмъ. До-сихъ-поръ остававшійся не замѣченнымъ молодой человѣкъ дѣлается *музыкальнымъ львомъ*.

Вотъ краткій очеркъ произведенія молодаго композитора: оно начинается вступленіемъ въ пустыни и изображеніемъ чувствованій при видѣ безконечныхъ мертвыхъ песчаныхъ равнинъ. Дикій и фанатическій хоръ во славу Аллаха. Появляется караванъ, идущій въ Мекку: маршъ и хоръ странниковъ. Этотъ и всѣ другіе хоры въ симфоніи состоятъ изъ однихъ мужскихъ голосовъ, потому-что извѣстно, что на востокѣ женщины не могутъ участвовать въ подобныхъ странствованіяхъ. Вдругъ поднимается разрушительный самумъ. Ужасъ и отчаяніе овладѣваютъ странниками. Палящій вихрь несетъ смерть и отчаяніе. — Всеобщее смятеніе. Но бѣдствіе проходитъ, спокойствіе мало-по-малу возвращается и странники отправляются опять въ путь, направляя ша-

ги къ зеленому, весело-улыбающемуся на встрѣчу имъ оазису.— Вторая часть открывается пѣжнымъ пѣніемъ, ночью, въ лагерѣ странниковъ. Затѣмъ слѣдуютъ танцы, прерываемые пѣснями. Въ третьей части разсвѣтъ. Слышно пѣніе муэдзиновъ. Караванъ просыпается; повторяется прежній хоръ его и маршъ. Караванъ идетъ въ путь и исчезаетъ, и безконечная пустыня снова мертва и молчалива. Повтореніемъ хора правовѣрныхъ во славу Аллаха заключается это произведеніе.

НОВАЯ КОМЕДІЯ МОЛЬЕРА.

По заглавію статьи нашей, не подумайте, чтобы безсмертный Мольеръ воскресъ и написалъ новую комедію; нѣтъ, комедія, о которой мы хотимъ говорить, написана имъ прежде, нежели многія изъ его комедій; но считалась по-сіе время потерянною, такъ же, какъ и нѣкоторыя другія изъ его комедій, бо́льшею частію первыя произведенія, написанныя имъ во-время его сценическаго кочеванья, такъ-сказать, по разнымъ провинціяльнымъ театрамъ,—слѣдовательно, при самомъ началѣ его поприща. Комедія эта называется *Le Docteur Amoureux*, *(Влюбленный Докторъ)*. Комедію эту отыскалъ нѣкто Геро́ Лагранжъ, адвокатъ, (Guérolt La Grange), разрывавшій въ одной библіотекѣ бумаги, въ надеждѣ найти между ними нѣкоторые документы, нужные для одного фамильнаго процесса. Домъ, въ которомъ Г-нъ Геро Лагранжъ отыскалъ комедію Мольера, принадлежалъ нѣкогда Лагранжу, товарищу Мольера. Геро этотъ происходитъ самъ отъ Лагранжа, котораго и имя носитъ. Въ 1680-мъ году Лагранжъ пріобрѣлъ себѣ небольшой домишко въ Руанѣ, гдѣ въ то время жила часть его семейства. Лагранжъ въ разныя времена жилъ въ этомъ домѣ и составилъ тамъ библіотеку. По странному случаю, по невѣжеству-ли или по беззаботности потомковъ Лагранжа, библіотека эта не была настоящимъ образомъ разобрана по-сіе время, и никто не зналъ, какія книги и рукописи въ ней заключаются. Въ этой библіотекѣ, кромѣ книгъ, которыя необходимы для актера, находятся изданія сочиненій Мольера, Лагранжа, и одно изъ нихъ съ собственноручными его замѣтками.

Товарищъ и другъ Мольера въ послѣдніе годы жизни своей поселился въ Парижѣ. Съ 1682 года по 1692-й годъ его смерти, онъ не оставлялъ дома, въ которомъ жилъ, въ улицѣ Saint-André-des-Arcs. Г-нъ Геро Лагранжъ справедливо думаетъ, что предокъ его перевезъ въ Руанъ нѣкоторые изъ документовъ, которые должны были служить ему для пополненія послѣдняго изданія сочиненій Мольера, которое приготовлялъ онъ передъ смертію. Можетъ-быть, не помѣстивъ въ полное собраніе сочиненій Мольера комедію *Влюбленный Докторъ*, Лагранжъ исполнилъ

желаніе самого автора, строгаго къ своимъ первымъ произведеніямъ, про котораго Буало очень-справедливо сказалъ: Il plait à tout le monde et ne saurait se plaire. Какъ-бы то-ни было, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что у Лагранжа была рукопись комедіи *Влюбленный Докторъ*. Думаютъ, что рукопись эта была назначена для суфлёра; это тѣмъ вѣроятнѣе, что нѣкоторыя страницы ея ужасно испачканы, и въ одномъ мѣстѣ упоминается объ интермедіи, которой содержаніе однако-жь не объяснено. Въ половинѣ акта, въ ту минуту, когда, по уходѣ Маскарилля къ Клеанту, его господину, сцена остается пустою, до-тѣхъ-поръ, пока Маріана выходитъ съ Жеронтомъ изъ дому, въ рукописи находится любопытное указаніе, въ скобкахъ: «L'intermède des deux docteurs rivaux». Очевидно, судя по этой фразѣ, что Мольеръ не хотѣлъ писать особой интермедіи для *Влюбленнаго Доктора* и для этой піесы приспособилъ ту интермедію, которая сдѣлана имъ была для комедіи *Три доктора соперники*, которая, вѣроятно, имѣла, по содержанію своему, какое-нибудь отношеніе къ первой.

Кстати, кромѣ *Влюбленнаго Доктора*, нынѣ отысканнаго, у Мольера считаются потерянными комедіи: Le Mâitre d'Ecole, La jalousie de Gros-René, Gorgibus dans le sac, Le Fagoteux, Le Grand benêt de Fils и Gros-René petit enfant.

Вновь-отысканная комедія Мольера въ скоромъ времени представлена будетъ на Французскомъ-Театрѣ (Théâtre-Français).

КУПЛЕТЫ НОВОБРАЧНЫМЪ А. В. И А. В. З-МЪ.

Когда васъ радостнымъ привѣтомъ
Родство и дружба веселитъ, —
И я невольно сталъ поэтомъ....
Простите: сердце говоритъ!

Любовь и счастье васъ лелѣетъ,
Окрестъ друзей веселый кругъ.
Любовь у васъ не устарѣетъ,
Вамъ счастье будетъ вѣчный другъ.

Такъ! Вы родились другъ для друга:
Любовь всегда сплететъ вѣнецъ,
Когда красавица супруга,
Супругъ — удалый молодецъ.

Жить долго — жизнью наслаждаться,
И утѣшать друзей, родныхъ,
А намъ на васъ налюбоваться,
Веселыхъ, мѣлыхъ, молодыхъ!

Пусть долго, долго — многи лѣта
Вамъ будетъ *завтра*, какъ *вчера*,
А въ заключеніе куплета —
Здоровье молодыхъ! Ура!

А. Соловьевъ.

28 января.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КЪ ПОРТРЕТУ ПѢВИЦЫ ПЕРСІАНИ.

Въ числѣ пѣвицъ настоящаго времени занимаетъ, безспорно, одно изъ первыхъ мѣстъ, славная *Персіани-Такинарди*. — Отецъ ея знаменитый пѣвецъ-теноръ Такинарди блисталъ, съ 1804 по 1831-й годъ, когда наконецъ оставилъ сцену. — Важнѣйшую сторону таланта его, какъ пѣвца, составляли: чистота стиля, чудесная легкость исполненія и изящный вкусъ въ употребленіи фіоритуръ. По окончаніи своего драматическаго поприща Такинарди поселился въ Флоренціи, сталъ заниматься преподаваніемъ пѣнія, и образовалъ многихъ замѣчательныхъ артистовъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаютъ дочь его и г-жа Ферціолини; — объ снискали огромную славу во всей Италіи. — Итакъ Персіани, отличнымъ музыкальнымъ образованіемъ, обязана отцу своему. Вступивъ на сцену, артистка пѣла нѣсколько лѣтъ, на разныхъ театрахъ Италіи, вездѣ возбуждала живѣйшее впечатлѣніе превосходствомъ методы, удивительною чистотою и, если можно такъ выразиться, музыкальностію своего исполненія. Особенно Неаполитанцы горько сожалѣли, когда славная артистка оставила ихъ и перешла на парижскую сцену. Здѣсь поетъ она постоянно съ октября 1838 года, а на весенній сезонъ, по обыкновенію, переѣзжаетъ въ Лондонъ. Съ-тѣхъ-поръ парижскіе диллетанты наслаждаются, слушая на одной сценѣ двухъ отличныхъ примадоннъ, въ разныхъ родахъ, каковы Гризи и Персіани. Собственно родъ музыки, въ которомъ талантъ послѣдней является во всемъ блескѣ, opera-buffa и demi-seria. Голосъ ея, обширное сопрано, заключаетъ въ протяженіи своемъ 18 нотъ, отъ *si* басоваго, до высокаго *mi*. Почти всѣ ноты чудеснаго ея органа имѣютъ одинаковую чистоту, звонкость и пріятность, — это рѣшительная нить перлъ и алмазовъ; притомъ гибкость и легкость въ исполненіи всевозможныхъ трудностей пѣнья — безпримѣрны. Замѣчали иногда, что игра Персіани нѣсколько холодна. Однакожъ, хотя и удивляются великолѣпному пѣнію и игрѣ Гризи; но въ талантѣ Персіани, какъ пѣвицы, знатоки находятъ больше самобытности, оригинальности, творчества. Можно сказать, что Персіани заняла мѣсто Зонтагъ, но только собственно по роду исполняемой ею музыки, въ которой также, наиболѣе, отличалась и славная Нѣмка. — Мужъ Персіани замѣчательный композиторъ, и написалъ много оперъ, изъ которыхъ въ особенности извѣстна *Inés de Castro*.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Вотъ что̀ пишетъ въ своихъ «Запискахъ» мистриссъ Сидонсъ о роли Леди Макбетъ. «Я обыкновенно учила роли свои ночью, окончивъ всѣ мои домашнія занятія и хлопоты. Вечеромъ, наканунѣ перваго представленія Макбета, гдѣ я должна была играть роль Леди Макбетъ, я вздумала еще разъ протвердить свою роль, и какъ только домашніе мои улеглись спать, принялась за дѣло. Я полагала какъ-разъ кончить, потому-что роль была не велика. Мнѣ было тогда только двадцать лѣтъ и твердое знаніе роли я считала самою главною обязанностію артиста. Довольно спокойно начала я читать; вокругъ меня было все тихо — никогда не забуду я этой ночи — и такимъ-образомъ дочиталась я до сцены умерщвленія короля. Но тутъ напалъ на меня такой страхъ, что я не въ состояніи и разсказать этого чувства. Въ испугѣ я схватила свѣчку и бросилась бѣжать изъ комнаты какъ сумасшедшая. Шумъ платья, когда я бѣжала по лѣстницѣ, ведущей въ мою комнату, казался мнѣ шагами слѣдящаго за мною привидѣнія. Наконецъ я добѣжала до постели, бросила на столъ свѣчу, не имѣя духу погасить ее, и упала въ постель, закрывъ глаза и не помня себя отъ страха».

— Вотъ какъ описываетъ Дингельштедтъ въ своихъ «Путевыхъ Запискахъ» актрису Рашель, нѣсколько лѣтъ назадъ бѣдную, неизвѣстную еврейскую дѣвочку, а теперь европейскую знаменитость, получающую 42 тысячи фр. годоваго дохода, не считая того, что̀ она пріобрѣтаетъ отъ путешествій: — «Рашель вовсе не хороша, по-крайней-мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что̀ называютъ хорошимъ на театрѣ. Фигура ея для сцены слишкомъ-мала и худощава, но за то̀ голова ея имѣетъ величественное образованіе римскихъ головъ, встрѣчаемыхъ на древнихъ камеяхъ. Лобъ и виски значительно выдаются передъ подбородкомъ и шеею; взоръ-же нѣсколько глубоко-впавшихъ глазъ, взоръ, блещущій молніями страсти, полный то горькой иронія, то сладостной упоительной грусти и только съ трудомъ принуждаемый къ обыкновенному спокойному выраженію, — можно сравнить только съ звукомъ ея голоса. Рашель, полное олицетвореніе страсти, проявленіе какой-то глубокой печали — демонской силы, которой она страшится даже сама и которой волю даетъ она только въ нѣкоторые избранные моменты, оттѣняя всѣ прочія какимъ-то чувствомъ презрительнаго отрицанія или гордой иронія».

— Филиппъ V, король испанскій, потерялъ отъ болѣзни волосы и очень-дурно причесывался. Королева часто говорила ему объ этомъ, и наконецъ Филиппъ рѣшился сдѣлать себѣ парикъ. Это считалось чрез-

вычайно-важнымъ дѣломъ, и маркизъ Лувиль писалъ къ французскому министру: «У насъ возникли большія разсужденія на-счотъ новаго парика для его величества, и я прошу васъ обратить на это все ваше вниманіе. Вопросъ состоитъ именно въ томъ, изъ какихъ волосъ долженъ быть сдѣланъ этотъ парикъ — изъ мужескихъ или изъ женскихъ. Графъ Бенавенте не шутитъ этимъ дѣломъ. Онъ требуетъ, чтобы парикъ былъ сдѣланъ изъ волосъ извѣстнаго лица, для того, что, какъ извѣстно, посредствомъ волосъ много производится колдовства и много случалось несчастій».

Редакторъ *Межевичъ*

ГОСУДАРСТ... АКАДЕМ.
Ленинградская ... БИБЛИОТЕ...
... ЛУНАЧАРСКОГО
... ДРАМЫ

ОГЛАВЛЕНІЕ IX ТОМА.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

		Стр.
I.	Облака. Комедія Аристофана. Переводъ съ греческаго *Е. П. Карновича*.	3
II.	Къ Лавиніи. Стихотвореніе І. 4.	86
III.	Философія и Исторія музыки. Гандель. Статья Г-на *С. К.*	87
IV.	Отрывокъ изъ недокончennой поэмы: «Геннадій.» *В. Р. Зотова*	119
V.	Павелъ и Виргинія. Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. *П. А. Полеваго* . . .	138
VI.	Низамская Война. Романъ Г-на *Мери*. Перев. *П. Р. Фурманна*. (Окончаніе)	226
VII.	Къ ***. Стихотвореніе *Д. Ю. Струйскаго* . . .	356
VIII.	Юмористика. Новый-годъ. *Юмористико-фантастическая небылица о томъ, какъ Семенъ Иванычъ поздравлялъ свое начальство и своихъ знакомыхъ съ новымъ 1845-мъ годомъ и какое было при этомъ весьма-странное обстоятельство*	357
X.	Смѣсь. Модная петербургская болѣзнь — полькоманія. — Первые дебюты Тальмы. — Знаменитый человѣкъ въ закулисномъ мірѣ Парижа. — Сравнительная статистика театровъ Франціи и Германіи. — Какъ достаются театральные билеты въ разныхъ столицахъ Европы. — Анекдоты и мелочи	370

КНИЖКА ВТОРАЯ.

		Стр.
I.	Сенъ-Денп. Стихотвореніе *А. Н. Майкова*	385
II.	Фаустъ Гёте и его русскіе переводчики. *Статья первая*	387
III.	Разстались мы.... Стихотвореніе *А. А. Григорьева. (I. 4.)*	440
IV.	Матеріалы для исторіи русскаго театра. Михайло Матвѣевичъ Херасковъ, какъ драматическій писатель. Статья *М. Н. Макарова*	441
V.	А. И. З — ой. Стихотвореніе *В. И. Золотницкаго*	454
VI.	Философія и исторія музыки. Семейство Баховъ. Статья *С. К.*	455
VII.	6-е декабря. Стихотвореніе *В. Нескромнаго* . . .	478
VIII.	Женихъ, чемоданъ и невѣста. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе *П. И. Григорьева I-го*	479
IX.	Сто-тысячь или бѣда имѣть отъ мужа тайны. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. *П. С. Ѳедорова* .	517
X.	Любовь и приличіе. Повѣсть XIX вѣка. Сочиненіе *Виктора Нескромнаго*	551
XI.	Тайны провинціальныхъ театровъ. Статья *И. А. Коровкина*	607
XII.	Юмористика. Замѣтки Петербургскаго Зѣваки. § III. *О томъ, какъ у насъ слушаютъ итальянск. оперу*	619
XIII.	Смѣсь. Камелія. Разсказъ. — Откуда Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ Гамлета. — Нѣчто о романсѣ. — Письмо Фетиса старшаго о русскихъ композиторахъ. — Парижскіе театры въ 1844-мъ году. — Берлинскіе театры въ 1844-мъ году. — Анекдоты и мелочи	630

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

I.	Посвященіе къ трагедіи «Фаустъ». (Изъ *Гёте*). Стихотвореніе *А. Фета*	649
II.	Любовь и приличіе. Повѣсть XIX столѣтія, *Виктора Нескромнаго*. (Окончаніе.)	651
III.	Къ Лелли. Стихотвореніе *А. А. Григорьева*. . . .	704
IV.	Ермакъ Тимоѳеичъ или Волга и Сибирь. Драматическое представленіе въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе *П. А. Полеваго*.	705
V.	Прости (Farewell). Изъ *Байрона*	835
VI.	Искусство и художники. Малибранъ	836
VII.	На зовъ друзей. (Изъ *А. Барбье*) А. Пл....ва . . .	850

Стр.

VIII. Матеріалы для исторіи русскаго театра. О началѣ театра въ Россіи. Статья *П. Рындовскаго* 852

IX. Одна глава изъ «Сказаній объ одной темной жизни». *А. А. Григорьева* 866

X. Юмористика. Замѣтки Петербургскаго Зѣваки. § 4. Большой-Театръ. *Физіологическо-философическо-типическій очеркъ* 872

XI. Смѣсь. Издали и вблизи. Разсказъ Г-жи Маріи Экаръ. — Ночные товарищи. — Литературный сеансъ въ Тюйльери. — Каламбуръ. — Забавная сцена въ парижской полиціи. — Какъ скоро въ Парижѣ получаютъ европейскую знаменитость. — Новая комедія Мольера. — Куплеты новобрачнымъ А. В. и А. В. З — мъ. — Нѣсколько словъ къ портрету пѣвицы Персіани. — Анекдоты и мелочи. 889

—

Къ *девятому тому* слѣдуютъ приложенія:

1) Модная Петербургская болѣзнь — Полькомапія.
2) Сцена изъ Петербургской жизни: Уличные музыканты.
3) Портретъ пѣвицы Персіани.

=

1952. 7004

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ,

ВЪ 1846-мъ ГОДУ,

будетъ выходить *непремѣнно въ 1-е число каждаго мѣсяца, въ 8-мь часовъ утра*, и немедленно доставляться къ г-мъ подписчикамъ.

Въ каждой книжкѣ будетъ заключаться не менѣе *пятнадцати* листовъ убористой и чоткой печати.

Въ теченіе 1846 года приложено будетъ *четыре* модныхъ картинки, гравированныхъ въ Парижѣ на стали и тамъ-же раскрашенныхъ извѣстнымъ художникомъ *Жюлемъ Давидомъ*, и сверхъ того два портреты любимѣйшихъ современныхъ артистовъ русскихъ *П. С. Мочалова* и *А. А. Мартынова*, гравированные на стали въ Лондонѣ. Другія приложенія будутъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Годовая цѣна, за 12-ть книжекъ «Репертуара и Пантеона» —

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

За пересылку въ города и доставку на домъ платится сверхъ-того

ПОЛТОРА РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ.

Примѣчанія. 1) Подписавшіеся *послѣ* 1-го января модной картинки, слѣдующей къ 1-й книжкѣ, не получатъ.

2) Для жителей С. Петербурга принимается и *розничная подписка*, съ платою за каждую книжку по 1-му рублю серебромъ впередъ, т. е. подписавшійся въ декабрѣ платитъ *одинъ* р. сер., въ январѣ *два*, въ февралѣ *три* и т. д. Такая розничная подписка принимается *исключительно* у Издателя.

3) Можно покупать и отдѣльно каждую книжку *Репертуара и Пантеона*, съ платою по два рубля сер., безъ *картинки*.

4) Модныя картинки можно получать и отдѣльно отъ *Репертуара и Пантеона*, съ платою по 50 коп. сер. за каждую.

5) Немногіе остающіеся экземпляры *Репертуара и Пантеона* на 1845 годъ, можно получать по той-же цѣнѣ, т. е. по 10 р. сер., а съ пересылкою по 11 р. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ С.-Петербургѣ: 1) У самого издателя, *В. С. Межевича*, близъ Большаго-Театра, въ домѣ г-на Гюбеня, подъ N 5-мъ.

2) Въ книжномъ магазинѣ подъ фирмою *Александръ Смирдинъ*, на Невскомъ проспектѣ, въ д. г-жи Энгельгардъ *).

3) Въ книжномъ магазинѣ *М. Д. Ольхина*, на Невскомъ проспектѣ, въ д. купца Завѣтнаго.

4) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Въ Москвѣ. 1) Въ книжномъ магазинѣ *М. Д. Ольхина*, на Тверской, въ въ домѣ Мятлевой.

2) Въ книжномъ магазинѣ *Свѣшникова и Базунова*, между Дмитровкой и Петровкой на валу.

3) Въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта.

---

*) Тѣ изъ здѣшнихъ особъ, которыя желали-бы подписаться *безъ доставки на домъ*, благоволятъ обращаться въ книжный магазинъ, подъ фирмою *Александръ Смирдинъ*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгелъгардъ.

Печатать позволяется, 31-го октября. 1845. Цензоръ А. Мехелинъ.